

ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ
МУК «Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта»
г.о. Шуя

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск девятый

Шуя 2015

В сборнике представлены материалы XIII-XVI (2011-2014 гг.) Чтений по региональной казуальной истории «Уездная старина», проводимых Шуйским филиалом ИвГУ и музеем с 1999 г.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX – начале XX в., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Раздел сборника «В уездном городе N» знакомит с уездной жизнью соседних губерний, раздел «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства очевидцев о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*Научный редактор
доктор исторических наук Ю. А. Иванов*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского филиала
Ивановского государственного университета*

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитона Воробьева – уроженца деревни Тепляково Шуйского уезда*

ISBN 978-5-86229-371-5

© Шуйский филиал ИвГУ, 2015

© Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта, 2015

© Коллектив авторов, 2015

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

О. А. НЕСМИЯН

(г. Шуя)

ШУЙСКАЯ «ГЛАДИЛКА»

При раскопках на территории Шуйской крепости в 2010 году в слое, датированном монетами XV-XVII веков, найден стеклянный предмет полусферической формы, плоская поверхность которого слегка сглажена, в центре в небольшом углублении – утолщение. Диаметр находки – 85 мм, толщина 5 см, вес 834 грамма. Цвет – коричневый темный.

Шуйская «гладилка»: 1- вид сверху 2-вид снизу

В 1982 году в слое первой половины X века в Новгороде найден подобный стеклянный предмет, полусферической формы, известный в археологической литературе под названием «гладилка». Диаметр находки 8,3 см, высота 3,03 см, вес 362,4 г. Подобные находки известны в Бирке, Шварце Эрде, Голландии, Дании. Найдены они в основном в женских могилах и датируются началом эпохи викингов. При раскопках в Москве было найдено 9 подобных предметов в слоях XVI-XVII вв.

Функция «гладилок» была определена с помощью изобразительных материалов XVII века и каталогов норвежских, немецких и английских стекольных мастерских XVII-XVIII веков, где они интерпретируются как приспособления для разглаживания кружевных воротников, откуда их название – «гладилки». Считается, что предметы подобной формы можно использовать в качестве грузиков, также для обработки кож и штопки чулок. Однако для находок X века очевиден огромный хронологический отрыв, да и такие детали как большие гофрированные воротники и манжеты в костюме той эпохи отсутствовали. Но свое название стеклянные предметы носят и поныне. В истории стекла встречаются такие курьезы. Так, например, интенсивно окрашенное непрозрачное стекло называется пастой.

Сегодня изменился подход к изучению древнего стекла, считается обязательным дополнять историко-художественное и морфологическое изучение сведениями о химическом составе. Полуколичественный спектральный анализ стекла шуйской «гладилки» проведен в Центральном научно-исследовательском институте нерудных полезных ископаемых (ФГУП «ЦНИИ геолнеруд») Федерального агентства по недропользованию РФ (исполнители Фролова Н. А., Совитова И. С., Булыгина Е. А.). Анализ установил химический состав стекла – K-Ca-Si. Следует отметить, что новгородская «гладилка» по своему составу также принадлежит к классу калиево-кальциевых стекол. Традиционно уже более 50 лет считается, что калиевые стекла – это исключительно специфика западно-европейского стеклоделия с XI по XVIII века. Новые данные, приведенные Ю. Л. Щаповой, противоречат этой гипотезе: стекла, сваренные на древесной золе, производились и в других регионах. Не исключено, что в IX-X веках не только в Египте, но и на Ближнем Востоке применяли золу не только натрийсодержащих растений, но и других, содержащих калий. О применении древесной золы в стеклоделии Ближнего Востока до сих пор ничего не известно, хотя время от времени в поле зрения исследователей попадают калиевые стекла. Общеизвестно, что калий концентрируется в древесине, произрастающей в умеренной зоне. Ближний Восток лежит далеко на юг и на восток от нее. Однако в горах Средиземноморья располагаются зоны умеренного климата, где произрастают кустарники и деревья, аккумулирующие калий. Организация стеклоделия в Египте издревле допускала автономное существование

особой отрасли стекловарения, функцией которого было изготовление стеклянной массы и создание ее запасов. Возможно, что полуфабрикатам придавалась примерно та же полусферическая форма, что и у «гладилок». Кроме того, европейские мастерские X-XI веков (стекловаренная печь в Хайтхабу (Хедебю), открытая в 1913 году раскопками Г. Швантеса) относятся к типу мастерских, для которых характерен неполный производственный цикл, т.е. использование полуфабрикатов. Имея одинаковый химический состав, «гладилки» по своей рецептуре отличаются и от западно-европейских стекол XV-XVII веков. Как же «гладилка» оказалась на территории Шуи?

Украшения из стекла в Северной Европе, Прибалтике, городах Древней Руси и на ее периферии считались ценностью. Подобная оценка распространялась и на материал. «Гладилку», как материальную ценность, можно было превратить в конкретные полезные и ценные вещи. Покупатель из первых рук знал значение покупки. Однако привезя ее, домой, он не без досады узнавал, что ценное приобретение оказывалось бесполезным в реальном мире. Возможно, со временем, забылось и ценностное значение «гладилки». И в подпечной яме XVII века она оказалась в качестве гнета на бочке с квашеной капустой.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. Стеклянные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып.7. – М.: Институт археологии РАН, 2011.

Щапова Ю.Л. Некоторые предметы средневекового стеклоделия в свете новых данных («Гладилка» из Новгорода) // Советская археология. – 1989. – № 4. 1989.

**БЫЛ ЛИ Д. М. ПОЖАРСКИЙ В ШУЕ
В КОНЦЕ ИЮЛЯ 1612 ГОДА**

Лето 1612 года явилось кульминационным и тяжёлым периодом в истории гражданской войны в Московской Руси в начале XVII века. Национально-освободительное движение русского народа ещё оставалось расколотым из-за трений между руководителями второго ополчения, находившегося в г. Ярославле, и руководителями дворянско-казацких отрядов, втянутых в затяжные уличные бои с поляками в г. Москве.

Весть о приближении к Москве гетмана Хоткевича с войском для деблокации польского гарнизона Москвы заставила Пожарского немедленно двинуться к столице. Источники того времени прекрасно передают смятение, какое овладело казачьим табором при получении вестей о подходе польских войск. Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий, несмотря на открытое противостояние с Ярославлем, дают туда знать о нависшей угрозе. Пожарский немедленно бросает к Москве авангард – два отряда своего ополчения.

Главные силы нижегородского ополчения выступили из г. Ярославля в понедельник 27 июля 1612 года, имея в своих рядах вместе с татарским отрядом из Касимова, около 10 тыс. человек [1; С.82]. Войско, обременённое большим обозом и артиллерией, продвигалось медленно. Это дало возможность Д. М. Пожарскому продолжить работу по сбору сил и средств, для решающей битвы за Москву. Поручив князю И. Хованскому и К. Минину вести рать по дороге на Ростов, Д. М. Пожарский заехал в Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь, чтобы помолиться о победе у могил своих предков [2; С.94]. По дороге он занимался инспекцией гарнизонов и «в города же ещё посылал указы, чтобы войско собиралось, а также деньги и запасы везли» [3; С.122].

С основными силами отряд Д. М. Пожарского встретился вновь только в Ростове, где руководитель ополчения получил благословение и крест на освобождение Москвы от старца-затворника Борисоглебского монастыря Иринарха (+1616 г., причислен к лику святых) [1; С.83].

К Троице-Сергиевской обители отряды Нижегородского ополчения подошли 14 августа и стояли 4 дня 1612 г. Утром 20.08 вступили в Москву [1; С.83,86]. 22.08 начались тяжёлые бои с войском гетмана Хоткевича.

Наша задача состоит в попытке реконструкции движения ополчения и ответе на вопросы: Каким маршрутом шло ополчение от Ярославля до Ростова? Где сошёл с маршрута движения ополчения отряд Д. М. Пожарского, чтобы двигаться на г. Суздаль и каков маршрут этого движения? Проходил ли путь отряда Д. М. Пожарского через Иваново, Шую и другие населённые пункты современной Ивановской области?

В решении первой проблемы существует две версии. По первой путь войска пролегал через тракт Ярославль-Карабиха-Шопша-Семибратово-Ростов. Возле Шопшы Пожарский, сопровождаемый ближними дружинниками, повернул на дорогу Шопша-Великое и пройдя переправу через Которосль в слободе Гаврилов-Ям вышел на суздальскую дорогу. Перед решающим сражением военный руководитель ополчения направился в Суздаль, чтобы поклониться праху предков [4; С.12].

Другие исследователи утверждают, что дороги на Москву через Карабиху и Шопшу до начала XVIII века не было. Поэтому по второй версии путь ополчения из Ярославля проходил старым московским трактом, сначала совпадавшим с суздальской дорогой (Суздалкой) через с. Унимерь до с. Ставотино. Здесь старая московская дорога уходила вправо и, миновав переправу через реку в слободе Гавриловский Ям (ныне город Гаврилов-Ям), шла через село Великое на Ростов. Документальным подтверждением этой версии являются факты: в апреле 1613 года на пути из Костромы в Москву избранный Земским собором царь Михаил Романов три дня пребывал в с. Великом, там же останавливался Пётр I во время своих поездок из Москвы в Архангельск и др. [5.С.15]. Рассмотрев версии движения ополчения Ярославль-Ростов, мы видим, что в обоих вариантах маршрут Пожарского в Суздаль пересекается в одной точке, на суздальской дороге в районе переправы через р. Которосль ныне в городе Гаврилов-Ям. Её мы будем считать местом, где разошлись пути войска и Д. М. Пожарского в Суздаль. (Считая, что вторая версия движения ополчения Ярославль-Ростов предпочтительнее, мы оставляем решение этого вопроса будущим исследователям).

Слобода Гарилов-Ям имела важное стратегическое значение как место речной переправы и развилки, подходящих сюда дорог. Первое документальное упоминание о Гаврилов-Яме относится к первой трети XVI века, оно именуется как Ворь Гаврилова. В 1545 г. – деревня Гаврилово. В 1580 г. именуется Гавриловский Ям, здесь создана в 70-х годах XVI века почтовая станция. С 1792 г. – село Гаврилов-Ям, с 1925 г. – рабочий посёлок, в 1929 г. получает статус районного центра. В 1939 году Гаврилов-Ям – город. Факт становления города говорит о гении места.

Этот факт подтверждает топонимика. Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, Полный церковно-славянский словарь, Толковый словарь В. И. Даля и др. дают основание с достаточной долей уверенности утверждать, что имя собственное деревни «Ворь» происходит от слов вора, воры, завора, что обозначало забор, ограда, преграда, запор, не пропуск, застава (6). Это свидетельствует о первоначальном крепостном характере данного поселения.

Древний прогон лошадей здесь и торг их в селе Великом только подтверждают эту гипотезу. В 1580 году деревня именуется Гавриловским Ямом. Имя собственное «Ворь» кануло в лету. На смену функции заставы на древней переправе в узле развитой дорожной сети приходит функция почтовой станции и ямской слободы.

Из этой точки отряд Д. М. Пожарского мог попасть в Суздаль двумя путями. Первый – по Большой столбовой дороге, именуемой «Суздалкой», через Овсянниково на Нажерово – Аньково – Гаврилову слободу (ныне Гаврилов-Посад) – Суздаль. Всего 120 км. Второй путь по Большой столбовой дороге через Ставотино на Писцово – Иваново – Кохму – Шую – Лежнево – Суздаль. Всего 170 км.

Оценивая сложившуюся ситуацию и последующие события, Верховный правитель всея земли, облечённый исполнительной властью Советом всея земли, на наш взгляд, мог выбрать второй путь движения для эффективного решения проблемы сбора дополнительных сил и средств в решающей битве за Москву. Поэтому маршрут отряда Пожарского, видимо, прошёл из с. Ставотино на с. Писцово и далее Иваново – Шуя – Лежнево – Суздаль – Гаврилова слобода – Аньково – Ильинское – Ростов. Всего 290 км.

Косвенно эту гипотезу может подтвердить и тот факт, что вотчины князя Д. М. Пожарского находились на территории современной Ивановской области. Это, несомненно, должно было помочь князю в решении поставленных задач.

Выбранный путь – часть древнего пути из г. Ярославля (через Шую) на г. Муром. Это единственный меридиональный сухопутный путь в данном регионе, находящийся между двумя подобными меридиональными дорогами: Кинешма – Н. Новгород и Ростов – Владимир. Развитая сеть дорог должна была обеспечить быстрый подход дополнительных сил ополченцев и подвоз всех необходимых ресурсов для снабжения войск. Это давало возможность самому Пожарскому (с 27.07.1612 г. по 14.08.1612 г) за 19 дней решить поистине громадные задачи. Он осуществил инспекцию ряда городов и сёл, идя по Большим столбовым дорогам в основном по территории нашего края. Князь Дмитрий Михайлович посылал отряды подходящих ополченцев на освобождение от польских отрядов отдельных городов и сёл по берегам рек Тезы, Луха, Уводи [1; С.80]. Полководец специальной жалованной грамотой шуйскому воеводе князю И. Д. Гундорову регламентировал порядок формирования дополнительных отрядов ополчения (2; С.91,99). Это касалось и других мест сбора ополченцев и их воевод. В Суздале инспектировал собранные князем Р. П. Лопата-Пожарским войска и обеспечил им жалование за август.

Для решения этих грандиозных задач князь Д. М. Пожарский должен был передвигаться с большой быстротой. Известно, что до второй половины XIX века из села Иванова ездили в Москву по Стромьинскому тракту, через Гаврилово-Посад и Юрьев Польской как по ближайшему сообщению. Езда на переменных лошадях была редкостью. Проезд в удобной повозке из Иванова до Москвы (300 вёрст) продолжался от 5 до 7 дней по тогдашним путям сообщения в трудное весеннее и осеннее время. Зимой и летом проезжали скорее. Езда была от 50 до 70 вёрст в сутки [7; С.71].

Мы можем предположить, что для решения поставленных задач в крайне сжатые сроки Д. М. Пожарский должен был идти налегке без обоза и иметь запасных, переменных лошадей. Это давало возможность в указанные сроки соединиться с основными силами ополчения в Ростове и 20 августа 1612 года вступить во главе войска в столицу. Сюда подошли отряды ополченцев

под руководством городского воеводы князя Р. П. Лопата-Пожарского из г. Суздаля [2; С.198]. В это время к Москве спешил на помощь Д. М. Пожарскому воевода князь Артемий Измайлов с владимирцами, суздальцами и шуянами [8; С.275]. Поставленная задача по сбору дополнительных сил и средств для второго ополчения была выполнена.

Литература

1. *Соколов А. Н.* Род Мининых и князь Дмитрий Пожарский. – Нижний Новгород, 2008.
2. *Кабанов А. Ю., Семененко А. М.* Ивановский край в Смутное время. – Иваново: ОАО Иваново, 2010.
3. Великие российские историки о Смутном времени / Авт. сб.: В. Татищев. Н. Карамзин и др. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
4. Путеводитель по Ярославской губернии за 1859 г. – Ярославль: А.П. Бутурлин, 1859.
5. Гаврилов-Ямская сторонка. – РМП, 2008.
6. В книге «Писцовые материалы Ярославского уезда ХУ1 в. Вотчинные земли» (1999) в алфавитном указателе населённых пунктов Гаврилов-Ям именуется как Ворь (Гаврилова). Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т.1. Ч.1. – М.: Книга, 1989, – С.306; Там же. – Т.1. Ч.2. С.903; Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел московского Патриархата, 1993. – С.94; Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. Т.1.– М.: Иностранных и национальных словарей, 1956. – С.244, 166, 244, 562; Плужников В. И. Термины русского архитектурного наследия. – М.: Искусство, 1995. – С.38.
7. Наш край / Историко-культурный сборник. Под редакцией Б. В. Александрова и др. – Иваново-Вознесенск: Основа, 1926.
8. *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. – М.: Московский рабочий, 1986.

КАБАЦКИЕ И ТАМОЖЕННЫЕ ОТКУПЩИКИ В ШУЕ В XVII В.

Сбор таможенных и питейных доходов, составлявших важнейшие доходные статьи государственного бюджета, в первой половине XVII в. производили либо избиравшиеся местным населением таможенные и кабацкие головы и их помощники – целовальники, либо откупщики.¹ Служба голов и целовальников, длившаяся обычно год, являлась государственной повинностью. Они выбирались тяглым обществом из своей среды, и в случае «недобора» ожидаемой правительством суммы несли материальную ответственность (при их несостоятельности она возлагалась на избирателей).² Навремя исполнения своих обязанностей им строго воспрещалось производить собственные коммерческие операции. Если взимание таможенной и питейной прибыли передавалось откупщику, то он вносил в казну заранее оговоренную денежную сумму, а все доходы, полученные сверх нее, оставлял себе. Откупной способ был для государства более предпочтительным. Он гарантировал получение фиксированной суммы в размере не ниже (как правило, даже выше) обычно собираемой в данном населенном пункте, а также избавлял власти от хлопот с выборами голов и целовальников. Естественно, откупщики гораздо строже следили за полнотой таможенного и кабацкого сбора, ведь от этого зависел коммерческий успех их предприятия.

Взаимоотношения таможенных и кабацких голов и откупщиков с государственными властями в центре и на местах, а также с населением городов и уездов изучены недостаточно. Особенно слабо исследованы взаимоотношения воевод и местных жителей с откупщиками. Публикации на эту тему носят единичный характер.³

В нашей статье будет рассмотрено взаимодействие кабацких и таможенных откупщиков в Шуе в первой половине XVII в. с местным населением и центральной администрацией. Для характеристики этих взаимоотношений привлечены материалы архива съезжей избы г. Шуи, почти целиком попавшего в руки известного краеведа середины XIX в., В. А. Борисова. К сожале-

нию, большая часть его коллекции оказалась в центральных архивах, поэтому нам доступна лишь часть имевшихся в его распоряжении актов, опубликованных в разное время самим В. А. Борисовым, а также сохранившихся в коллекциях Я. П. Гарелина и Д. Г. Бурылина в Государственной архиве Ивановской области.

Первые сведения о кабацких откупщиках в Шуе относятся к началу 1620-х гг.⁴ Если в 1619/20 г. «кабацкие деньги» в государеву казну платили кабацкие целовальники,⁵ то уже в следующем, 1620/21 г. «кабацкий сбор» был отдан на откуп, причем получили его не сторонние люди, а шуяне Илья Овдокимов и Петр Кириллов.⁶ Однако надолго эти откупщики не задержались. В августе 1621 г. они передали верному голове Кузьме Свиныну «на кабацкой завод... что у них осталос после их откупного сроку кабацкого питья... и кабацких запасов хмелю и солоду ржанова, ржи и дрозжей пивных».⁷ Возможно, причиной передачи кабацкого сбора посаду стал невысокий денежный сбор откупщиков: немногим более 580 р. против 612 р. в предыдущем году.

После этого новые откупщики появляются в Шуе в 1627/28 г. Возможно, к этому подтолкнул инцидент с кабацким головой Харитоном Иголкиным, у которого по извету от 4 сентября 1626 г. было обнаружено 20 ведер краденого кабацкого вина, выяснилось, что это не первый случай.⁸ Вероятно, поэтому новые откупщики уже были сторонними лицами, представляя влиятельные столичные деловые круги – откуп получили тяглец московской мясницкой полусотни М. Н. Фролов «с товарищи».

Вторжение чужаков вызвало конфликт с посадом, вспыхнувший осенью 1627 г. Откупную грамоту москвичи получили 18 сентября,⁹ однако передача им «запасов и питья и всякого кабацкого завода и кабацкого двора» шуйским верным головой Иваном Владимировым затянулась. Лишь 8 декабря шуйский воевода «отказал кабак» Фролову и тот сразу же (14 декабря) отправился в Москву с челобитной на Владимирова. В конфликт втянулись и представители центральной администрации: воевода Д. М. Овцын поддержал шуян, а губной староста Ф. И. Кишкин – откупщиков.

В итоге Фролов обвинил воеводу в том, что тот во время его отсутствия оставшихся в Шуе откупщиков «на правеже мучил и в тюрьму сажал», запечатав кабак и амбары на три недели,

отчего «продажного питья на кабаке не было», а в тюрьме воевода «вымучил» на обвиняемых 20 р. и ведро вина, да еще 6,5 р. получили его «пристава и людишки». Воевода отрицал это, в свою очередь, обвиняя Фролова в том, что он не дал отпись Владимиру в приеме «кабацкого заводу», а его товарищей – в смерти кн. И. И. Гундорова, угоревшего на пожаре в кабаке. Губной староста, по мнению воеводы, в этом деле «обыскивал... нороя» московским откупщикам, подделывая рукоприкладства и таким путем получая необходимые ему показания.¹⁰ Однако, судя по всему, недружественные действия воеводы действительно имели место: в своей челобитной он оговаривается, что после отбытия Фролова в Москву, велел взять на его «товарищах» поручную запись «чтоб... казна безвесно не пропала». Вероятно, с этим и были связаны факты, описываемые откупщиками. Естественно, в условиях конфронтации работать откупщикам было чрезвычайно сложно и очевидно, что их пребывание в Шуе надолго не затянулось.

Последняя попытка «кабацкого откупа» приходится на 1644/45 г.¹¹ На сей раз откуп вновь попал в руки шуян: Л. И. Ляпунова, Федора Вельяминова и Игната Антипова. Однако их управление «кабацкими сборами» окончилось огромным недобором в 441 р. А поскольку поручителями за каждого выступали шуяне, то для них этот недобор обернулся длительным судебным разбирательством и огромными убытками. 5 января и 17 февраля 1646 г. шуяне подали челобитные суздальскому архиепископу Серапиону, в которых «извещали», что Ляпунов «лежит болен и... хочет писать духовную ложную, на них посадских людей, многие большие долги, поклепав напрасно, в ту духовную писать». В числе должников оказались шуяне, ручавшиеся за Ляпунова «во многих кабаках» и оказавшиеся «на правее» в «поручных деньгах».¹² Многочисленные займы, несомненно, стали следствием огромного недобора откупных платежей, который Ляпунов вынужден был компенсировать из своего кармана.

Однако полностью возместить недобор не удалось, и к лету 1646 г. откупщики и их поручители оказались «за приставы» в Москве, а в Шую был направлен наказ об оценке и продаже их имущества. В итоге имущество Ляпунова и его поручителей было оценено на 79 р. Однако Ляпунов решил, что их «животы» оценщики «ценили дешевою полою ценою». Кроме того, он от-

мечал на шуянах кабальные долги: «кабацких казенных» денег на 9 р. и «заемных» денег лично у него на 42 р. В результате в Москве было решено «животы» Ляпунова и его поручителей «продати на сторону поволно, перед оценкою с болшою наддачею», а также по кабалам деньги «доправить тотчас», в случае же отсутствия заемщиков «в те деньги дворы их продать, или заложить, или до окупу в мир отдать».¹³

Таким образом, новая попытка шуйских посадских людей выступить в качестве откупщиков завершилась полным провалом, больно ударившим по всему посаду. Судя по всему, эта неудача послужила одной из причин прекращения практики сдачи «кабацкого сбора» в Шуе на откуп в течение второй половины XVII в.,¹⁴ несмотря на возможность недобора кабацкой казны шуянами.¹⁵

Таможенный сбор в Шуе попадал «в откуп» гораздо чаще. В 1621/22 г. таможенный откуп оказался в руках шуян Ивана Ворошилова и Олфера Третьякова. Как выясняется из челобитной посадского Ивана Степанова, он оставался у них и в следующем, 1622/23 г. Степанов жаловался, что откупщики требуют с его «достальных мыльных вар» пошлину «не по свое(и) прежней ряде, своим произволом».¹⁶ Этот казус хорошо характеризует возможности для получения откупщиками большой прибыли сверх откупной суммы. Причем, в отличие от кабацкого откупа, в данном случае требовался минимум трудовых затрат и денежных вложений. Поэтому борьба за получение этого подряда была чрезвычайно напряженной.

В следующем, 1623/24 г. таможенный сбор вернулся в ведение посадских верных голов.¹⁷ Судя по всему, работа таможенных голов в 1623/24 г. была признана неудовлетворительной и в следующем, 1624/25 г. таможенный сбор был отдан на откуп шуянину Олферу Хренову. Однако в этом случае откупщик не смог собрать заявленной суммы, в результате чего его поручителей, шуйских посадских людей (всего 17 человек) «продали [доправили на них «продажи». – Е. Б.] и стало им убытку больши четырехсот рублей».¹⁸ Соответственно, в следующем году таможенный сбор опять был возвращен посаду.

Однако претендентов на доходную оброчную статью меньше не стало. В 1631/32 г.¹⁹ таможенный сбор попадает на откуп к богатым крестьянам кн. И. Б. Черкасского. Несмотря на тесные связи с посадом, «уездные люди» для шуян оставались

чужаками. Противостояние откупщиков с посадом вызвало целую серию конфликтов. Земский староста Иван Павлов и все шуяне били челом на откупщиков Ивана Ефремова «с товарищи». Последние «емлют» на них «таможенную пошлину не по... уставной грамоте и чинят» шуянам «насилство и продажу великую», вследствие чего «многие посадские людишка... оскудели и промыслов своих отбыли, а иные розбрелис розно». Челобитчики просили на следующий год таможенный сбор вновь передать посадку.²⁰

Этим конфликт не исчерпался. 24 января 1632 г. откупщик Федор Вельяминов «с товарищи» били челом на приказчика с. Алексина Савина Юрьева, явившегося «со многими людьми незнаемыми» в таможеню и «пербивших до полусмерти» товарищей Вельяминова. Его самого алексинский приказчик «хотел ножом зарезати и бороду отрезати». Но главное – был похищен «ящик становой с таможенными денгами».²¹ Немотивированное нападение, несомненно, имело определенные причины. Однако откупщик назвать их не смог. Это предполагает, что личные счета между нападавшими и пострадавшими отсутствовали. Зато с посадом откупщики имели серьезные противоречия. Вероятно, описанное нападение как раз и стало следствием этого конфликта – посадские просто воспользовались помощью сторонних людей, формально в нем не замешанных.

Однако столь резкий отпор не испугал откупщиков. Несмотря на то, что через год посад вернул себе оброчную статью, крестьяне кн. И. Б. Черкасского не оставили попыток вновь получить таможенный откуп в Шуе. Следовательно, несмотря на ограбление и препоны, чинимые недовольными шуянами, откупщики смогли получить немалую выгоду. Это доказывает, сколь велики были возможности извлечения прибыли владельцами этой оброчной статьи. В 1636/37 г. крестьянин Марьиной слободы Федор Вельяминов вновь получил право таможенного сбора в Шуе.²² Однако на следующий год шуяне били челом о передаче таможенной пошлыны посадку, положив к 454 рублям оброка 20 р. «наддачи». Просьба была удовлетворена, о чем 17 июля 1637 г. была направлена указная грамота шуйскому воеводе И. А. Судакову.²³ Дата показывает, что тяжба была затеяна шуянами задолго до окончания срока таможенного сбора (1 сентября). Это подтверждает особую важность для посада возвращения данной оброчной статьи.

Но в руках посадских людей она продержалась недолго. Во всяком случае, в 1639/40 г. таможенный сбор держал на откупе крестьянин А. Л. Плещеева, Денис Марков.²⁴ Судя по всему, в 1640-1650-х гг. сбор таможенных пошлин достаточно регулярно оказывался в руках откупщиков. Происхождение сборщиков пошлин могло быть двояким: это были либо шуйские посадские люди, либо представители уездного крестьянства.

В 1648/49 г. таможенный откуп получили посадские Шестой Васильев и Кузьма Свиньин. 19 марта 1649 г. на них жаловались архимандрит и казначей Троице-Сергиева монастыря. Откупщики «доправили пошлины» на 80 рогожах соли, которую «в Шую на продажу» привез из Нижнего Новгорода монастырский служка Карп Шесногатов, хотя по государевой грамоте со «старые соли, которая осталас после... двугривенных пошлин... нигде никому никаких пошлин имати не велено». При этом откупщики не дали службе отписать во взятой пошлине, требуя «на нем втрешные отписи» в отказе монастырских властей от претензий к ним.²⁵ Приведенный казус добавляет штрихи к отмеченной выше возможности злоупотребления откупщиков своими правами ради извлечения повышенной прибыли.

Другой пример такого злоупотребления относится к 1652/53 г. В этом году таможенный сбор на откуп получили Обакум Григорьев и Иван Парамонов «с товарищи». 15 июня 1653 г. на них жаловался крестьянин Богоявленской слободы Антон Никифоров, обвиняя откупщиков в том, что они взяли с него за проданную соль «пошлину болшую не против... государева указу», а также велели его «бить, в таможенной избе заперли и сняли... денег шесдесят рублей».²⁶ Григорьев и Парамонов, вероятно, не были шуянами. Это подтверждается и упоминанием в следующем, 1653/54 г. «таможенного откупщика писцовца [крестьянина с. Писцово. – *Е.Б.*] Баима Григорьева».²⁷ Следовательно, в начале 1650-х гг. таможенный откуп вновь оказался в руках «уездных людей».

Последним таможенным откупщиком в Шуе в XVII в. стал шуянин «садовник» Тимофей Федотов. Он получил таможенный откуп сразу на два года – 1663/64 и 1664/65 гг. Однако на сей раз получение оброчной статьи шуянином ударило по посадку сильнее, чем пребывание «на откупе» чужаков. Местное происхождение Федотова позволило ему быстро наладить контакт с шуйской администрацией как центральной, так и земской. В чело-

битной от 1664/65 г. на земского старосту И. П. Смолянина шуяне отмечали, что он «в наших мирских делах учинил многое большое дурно, а в денежных приходах и в расходах чинил большую хитрость, а себе корысть». Староста «подговаривался к воеводе и к таможенному откупщику, пьет и ест с ними беспрестанно и ночи просиживает и на нас наговаривает и воевода, ставаясь с откупщиком и с ним з земским старостою нас продают и убытчат болшою продажею и убытками».²⁸ Таким образом, «стававшись» с воеводой и земским старостой, Федотов получал широчайшие возможности для злоупотреблений, которыми не замедлил воспользоваться. В начале лета 1664 г., за несколько месяцев до окончания откупного срока Федотова, шуяне били челом на него, жалуясь, что откупщик «чинит им многую налогу и продажи и убытчит их во всем и продает напрасно». Они просили передать право таможенного сбора посаду с наддачей к прежним 1050 р. 65 рублей. Просьба была удовлетворена, о чем 5 июля 1665 г. была направлена грамота шуйскому воеводе С. С. Ушакову.²⁹

Однако у Федотова сразу возникли проблемы с выплатой откупных сумм. В сентябре 1665 г. он был отправлен в Шую из приказа Большого прихода «для збору и здоимки таможенных сумм на торговых людях» за 1664/65 г.³⁰ Выплатить казне полную сумму откупщику так и не удалось. Его «дворы и животы» в Шуе были оценены в 114 р., притом что недобор за 1664/65 г. составил более 775 р., то есть три четверти откупной суммы. Поскольку имущество Федотова «было купить некому», деньги за него были доправлены на ценовщиках, шуйских посадских людях, для чего 31 марта 1666 г. из Суздаля был направлен пристав.³¹ 12 апреля ценовщикам Артемию Неупокоеву «с товарищи» была выдана данная на владение федотовским двором в Шуе, деньги за который были «доправлены» на них.³²

«Откупной срок» Федотова ознаменовался для шуян огромными убытками. Вероятно, этот неудачный опыт послужил причиной отказа центральной администрации от практики передачи таможенного сбора «на откуп» сторонним людям,³³ несмотря на нередкие недоборы таможенных пошлин шуянами.³⁴

Подводя итоги полувековой деятельности откупщиков в Шуе можно отметить ряд характерных тенденций их взаимоотношений с посадом и правительством. Прежде всего, получение

откупа (как таможенного, так и питейного) сторонними людьми (будь то представители столичных деловых кругов или уездного крестьянства) вызывало резкое недовольство посадских людей. Причем выражаться оно могло не только в судебных тяжбах с откупщиками, инициируемых посадом, но и во вполне конкретных враждебных действиях (например, затяжке передачи необходимого инвентаря, как в случае с М. Н. Фроловым, или даже открытом нападении на чужаков, как в случае с Ф. Вельяминовым). Причины такого недовольства понятны – важнейшие стороны жизнедеятельности посада оказывались под контролем людей со стороны. Необходимость извлечения откупщиками максимальной прибыли делала этот контроль гораздо более жестким, чем осуществлявшийся верными головами или местными откупщиками. Поэтому посад не мог терпеть длительного пребывания на откупе сторонних людей, что и вызывало столь резкий отпор чужакам.

Однако получение таможенного или кабацкого сбора на откуп представителями посада, как правило, оканчивалось серьезными финансовыми проблемами. Надо сказать, что откупщиками нередко становились лица, прежде занимавшиеся сбором пошлин на общественной основе (верные головы). Этот факт, вероятно, способствовал появлению различных коррупционных схем. Крупные «недоборы» откупщиков из числа посадских людей были скорее правилом, чем исключением. Причем оканчивались они серьезными проблемами для всего посада: поручителями, несшими финансовую ответственность вместе с откупщиками, как правило, были шуяне, а продажа имущества ответственных лиц для покрытия недобора заканчивалась проблемами для оценщиков, на которых взимались деньги в случае проблем с его реализацией. Причины неудач местных откупщиков более чем прозрачны: для нивелирования возможных финансовых рисков был необходим серьезный капитал, которого у шуян, получавших откупа, просто не было. Кроме того, местные откупщики должны были считаться с интересами своего тяглого общества при сборе таможенных и кабацких денег, что серьезно ограничивало их возможности в получении прибыли (это хорошо видно на примере Л. И. Ляпунова). Попытка противопоставить себя посадскому миру окончилась для таможенного откупщика Т. Федотова полным крахом.

Характеризуя различия между таможенным и кабацким откупными сборами, можно отметить, что первый предоставлял значительно большие возможности для извлечения прибыли, не требуя серьезных трудовых и денежных вложений. Это приводило к ожесточенной борьбе за получение на откуп именно таможенного сбора. Если в первой половине XVII в. известно лишь три случая кабацкого откупа, то таможенный откуп за этот же период получали не менее десяти разных лиц (причем нам, судя по всему, известны далеко не все откупщики).

¹ После кабацкой реформы 1652 г. передача сбора питейной прибыли на откуп была временно запрещена.

² *Ключевский В. О.* Полный курс лекций. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 97.

³ Постановку проблемы и обзор историографии см.: *Раздорский А. И.* “Меж двух огней”: Два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с воеводами и местным населением Курска. 1630-е гг. // Исторический архив. – 2003. – № 3.

⁴ До этого кабацкий сбор находился в руках шуян: *Борисов В. А.* Собрание трудов (материалов). Т. 2. – Иваново: МИК, 2004. – № 4-5. – С. 33-34; Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 324. (Коллекция Я. П. Гарелина). Оп. 1. Д. 21. Л. 1-1 об.

⁵ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 20. Л. 1-1 об.

⁶ Там же. – Д. 22. Л. 1-1 об.; Д. 23. Л. 1-1 об.; Д. 30. Л. 1-1 об. Один из них еще в предыдущем году исправлял должность кабацкого целовальника.

⁷ Там же. – Д. 30. Л. 1.

⁸ Там же. – Д. 41. Л. 1-1 об.; Памятники деловой письменности: Владимирский край. – М.: Наука, 1984. – № 127. – С. 162. Объемы кражи прежде были еще более внушительными.

⁹ *Борисов В. А.* Указ. соч. Т. 1. – Иваново: МИК, 2002. – № 15. – С. 159-160.

¹⁰ Там же. – № 16. С. 160-162.

¹¹ Еще в челобитной от 25 марта 1643 г. упоминается шуйский «кабацкий верный целовальник»: *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 57. – С. 84.

¹² Там же. – № 71. – С. 351-352.

¹³ Там же. – № 73. – С. 353-355.

¹⁴ См.: Там же. – № 76. – С. 100-101; № 110. – С. 130; № 174. – С. 192; № 178. – С. 194-195; № 147. – С. 416-417; № 149. – С. 419-420; № 163. – С. 427; № 172. – С. 432; № 175. – С. 433; Памятники деловой письменности: Владимирский край. – М.: Наука, 1984. – № 166. – С. 190-191; № 168. – С. 192; № 178. – С. 198; № 182. – С. 201-202; № 248. – С. 245; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 204. Л. 1-1 об.

¹⁵ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 284. Л. 1-1 об.

¹⁶ Памятники деловой письменности: Владимирский край. – М.: Наука, 1984. – № 121. – С. 158.

¹⁷ 28 июля таможенный голова О. Д. Третьяков бил челом на своих товарищей, П. И. Ворошилова и Р. И. Холуянкина, «не радеющих» о таможенном сборе:

Там же. – № 125. – С. 160. Таким образом, новым таможенным головой стал один из прошлогодних откупщиков.

¹⁸ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 16. – С. 162.

¹⁹ До этого сбор осуществлялся верными головами: *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 34. – С. 321; № 37. – С. 327-328.

²⁰ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

²¹ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 2. Д. 51. Л. 1-1 об.; *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 42. – С. 332.

²² Сохранилась опись таможенной избы при передаче ее Вельяминову от таможенного головы Бажена Павлова (1 сентября 1636 г.): *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 53. – С. 341.

²³ Там же. – № 51. – С. 337-338.

²⁴ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

²⁵ ГАИО. – Ф. 32 (Коллекция В. А. Борисова). Оп. 1. Д. 2. Л. 1-1 об.

²⁶ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 103. Л. 1-1 об.

²⁷ Памятники деловой письменности: Владимирский край. – М.: Мысль, 1984. – № 155. – С. 180.

²⁸ ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 142. Л. 1-1 об.

²⁹ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 2. – № 100. – С. 376-378.

³⁰ Там же. – № 97. – С. 121.

³¹ Там же. – № 104. – С. 379-380.

³² Там же. – № 105. – С. 380-381.

³³ См.: *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 39. – С. 181-182; № 41. – С. 183-184; Там же. – Т. 2. – № 122. – С. 140-141; № 149. – С. 167-170; № 154. – С. 172-173; № 196. – С. 208; № 162. – С. 426-427; № 166. – С. 428; Памятники деловой письменности: Владимирский край. – М.: Мысль, 1984. – № 171. – С. 193-194; ГАИО. – Ф. 324. Оп. 1. Д. 147. Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 171. Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 233. Л. 1-4 об.

³⁴ *Борисов В. А.* Указ. соч. – Т. 1. – № 62. – С. 200-201; Там же. – Т. 2. – № 170. – С. 187-188; ГАИО. Ф. 324. Оп. 1. Д. 162. Л. 1-1 об.; Там же. – Д. 344. Л. 1.

Б. Л. МАКАРЬЯНЦ
(г. Саратов)

К ИСТОРИИ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ПОЧИТАНИЯ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ

*У нас Престол, – поклон ему и здравица:
желаю всем молитвою исправиться,
и дай нам Бог дорогою Смоленскою
понять мужскую честь и долю женскую.*

В процессе знакомства с образцами письменного и живописного наследия по истории Шуйской иконы Божией Матери, введённой русским православием в архетип Одигитрии, невольно задаёшься вопросом о тайне Божьего Промысла, связавшего духовными узами древний русский город и сокрытую под спудом истории ещё более древнюю столицу Византийской империи. Не дерзая давать окончательный ответ на столь высокую тему, хочется всё-таки поделиться с земляками собранными сведениями по хронологии событий и традиции богослужебного величания древней христианской святыни, по преданию, написанной евангелистом, врачом и художником, апостолом Лукой и получившей одобрение самой Божией Матери. Должно заметить, что одной из главных предпосылок к составлению этой статьи было знакомство с книгой монахини Игнатии (Петровской) «Церковные песнотворцы», посвящённой (во второй части) истории русского литургического творчества и анализу состава русских служб с исторической мотивацией их содержания. Этот принцип построения материала, по возможности, сохранён и в данном реферате. Теперь попробуем приступить к основной теме сообщения.

1. **Икона Одигитрии Смоленской**, наша величайшая национальная святыня, принесена на Русь в 1046 году как список с **Цареградской иконы Одигитрии**, и в начале XII века перенесена Владимиром Мономахом в Смоленск, где и получила наименование Одигитрии Смоленской. Цареградская по своему происхождению, равновеликая своему знаменитому протографу, Смоленская икона Божией Матери стала воистину **русской** святыней и здесь обрела себе вторую отчизну. В пределах русского

государства собраны многочисленные священные списки со Смоленского образа, приобретшие благодатную силу, как и исходный образ Одигитрии Смоленской.

В конце XIV столетия, вывезенная из Смоленска в Москву, Смоленская Одигитрия длительное время находилась в Благовещенском соборе Кремля, справа от царских врат. Возвращение древней святыни в Смоленск произошло в январе 1456 года, а в Благовещенском соборе оставлена её точная копия. На том месте, где москвитяне прощались со Смоленской иконой Богоматери, по обету великого князя Василия III, в память взятия Смоленска в 1514 году, был возведён Новодевичий монастырь с соборным храмом в честь Смоленской иконы. 28 июля 1525 года в соборный храм монастыря торжественно перенесли московский список Смоленской Одигитрии из кремлёвского Благовещенского собора. В память этого события было установлено ежегодное празднование Смоленской Одигитрии с крестным ходом из Кремля в Новодевичий монастырь. Память **Сретения** Смоленской иконы Богоматери 28 июля¹ стала не только московским, но и всероссийским праздником Одигитрии Смоленской в дополнение к празднованию иконе Одигитрии Цареградской на **Светлой седмице, во Вторник, на третий день Пасхи.**

2. **Вторник Светлой седмицы** – средневековая традиция чествования Одигитрии Константинопольской (Цареградской), сложившаяся после утраты древней иконы Одигитрии при завоевании столицы Византии мусульманами в 1453 году. В свою очередь, указанная традиция восходит к знаменитому **вторничному чуду** иконы Одигитрии, которое, по свидетельствам паломников XII – XVвв, происходило не только во Вторник Светлой седмицы, но и в каждый вторник годового круга. Вот описание этого события датскими паломниками XII века: **«третий же день каждой недели, вращаясь на глазах всего народа ангельским движением, словно захваченная каким-то вихрем, она кружит вместе с собой своего носильщика, так что из-за удивительной быстроты кажется созерцающим, что глаза их обманывают»**. А вот свидетельство русского паломника XIV века - **«единому человеку выставляют на плеча всетаино, а он руки распростре, аки распят, такоже и очи ему запровержет. Видети грозно: по буювищу мычет его семо и овамо, вельми сильно повертьывает им, а он не помнит ся куды его икона носит»**. Все известные описания и изображения этого события позволя-

ют заключить, что во время вторичного чуда Божия Матерь на иконе Одигитрии быстро перемещалась на высоте человеческого роста, вровень с головами молящихся, являя Своё присутствие и вызывая духовное торжество у всех участников праздничной процессии.

Изображение этого события можно увидеть как на византийских фресках в Сербии, так и на стенных росписях Дионисия в Ферапонтиевом монастыре (*О всепетая Мати*), есть аналоги изображения и в иконном письме (*сюжет Торжества Православия*).

3. **Смоленская Одигитрия** вновь побывала в Москве в 1611 году, когда Смоленск был захвачен поляками, а после взятия врагом столицы и до его изгнания из русских пределов Смоленская святыня некоторое время находилась в **Ярославле**. Честь окончательного присоединения Смоленска русскому государству выпала державному помазаннику Алексею Михайловичу. Разбив поляков под Вязьмой, 23 сентября 1654/55 года царские дружины взяли Смоленск, и через три дня чудотворная икона Одигитрии торжественно вернулась в свой город. Несмотря на тяжёлое послевоенное положение и разрастающуюся эпидемию чумы, возвращение знаменитой иконы в Смоленск было настоящим всенародным праздником. В 1672 году архиепископ Варсонофий (Еропкин) по царскому указу приносил Одигитрию Смоленскую в Москву для поновления потемневшей живописи.

Согласно старым описаниям, доска, на которой написана икона, была необыкновенно тяжелой, загрунтованной мелом на клею и обтянута холстом. Пречистая изображена в половину роста, по пояс, левой рукою поддерживающей Младенца. Спаситель своей десницей благословляет молящихся, шуйцею же держит свиток. Верхние одежды Богородицы – темно-коричневого цвета, нижние – темно-синие, одежды Младенца темно-зеленые с золотом. На оборотной стороне протографа было написано Распятие с греческой надписью «Царь распят» и видом Иерусалима. При поновлении живописи в Москве в 1672 году к этому Распятию были добавлены фигуры Богоматери и Иоанна Богослова, которых прежде не было.

В «грозу двенадцатого года» перед занятием Москвы французами, Смоленская Одигитрия была вынесена епископом Иринеем из временного убежища в столице и вновь отправлена в **Ярославль**. Здесь она оставалась до самого окончания Отече-

ственной войны 1812 года. После победы русского оружия икона была торжественно перенесена в Смоленск 5 ноября 1812 года и установлена вновь в кафедральном Успенском соборе. В память изгнания врагов из Отечества в Смоленске было установлено праздновать этот день ежегодно. В те же годы был составлен первый Акафист Смоленской иконе Богоматери².

4. Прежде чем обратиться к истории и составу *Службы Одигитрии Смоленской*, стоит заметить, что нужна большая духовная смелость (говоря по старине – дерзновение), чтобы собственными словами выражать молитвенное настроение перед столь древней и почитаемой иконой Богородицы, преемницей благодати *Цареградской Одигитрии*. По рассуждению строгих ценителей русского литургического творчества Ф.Г. Спасского и схимонахини Игнатии (Петровской), Служба Одигитрии Смоленской составлена в XVI веке и построена, в основном, из заимствованных песен, избранных от богослужебных греческих книг и русских служб, но с добавлением оригинальных духовных песнопений. Отдавая должное составителю Службы, исследователи единодушны в том, что им отобраны поистине замечательные произведения греческой и славянской гимнографии, очевидно, для наилучшего и яркого выражения молитвенного чувства перед образом Богоматери Одигитрии.

Далее, с небольшими дополнениями, воспользуемся сведениями из последней работы схимонахини Игнатии (Петровской), имевшей немалый собственный опыт в области гимнографии. *Канон Одигитрии* взят издревнейшей праздничной службы Вторника Светлой седмицы, известной на Руси с XI века (Триодь Моисея Киянина, ЦГАДА) и принадлежит к творениям *монаха Игнатия*, песнотворца IX века, диакона, а позднее митрополита Никейского. Этот Канон построен по образцу Акафиста с частым обращением к Божией Матери *“радуйся”*, что сообщает всей службе Смоленской иконе «состояние крепкого и верного празднования, которое не убывает от первой до последней песни». Составитель русской Службы Одигитрии оставил этот канон единственным, не добавив к нему второго канона (как было принято в особо торжественных службах), видимо, обладая высоким художественным вкусом и знаниями истинного богослова.

Тропари (два) приведены также из службы Вторника Светлой седмицы, как и *стихира* по 50-м псалме «Не ввери мя

человеческому предстательству». Это фрагменты древнего канона Божией Матери “Многими содержимь напастьми”, творения **монаха Феостирикта**, IX века, его же **кондак** “Предстательство христиан непостыдное”. Из службы Вторника Светлой седмицы заимствован и **кондак** «Не имамы иныя помощи». **Хвалитные стихиры** с небольшими изменениями и первая **литийная стихира** заимствованы из службы Владимирской Божией Матери.

Вместе с тем, отмечает исследовательница гимнографии, последование Смоленской иконе имеет свое лицо. **Стихиры на «Господи, воззвах»**, открывающие службу, отличаются краткостью и выразительностью. “Златая кадильнице”, поется в первой из них, “ручко и жезле, и светильниче светозарный: свитче божественный, в немже перстом Божиим написася Слово, спаси нас Тебе величающих”. В песнопениях Службы широко представлены мотивы различных богородичных праздников. Так, в **стихирах на стиховне** взяты идеи Покрова Божией Матери. В **литийных стихирах** звучат идеи **Благовещения**; в тех и других употребляются обращения к Божией Матери “радуйся”, характерные для акафистного пения. Возможно, что идеи Благовещения в стихирах связаны с посвящением престола московского собора, где в XIV – XV столетии длительное время пребывала Одигитрия Смоленская, а затем и её чтимый московский список.

Несомненно оригинальными, по мнению схимонахини Игнатии, представляются строки **седальнов**, когда **в первом** из них предлагается “христоименным соборам” приступить “припадающе Божия Матери образу”, а **во втором** говорится о светлой радости верных при виде «многоименно сияющих праздников Божия Матери». Исследователь видит здесь «образное, почти живописное изображение того, что имело место на Руси – многоименные храмы и отсюда – многоименные праздники Божией Матери – по всему необъятному пространству земли русской». Пожалуй, образцом такой духовной метафоры можно назвать **Ярославский** ансамбль храмов XVII столетия. В этом городе, дважды удостоенном чести быть убежищем для великой святыни, есть и особый день памяти Одигитрии Смоленской – 12/25 октября (с 1642 г.).

Идея светлого радования объединяет все составные части последования Смоленской иконе Божией Матери. Эта идея пе-

решла в Службу Одигитрии Смоленской вместе с Пасхальным настроением из Службы Вторника Светлой седмицы (известна по сборнику «Око церковное»), где вместе с Пасхальным каноном Иоанна Дамаскина звучит **благодарственный канон** Одигитрии инок Игнатия. Цитаты из **канона** говорят сами за себя. “Радостно, Чистая, ныне наставшее хваление приношаю радуясь”, восклицает творец канона в первой песни. “И тихим гласом, Одигитрие, вопию Ти: радуйся, и исполни мя разума пети начинающая”. Эта радость содержится на протяжении всего канона и завершается в 9-й песни следующим восклицанием: “Радуйся, тайных цветов прекрасный суций раю <...> радуйся, Отроковице, радуйся **Одигитрие, всемирное чудо и слышание**”.

Читаемый во Вторник Светлой седмицы, а с XVI века и в день празднования Одигитрии Смоленской, этот **Канон** настолько полюбился верующему русскому сердцу, что позднее, в XVII столетии (с 1649 года)³ был добавлен и в **Службу Казанской иконе Божией Матери** в дополнение к канону, ранее составленному святителем Ермогеном.

5. Теперь обратимся к славе святой иконы Божией Матери Смоленской Шуйской. Явившая свою духовную силу в трудные годы русско-литовской военной кампании и эпидемии чумы (1655), и ещё раз, как мощный благодатный родник – в самом начале церковного раскола (1666), **новая шуйская святыня** была достойно воспринята современниками. Наши соотечественники, ставшие свидетелями шуйских событий, благоговея и страшась перед тайной Божьего Промысла, старались по мере сил возвеличить новую Одигитрию, «*посетившую сирот Своих в самом последнем роде, в Российской земле, в северной стране, хотяще неизреченную Свою милость являти всем, честному Ея образу с верою поклоняющимся*». Соборное архиерейское богослужение в Шуе в 1667 году на день праздника Одигитрии Смоленской 28 июля перед новой Богородичной иконой стало её государственным прославлением, этим событием новая икона была **введена в архетип Одигитрии** и возвеличена как **всецерковная святыня**.

Полное именование иконы из Шуи в челобитных XVII века читается как «новописанная икона Пресвятыя Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Присно-Девы Марии Честного и Славного **Ея Одигитрия** Смоленская». Диафония

в слове «Одигитрий» представляется не случайной и указывает на особый статус протографа. В русском сознании XVII века термин «Одигитрий» восходит к упомянутой *Одигитрии из Константинополя*. По древним свидетельствам, она представляла собой *оборотную икону*, на лицевой стороне которой была изображена Богородица со Спасителем на руках, на реверсе иконы – Христос на кресте справа и Богородица слева. На обеих сторонах иконы были изображены Архангелы Гавриил и Михаил. Это священное произведение в богатой ризе в целом именовалось *Одигитрием*, как и лицевое изображение Богородицы. Русская традиция написания оборотных Богородичных икон и вынос их на крестных ходах восходит к этой древней византийской святыне – Одигитрию, главному участнику Цареградских священных процессий. В наши дни этот термин, в основном, используется в женском роде – Одигитрия, и переводится как Крепкая Помощница, или как Путеводительница, имея несколько смысловых оттенков.

Возвращаясь к событиям июля 1667 года, остаётся добавить, что с той поры в 28-ой день июля отмечается память двух разных событий – *Сретения* иконы Одигитрии Смоленской и *Явления* иконы Одигитрии Шуйской.

6. Здесь будет уместно сказать несколько слов о первых славословиях в адрес шуйской святыни. *Молебствие*, вошедшее в состав основного варианта *Сказания о Шуйской иконе*⁴ – также не является полностью оригинальным и составлено с извлечениями из разных источников. Один из них, несомненно, канон Казанской иконе Божией Матери святителя Ермогена, что не вызывает вопросов, поскольку обе иконы объединяет принадлежность к архетипу Одигитрии. Составитель молитвословия к Шуйской иконе Божией Матери с небольшими изменениями цитирует 3, 5, 8 и 9 песни канона, наиболее подходящие для описания благодатной помощи от новопрославленной иконы. *«Безочесным сладкое зрение дается, глухим слышание, немым благоглаголанье, хромым хождение, прокаженным очищение, демонствуемым целомудрие и в болезнях различных сущим исцеление, осенением пречистыя Твоя, Богородице, иконы»*. Это величание из канона Казанской иконе Божией Матери почти дословно вошло в текст молебствия, прозвучавшего в Шуе. Такая практика обусловлена, вероятно, скромностью составителя и недостатком времени для личного творчества. Если основной

массив рукописи **Сказания** (повесть и первоначальный дневник записи исцелений) относится к 1666 году и был предназначен для Патриаршего Разряда (челобитная № 86 по В. Борисову), то Молебствие имеет прямое отношение к прославлению иконы 28 июля 1667 года и составлено, по чину, Суздальским архиепископом Стефаном.

7. Ещё одним торжественным славословием в честь Шуйской Одигитрии является **Похвальное слово**, известное по рукописи из Императорской публичной библиотеки (РНБ Q.XVII.79, л. 72-173). По своей духовной сути оно является аналогом Акафиста, и предназначалось, вероятно, для душеполезного чтения вне церковного богослужения. Атрибутировать составную рукопись XVII века, содержащую этот литературный памятник, помогает ряд записей на полях книги. Так, на листе 558 можно прочесть следующее – *«1692 году генваря в 20 день продал книгу сию соборный поп Григорей Потапов сын книги переплетчик зачисто Ярославцу посацкому человеку Данилу Дмитриеву сыну кожевнику а подписал сия Ивашико Григорьев сын попов своего рукою»*. В нижнем поле на листе 467 имеется помета нового владельца книги: *«Данила Дмитриев царев дьяк»*. Ещё несколько записей летописного характера (из истории Николо-Мельницкого прихода г. Ярославля) сделаны в рукописи на листе 586 и подписаны 1706–1709 годами. Наиболее ранний датированный документ в подшивке относится к 1676 году. Это *«список с грамоты Великого Государя»* – извещение о кончине царя Алексея Михайловича (Л. 381).

При чтении **оглавления** сборника видно, что он предназначался для обучения юношества, о чём говорят вошедшие в его состав *«печатное изложение о православной вере с кратким вопрошением и отвещанием удобнейшаго ради ведения детям христианским»*, молитва *«внегда захочет отроча ясти, и по обеде благодарение»*, а также ряд повестей воспитательного характера. Есть среди них и *«Повесть чудна и зело полезна о иконе Богородицы честнаго Ея Одигитрия»* с указанием *«како уставно праздновати честный Ея праздник»* (Лл. 48-58).

Особенности сборника позволяют предположить, что изначально книга принадлежала библиотеке Успенского собора Ярославля и составлялась с участием священника Иоанникия Иванова, в бытность его соборным протоиереем (1686 – 96 гг.). Первым местом его служения (1659 – 86 гг.) была древняя Ди-

митриевская церковь Ярославля, с новым главным престолом в честь Шуйской иконы Пресвятой Богородицы, который был устроен в 1673 году *«неусыпным усердием»* именно этого незаурядного иерея, обладателя многих талантов, в том числе и иконописного. Особое почитание Шуйской иконы Богородицы заметно и в сборнике, где не только приводится полный текст Сказания об этой новой чудотворной иконе, (*«вкратце собрано бысть о явлении чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы во граде Шуе»* - Лл. 72-161об.), но и добавлено особое славословие - *«тому ж чудотворному образу слово похвальное»* (Лл. 162-173). Торжественный стиль «Похвального слова» значительно отличается от бесхитростного изложения событий в повести и летописи чудес из Сказания о Шуйской иконе Божией Матери. Первая публикация «Похвалы» состоялась только в 2008 году (Н. Никонов/Соколов) и этот образец древнерусской литературы ещё ожидает своего исследователя. Но даже при первом прочтении заметно, что «Похвала» написана под впечатлением службы Одигитрии, в том же состоянии светлого радования, с обилием восклицаний *«Радуйся»* в адрес новой чудотворной иконы Божией Матери. Среди них обращает внимание величание *«Радуется днесь Церковь восточная, яко дадеся Ей отрада медоточная, Богоматере икона чудотворная»*, которое свидетельствует о восприятии Шуйской Одигитрии как всецерковной (всемирной) святыни. Кстати сказать, иеромонах Иоасаф Гапонов в «Церковно-историческом описании Владимирской епархии» (1853 г.) отмечает в пределах епархии только две **всецерковно почитаемые** Богородичные иконы: Боголюбовскую и Шуйскую. Прочие святыни имели местночтимый статус, даже такая почитаемая икона, как Казанская Вязниковская, написанная преподобным Иоакимом Шартомским.

8. Среди множества описаний благодатной помощи Шуйской иконы Божией Матери особого внимания заслуживает эпизод 1782 года, известный по Саровской рукописи Сказания о Шуйской иконе (1783г.). В рукописи он озаглавлен как *«чудо Пресвятыя Богородицы о соборном священнике Иакове»*, и в кратком пересказе излагается ниже.

Наказанный тяжёлым недугом за сомнения в благодатной силе иконы из Шуйского Воскресенского собора, и пребывавший в болезненном состоянии четыре недели (с 16 января до 12 февраля), этот иерей так рассказывал о полученном вразумле-

нии: *«Я, честные отцы, в эту ночь спал в доме моем и видел некоего старца святолеппа, держащего на руках чудесную икону Шуйския Пресвятыя Богородицы и глас слышал от святого старца, молящегося ко иконе Пресвятыя Богородицы: Избави Пресвятая Богородице сего иерея Иакова страждущего. Глас же был слышен от Пресвятой Богородицы: этот иерей наказан за неверство его, потому как не веровал чудесам, бываемым во храме моем, а мыслил так: какие нынче могут быть от этой иконы чудеса, хотя раньше и были, а нынче нет, да и нечего ждать < ...>».*

На следующий день, в воскресенье, во время литургии, при начале Херувимской песни, он ударился в судорогах о помост церковный и пролежал без чувств до окончания мирского молебна. После отпуска этот священник встал без посторонней помощи, приложился к чудесной иконе и возвестил всем присутствующим: *«Когда я, братья, лежал почти без чувств, как вы и сами видели, то ощутил, что из уст моих вылетела чёрная птица, имевшая долгий хвост. <...> Затем я снова увидел в видении того же святого старца несущего на руках своих чудесную икону и был глас от иконы: знай, что ты исцелен при помощи сей чудотворной иконы в день Православия. Веруй быти чудесам от чудесныя иконы моей и о том всюду свидетельствуй, иди и прославь благодаяние её. И сам, облачась в фелонь, отпой молебен с водосвятием, а когда освятишь воду, умой этой водою лицо свое, с тем и неверие свое отвергнешь».*

На следующий день, в понедельник, после соборного молебствия Пресвятой Богородице, исцеленный священник, вдруг согнувшись в поясе, был в таком положении некоторое время, но вскоре одумался, пришёл в себя и возвестил вслух: *«Я, отцы и братия, вновь слышал глас от чудесной иконы: помни, что ты исцелился вчера, в день Православия. Веруй быти благодати и чудесам от иконы моя и веруй быти благодати во святых церквах. Потому как множество нынче ересей и развратов, и не различают люди благодати во святых церквах, и не вспоминают о благодати от святых икон. **Веруй - быти, есть и будет до скончания века.***

Далее излагаются ответные действия соборного протоиерея на эти события: *И протопоп, услышав эти речи, повелел звонить в соборный колокол. На неурочные звоны сошлись градоначальники и градские священники и все вместе совершили молеб-*

ное пение Пресвятой Богородице, и разошлись по своим домам в радости.⁵

В печатные издания XIX века этот эпизод не вошёл, видимо, по цензурным правилам того времени. Но нет сомнений, что свидетельство иерея, исцелённого от постыдного маловерия в день Торжества Православия, имело широкий и долгий резонанс как в Шуче, так и за её пределами (о чём свидетельствует рукопись из Саровской пустыни). Не могли не знать о новом чуде Торжества Православия и в семье шуйского священника Михаила Миловского (1818–96), полвека прослужившего в Спасской церкви города Шучи. На долю его сына, протоиерея Николая Миловского (1861–1927), выпало немало трудов и испытаний, но составленная им служба в память Шуйской иконы Божией Матери (1924), стала упованием на Торжество Православия в неизмеримо более тяжёлых обстоятельствах новых гонений на христиан. «...Владычице, <...> не лиши нас всемогущаго пред Сыном Твоим предстательства, да будем общницы и лика празднующих с Тобою, в **торжестве вечнем** избранных Его» - так завершает пастырь хвалитные стихиры, обращённые к Шуйской Одигитрии.

9. По сообщению игумена Андроника Трубочёва (1988) в 20-е годы XX века Богородичным иконам было написано 7 новых служб. Особым вниманием песнотворцев XX века почтены *Державная, Серафимо-Дивеевская, Боголюбская, Максимовская, Шуйская, Козельщанская и Жировицкая* иконы Божией Матери. Общим для всех Богородичных служб этого периода является осмысление духовных причин тех бедствий, в которых оказалась русская Церковь, и усиленные молитвы к Богородице с просьбой о помиловании.

Как известно читателям, в эти годы проводилась кампания по изъятию церковных ценностей и Шуйский Воскресенский собор, как и его главная святыня оказались в эпицентре скорбных событий. В ответ на провокационные действия властей, руководствуясь пастырской совестью, протоиерей Николай Миловский взял на себя смелость обратиться к Шуйской Одигитрии с новыми молитвословиями, объединёнными в Службу древней иконе Богородицы, оказавшейся в поругании от неистовых временщиков. Первое празднование Шуйской иконе Богородицы по новому тексту было совершено 2/15 ноября 1925 года. В молитвословиях службы Шуйской иконе Божией Матери

очень органично сочетаются эпизоды из древнего **Сказания** и отеческие переживания иерея в обстоятельствах нового Смутного времени. Основные слова этой Службы наделены надеждой на вразумление и прощение многогрешных соотечественников: *«Ныне убо, егда мнози скорби и напасти, обышедше, обыдоша нас и житие наша отяготиша, приклонися к молению рабов Твоих и подаждь нам от облежащих зол избавление»*. Болью отозвалось в сердце пастыря образование обновленческого раскола: *«Всякия ныне мятущия страну Российскую церковныя соблазны и разделения утоли, Владычице, молитвами твоими, <...> да вси едино пребывающе, согласно Господа славим»*.

Прямые цитаты из **Сказания** содержатся в 1-ой, 3-ей и 8-ой песнях **канона**. Упомянуты слепой инок Никон и слепая жена Марфа, получившие исцеление перед образом Заступницы христиан и высказана мольба о прощении новых слепцов: *«отверзи нам душевныя очи, слепотою греховною недугующим»*. Упомянуты оглохший инок Боголеп, получивший исцеление по вере своей, и несчастный отрок Иоанн, бывший уже при смерти, но по вере родителей и ради их сердечной молитвы, восставший от одра болезненного, и высказана отеческая забота о спасении всех детей - и родственных, и ближних: *«да спасет <...> и наши отроки и дети, в пеци соблазнов неверия и развращения сущия»*. Упомянут и безродный отрок Иаков, который не мог помолиться самостоятельно из-за тяжкого недуга, и даже не имел родительской молитвы по сиротству своему. Тем сильнее была радость и благодарность свидетелей его исцеления перед чудотворной иконой Богородицы Шуйской, выраженная в каноне рефреном *«Господа пойте дела и превозносите Его во вся веки»*. В 7-ой песни канона смертоносие XVII века сопоставляется с событиями 20-х годов XX века и завершается настойчивым прошением: *«не послужити, паче же противустояти учением и обычаем века сего помози нам, Богородице, да не в конец погибнем, и сохрани в нас веру отцев наших»*.

Несколько неожиданно и трогательно трактует составитель Службы иконографию Шуйской иконы Богоматери в **литийных стихирах**: *«Небесная Царице Богородице, на святем Твоем образе <...> зрим Тя десницею Своею **стопоу шуюю** у Христа Богомладенца придерживающу, главу же Свою к Нему молебно приклоншу, и сим аки бы **за град Шую** представляющую»*. В тексте Службы можно найти и личные воспоминания о детстве и

тёплых молитвах перед любимой иконой: *«Отроки иногда и ученики духовнаго вертограда учений мы бывше, молихомся пред образом Твоим, Богоотроковице, тех ради отрочих молитв наших не остави нас покровом Твоим».*

Встихирах на стиховне отдана дань уважения иконописцу Герасиму, создавшему образ Божией Матери Шуйской, *«сделанный чудотворным по милосердию Владычицы мира».* Есть в молитвенном последовании и прямая цитата из молебствия архиепископа Стефана в день соборного богослужения в Шуе (1667г). Эта вставка сделана, видимо, для напоминания современникам о забытом благочестии отцов. *«Тебе вси роди человечести хвальныя дары приносят, Владычице, и молятся яко Царице, и Матери Божии, пророцы Тя проповедаша, левити благословиша, апостоли и мученицы исповедаша, архиереи проповедают, монаси и простии благоговеют, богати и убози, сироты и вдовы, и всяк возраст, всяко преспеяние, старческое и младенческое, под кров Твой державный с верою прибегаем: покрый и соблюди, Госпоже, молитвами Твоими и спаси от бед души наша».* Для укрепления веры в благодатную помощь иконы Богоматери из Шуи, в последней песни канона автор напоминает и о чудотворных списках Шуйской традиции: *«Не точию самую икону Твою Шуйскую, но и некия из списков ея священных: се бо и в селении Павлове, еже во области Новаграда Низовския земли, и во Ярославле граде, и во иных местех, подобия тоя иконы милостию Твоею чудодейственны показашася».*

Один из чудотворных списков шуйского протографа, который остался незазванным в 9-ой песни – Ковровская Смоленская икона Божией Матери, найденная невредимой на пепелище дотла сгоревшей церкви. Будучи переданной в Христорождественский собор города Коврова, она вновь уцелела при страшном пожаре, и тогда прихожане начали собирать средства на обустройство в соборе нового придела, который был окончен в 1805 году и освящён в честь храмовой Смоленской иконы Божией Матери. Утраченная в 1930-е годы, эта икона была найдена в 1963 году и передана на временное хранение во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. В 1999 году прихожане Христорождественского собора г. Коврова обращались к хранителям с прошением о возвращении святыни в родные стены, но в настоящее время икона по-прежнему находится в музейной собственности.

Почитателем этой иконы, равно как и её шуйского протографа, был другой песнотворец XX века, святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский (1886 – 1962). Он является автором первого **тропаря** и **кондака**,⁶ которые удачно дополнили и украсили Службу, составленную протоиереем Николаем Миловским. В одном из писем владыка Афанасий сообщает своим духовным чадам, что при составлении своего тропаря взял в пример тропарь Владимирской иконе Божией Матери, приспособив его начальные строки применительно к шуйским обстоятельствам. *«Днесь <...> град Москва яко зарю солнечную, восприемиши, Владычице, чудотворную Твою икону...»* – так начинается тропарь Владимирской иконе Божией Матери. *«Яко многоценное сокровище прият град Шуя чудесно написанную икону Твою...»* – так начал свой тропарь Шуйской иконе Богородицы владыка Афанасий. Возглавляя Богослужебно-календарную комиссию (1956-58), он, видимо, предложил дополнить празднование Шуйской иконе Пресвятой Богородицы, включив в последование свои тропарь и кондак, и сохранив **прежний тропарь**, составленный протоиереем Николаем Миловским: *«...Пречистая Дево Богородице, припадающе пред святым и чудотворным Твоим образом, имже от лютаго смертоносия град Шую древле избавила еси, умильно взываем Ти: не престай под кровом Свояа благодати сохраняти от бед и обстояний град Твой, и вся грады и веси страны Российския ...»*. Так, в окончательно утверждённой Службе, соединились два молитвенных призыва искреннейших почитателей древней шуйской святыни.

10. Будет не лишним в заключение сказать несколько слов о судьбах наших национальных святынь, упомянутых в этом сообщении: иконы Одигитрии Смоленской и её московского списка, а также Шуйской тезоименитой иконы.

Древняя смоленская икона Одигитрии, отпущенная из Москвы в 1456 году, не сохранилась. Вплоть до 1941 года древний чудотворный образ Смоленской Богоматери находился в Смоленском кафедральном соборе в честь Успения Богородицы, построенном в 1667–1679 году. Закрытый в 1929 году, Успенский собор Смоленска разорен не был: его святыни и утварь сохранялись в целости до начала Великой Отечественной войны. 1 августа 1941 года вошедшие в город немецкие войска известили свое Верховное командование, что «очень древняя, легендой приписываемая евангелисту Луке, позднее переписанная, икона

находится на изначальном месте и не повреждена». Но когда два года спустя Смоленск был освобожден советскими войсками, иконы там уже не было. Дальнейшая судьба иконы доподлинно не известна.

Московский список Одигитрии Смоленской, исполненный в 1456 году и до 1525 года стоявший в Благовещенском соборе на месте отпущенной смоленской святыни, сохранился до наших дней. В 1927 году эту икону, благодаря ее богатому золотому окладу времени Бориса Годунова, венцам XVII века и жемчужной ризе, передали в Оружейную палату. Первоначальная живопись иконы скрыта под записью XIX века. К сожалению, музейное хранение лишает нас возможности прямого молитвенного общения с этой оваянной славой московской святыней, как и в случае с Ковровской Смоленской иконой Божией Матери.

Последние документы, подтверждающие сохранность **Шуйской Смоленской иконы**, датированы октябрём 1935 года. В ответ на записку инспектора по делам музеев ОблОНО Ивановской области А. Ф. Дубынина⁷ Комитет охраны памятников при президиуме ВЦИК дал такое резюме: *«Комитет сообщает, что Шуйская Смоленская 1654 года письма Герасима Тихонова, <...> взята на учёт»*. Переписка с комитетом охраны памятников ВЦИК и ГТГ в июне-сентябре 1935 года свидетельствует, что ряд памятников станковой живописи из Шуй стал предметом особого внимания авторитетных московских искусствоведов, но повлиять на судьбу иконы они не смогли. С сентября 1939 года, после окончательного закрытия Воскресенского собора, Шуйская Смоленская чудотворная икона считается утраченной.

Почему так? Или, точнее, почему так *и поныне*? Может быть, самое время вспомнить если не о Божьем Промысле, то хотя бы о человеческой *«любви к родному пепелищу»*, о нашем *«небрежении веры отцов наших»*, о забытом свидетельстве шуйского иерея и, *одумавшись*, сказать внутри самого себя, вопреки всем нестроениям нынешней жизни – *«Веруй – быти, есть и будет до скончания века!»*.

Примечания

1. Рукописный Требник XVI века содержит **Святцы**, где под числом 28 июля указана память **«Сретения Пресвятыя Богородица Смоленския»** (Собрание Уварова. № 79. Л. 340). По другим источникам, московский список Смоленской иконы Божией Матери был перенесён в соборный храм Ново-

девичьего монастыря **13 мая 1525 года**. В таком случае память Сретения Смоленской иконы 28 июля может быть связана с появлением древней Смоленской святыни в Благовещенском соборе Кремля и относится к XIV веку.

2. **А. Ф. Ковалевский** – автор Акафиста *иконе Смоленской Богоматери (XIX века)*. Сохранилось «Обращение архимандрита Иакова к архиепископу Новгородскому и Старорусскому» о разрешении чтения сочинённого А.Ф. Ковалевским рукописного Акафиста перед иконой Смоленской Богоматери в Кирилло-Белозерском монастыре (ЦГАДА. – Ф. 1441, Оп 3. Д. 2266). *Смирнова А.В. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в XVIII-XX вв. Альманах «Кириллов 2»*.
3. В 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича местный московский (и казанский) праздник в честь Казанской иконы Божией Матери становится **общероссийским**. Поводом к этому указу послужило **рождение во время всенощной службы на 22 октября наследника**, царевича Дмитрия Алексеевича. Это радостное событие было воспринято как милость Матери Божией, и с этого времени Алексей Михайлович начал почитать икону Казанской Богородицы не только как избавительницу России от нашествия иноземцев, но и как Покровительницу династии Романовых. Эту идею восприняли и все последующие представители династии.
4. Сказание о Шуйской иконе Богородицы (XVIIв.) представляет собой состав из нескольких неоднородных частей. В шуйском первоисточнике выделяются 4 части: *повесть* о событиях 1654/55 года, с кратким предисловием к событиям 1666 – 1667 годов, *молебствие* в день прославления иконы 28 июля 1667 года, *первоначальная запись* исцелений за 6 месяцев 1666 года (общим числом 85) и *дополнительная поздняя запись* исцелений спустя столетие (от 24 до 31 в разных списках).
5. Полный неадаптированный текст этого эпизода приводится в приложении №1 *по Саровской рукописи* (РГАДА. – Ф.357. Оп.1 Д.109. Л.131об-134.)
6. *Архив Владимиро-Суздальской епархии. – Фонд еп. Афанасия (Сахарова). Оп. III / I. Д. 8. Л. 113*. В рукописи указаны четыре дня памяти Шуйской Смоленской иконы Божией Матери, а тексты тропаря и кондака имеют следы авторской правки.
7. Полный текст записки А.Ф. Дубынина приводится в приложении № 2. Дубынин Александр Федорович (1903-1992), кандидат исторических наук. Родился 29 июня 1903г. в Рязанской области. Участник Великой Отечественной войны. После окончания Московского университета в 1926 г. и аспирантуры при отделении археологии и искусствоведения РАНИОН работал в музеях городов Суздаля (1926-1929), Костромы (1929-1931), Иванова (1931-1953). С 1938 по 1953 г. (с перерывом на время войны) работал преподавателем, а с 1948 г. - доцентом Ивановского педагогического института. В 1953 г. был принят по конкурсу в Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии РАН) на должность старшего научного сотрудника. В период с 1959 по 1968 г. работал заведующим лабораторией камеральной обработки Института. Основные научные интересы: археология древнерусского города и археология эпохи поздней бронзы - раннего железа лесной полосы.

Приложение I (курсивом в тексте выделена прямая речь)

1782 года чудо Пресвятыя Богородицы о соборном священнике Иакове*

по Саровской рукописи (РГАДА ф.357 Оп.1 Д.109 Л.131об-134)

Исцелила Пресвятая Богородица сего града Шуи соборного священника Иакова: одержим был нечистым духом и велми его ломало 4 недели от генваря 16 до февраля 12, а нападение ему сице бысть: шедшу убо оному священнику от заутренняго пения и бывшу близ двора своего и се внезапно удари его по лицу аки ветром и егда вниде в дом свой тогда нача нань тоска находить. Домашнии же мнеша его тако немощствовати и егда вывели его пред чудесную икону и тогда нача его велми ламати и прегибая и всячески его муча и усты свища и о помост церковный ударяя его и тако относим бывая пятми человеками в дом его. Посем некогда прииде его протопоп** посетити и нача над ним молитвы заклиательныя читати, сей же иерей спал. Егда же ощути над собой протопопа и яро погляда и рече: *нигде же вы мне места не дадите.* И малу часу минувшу сей иерей мало в себе пришед и нача протопопу возвещати сице: *Аз честнии отцы сея нощи спал в дому моем и виде некоего старца святолепна, чудесну икону Пресвятыя Богородицы на руках держаща Шуйския Пресвятыя Богородицы и глас слыша от святолепна старца молящася ко иконе Пресвятыя Богородицы сице: Избави Пресвятая Богородице сего иерея Иакова страждущаго. Глас же бе слыша от Пресвятой Богородицы: сей иерей страждет наказанием за неверство ево понеже не веровал чудесам бываемым во храме моем а мыслил сице: какие де ныне от сея иконы чудеса хотя де напред и были а ныне де нет да и нечего ждать и всуе де я пришел из села Гориц в Шую, хотя его преосвященство просить, чтоб паки его в Горицы перевёл.* Нам же его вопрошающим: *так ли бе отче мысле твоя егда здрав бе?* Он же глаголя нам: *так де братия моя, не бе ниже единыя службы без сея мысли.*

Потом же в пяток на первой недели вывели онного беснуемаго священника и когда в преждеосвященную обедню зле его муча и поражая о помост церковный и прегибаяся яко и зрящим нань велми удивляющимся и тако в дом свой относим бывая пятми человеками. И в воскресенье паки вывели онаго священника и зле мучим бе в литургию и о помост церковный его ударяя и в

Херувимскую песнь велми его удари и тако нечувствен лежа и до отпуста мирскаго молебна. Егда отпуст протопоп возгласи тогда оной священник сам о себе встал и приложися к чудесной иконе и к прочим местным образам и возвести всем: *яко егда аз братие нечувствен бе якоже мя видесте и мало чюх из уст моих аки птицу вылетевишу черну и долг хвост имевишу*. И тако сам о себе в дом свой доиде и егда прииде в дом свой тогда в доме засну и виде в видении паки онаго священнолепна старца в руках своих чудесную икону носяща и глас от чудесныя иконы сице: *се исцелен еси при чудесной иконе в день Православия. Веруй быти чудесам от чудесныя иконы моя и о сем всюду вестно будет, иди убо и прославь благодеяние Ея*. И сам облачась в фелонь и молебен с водосвятием отпой, егда же освятиши воду умы оною водою лице свое вкупе же и неверие свое отвержеша.

И в понедельник паки соборне отпеша молебствие Пресвятей Богородице егда у молебна протопоп возглас возгласи, тогда оной исцелевший священник поясом (?) же и ноги прегнувшася, нам же двоим поддерживающим. И вскоре одумася и возвести глас – *аз, отцы и братия, егда непочувствова мало себе, яко же зресте мя, и мнехся не видети и своду церковнаго*. И огонь окружи олтарь и чудесную икону и глас слыша от чудесной иконы сице: *се исцелен еси ты вчера в день Православия, веруй быти благодати и чудесам от иконы моя и веруй быти благодати во святых церквах понеже ныне мнози ереси и развраты и не веруют быти благодати во святых церквах, ниже веруют быти благодати от святых икон, (но ты) веруй - быти, есть и будет до скончания века*. И се протопоп слыша повеле звону быти. На незапные звоне снисдошася вси градоначальницы и купно вси со слезами и со умилением и градски священники молебное пение совершивше Пресвятей Богородице и разыдошася вси в дома своя радующеся.

* свящ. Иаков - Орлов Яков Иванович, 1743–1806, служил в Воскресенском соборе Шуи 1780–1805 г. (Переи Шуйского уезда Владим. губ: сост. О.И. Захарова. – Ив., 2003, С.32)

** протоиерей – Никитский Алексей Никитич, в сане протоиерея с 1778 года (ГАИО: Ф.865. Оп.1. Д.9. Л.2об.- 3об. Евлампий (Правдин), иерей. Протоиерей Алексей Никитич Никитский // Владимир. епарх. вед-ти – 1877. – № 13).

Приложение 2

Список инспектора по делам музеев Облоно ИПО*
ОР ГТГ Ф. 67. Отдел Древне-Русской живописи. № 506. (№ М-4 от 28.V-35)

ШУЯ

По Шуйскому району в списках монументальной и станковой живописи, а также архитектурных памятников ИПО, находящихся под Госохраной, совершенно не числятся какие-либо памятники. Между тем, при выезде **13 мая 35 года в г. Шую** мной обнаружены весьма ценные памятники искусства и старины вполне заслуживающие внимания, как-то:

1. КРЕСТО-ВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Построенная в 1603 г. и реставрированная в 1823 г. Тип архитектуры Казаковской школы, имеется весьма выдающееся внутреннее убранство в стиле ампир, иконостас стиля рококо, престол бронзовый работы Кампиони по гравировке академика Скотникова и ампирные люстры. Сохранность хорошая, находится в ведении общины верующих. Кроме того в церкви находятся:
 - Икона Успение (моление Николая Сократа). По заключению А.И. Некрасова в 1930 г. Итало-Критского письма XVI-XVII в. Сохранность хорошая, покрыта лаком.
 - Икона Бориса и Глеба в княжеском одеянии, XVI век.
 - Икона Дмитрия царевича с историей убийства (в тёплой церкви), XVII век.
 - Резной деревянный Крест надвратный, начало XVII век.

Кроме вышеуказанного здания и икон из памятников станковой живописи необходимо под Госохрану взять:

2. ВОСКРЕСЕНСКИЙ СОБОР, главное здание, 1792-99 гг.
 - Икона местная Николая чудотворца (крещатые ризы), московских мастеров, уникальная по технике письма (реставрирована Суловым 1925) XIII и XIV век.
 - Икона Шуйская-Смоленская, 1654 г., чудотворная, местного иконописца Герасима Тихонова.
 - Икона Власия Антипия, XVI век.
 - Икона «Тебе радуемся» местного письма, XVII век.
 - Икона «Спас мокрая борода», XVII столетие.
3. ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ, 1754 год.
 - Икона Иоанна Предтечи царских писем XV и XVI вв.

- Икона Покрова 1652 г. местного письма Григория Утешова.
- Икона Шуйско-Смоленская 1745 г. копия местного иконописца Бориса Ив. Болотова
- Евангелие 1601 г. поллиста, «Юсовое», вложенное в Александровский монастырь г. Суздаля.

 * ИПО — Ивановская промышленная область, административно-территориальная единица, в конце 1930-х годов включавшая кроме нынешней территории Ивановской области, часть территории Ярославской, Владимирской и Костромской губерний.

- 1. Богослужебная литература:** Празднование Пресвятей Владычице нашей Богородице в честь чудотворных Ея икон, нарицаемых «Шуйския», сост. прот. Николай Миловский. Миня. Ноябрь. — М.: Изд. Московской Патриархии, 1980; *Спаский Ф.Г.* Русское литургическое творчество. — М.: Издательский совет РПЦ, 2008; *Монахиня Игнатия (Петровская).* Церковные песнотворцы. — М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005; *Монахиня Игнатия (Петровская).* Русское песнотворчество в честь Богоматери // Альфа и Омега. — 2004. — №3 (41); — 2005. — №1 (42).
- 2. Источники:** Служба Вторника Светлая неделя в богослужебном сборнике XVIIв. // РНБ. Собрание Погодина. — № 1581. — Лл. 15-39; Тропарь и кондак Шуйской Смоленской иконе Богородицы // Архив Владимиро-Суздальской епархии. — Фонд епископа Афанасия (Сахарова). Оп. III / 1. Д. 8. Л. 113; Слово похвальное в учительном-житийном сборнике XVIIв. // ОР РНБ. Q. XVII № 79. Лл. 162-173; Сказание о Шуйской иконе Божией Матери, список 1783 года из библиот. Саровской пустыни. // РГАДА. — Ф. 357. Оп. I Д. 109; ГАИО. — Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 51. Л. 210; Святитель Афанасий исповедник, епископ Ковровский, «Какое великое утешение — вера наша!..». Избранные письма. — М.: ПСТГУ, 2012.
- 3. Труды краеведов XIX и начала XX вв:** *Иоасаф Гапонов, иеромонах.* О святых иконах, особо чтимых, находящихся во Владимирской епархии. — Владимир. 1859; *Гундобин П.И.* Описание Воскресенского собора города Шуи. — М., 1862; Сказание о чудесах, бывших от Шуйской-Смоленской иконы Божией Матери. — Шуя, 1883; *Колосов В.И.* Преосвященный Стефан Архиепископ Суздальский и Юрьевский. — Тверь, 1905.
- 4. Сведения о рукописях:** Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 4. Дополнения. — СПб.: Наука, 2004. — С. 601; *Никонов Н.И.* Шуйская Смоленская икона Божией Матери. — СПб.: Ладан, Троицкая школа, 2008.
- 5. Сведения о престолох:** *Крылов А.* Церковно-археологическое описание города Ярославля. Ярославль, 1860; Христорождественский собор г. Коврова, собрание протоиерея Алексия Радугина // ВГВ. — 1886. — № 43; *Рутман Т.А.* Храмы и святыни Ярославля. — Ярославль: Изд-во Александр Рутман, 2008; Московский Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь. — М. 2004; Христианские реликвии в Московском Кремле. — М.: Радунница, 2000.

6. Сведения по иконографии и иконологии: *Лидов А.М.* Пространственные иконы. Иеротопия – М.: Архитектура, 2006; *Виноградова Л.П.* К вопросу об иконографии иконы Шуйско-Смоленской Богоматери // Краеведческие записки. – Иваново, 1998; *Тарасова Е.Н.* Богословие иконографического извода Богоматери «Одигитрии» Шуйской-Смоленской // Светильникъ. – 2002. – № Ноябрь-Декабрь.
7. Сведения по церковному краеведению: *Баделин В.И.* Правда о Шуйском деле // Золото церкви. – Иваново: МИК, 1995; *Иванов Ю.А.* Местные власти и церковь в 1922–41 гг. // Отечественные архивы. – 1996. – № 4; *игумен Андроник (Трубачёв).* – Альфа и Омега. – 2007. – № 2 (49); *Макарьянц Б.Л.* К истории текста «Сказания о Шуйской иконе Божией Матери» // Ословесенный космос: культурологический сб. / ред. В.П. Океанский. – Иваново; Шуя, 2010.

Д. М. ЧЕРНИХОВСКИЙ
(г. Санкт-Петербург)

«ШУЙСКИЕ» ДЕЛА В РАБОТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Первым официальным российским государственным учреждением, деятельность которого была направлена на поиск, изучение и сохранение памятников древности, стала Императорская Археологическая Комиссия¹ (ИАК) в ведении Министерства Императорского Двора, созданная в Санкт-Петербурге 2 февраля 1859 г. Члены комиссии участвовали в археологических раскопках на юге и севере России, в Сибири, Средней Азии, изучали древнерусскую архитектуру. Результаты работы Комиссии отражены в многочисленных публикациях, содержащих ценные научные сведения, как периодического характера («Материалы императорской археологической комиссии», «Известия императорской археологической комиссии», «Материалы по археологии России»), так и в виде отдельных изданий. Предметы, найденные на раскопках, вошли в коллекции Императорского, а затем Государственного Эрмитажа. Да и сама Комиссия вплоть до революции размещалась в помещениях Эрмитажа, образуя с ним единую организационную структуру [1; 2].

Особое внимание ИАК уделяла вопросам сохранения архитектурных памятников и произведений художественного искусства православной церкви. В 1901 г. при ИАК была создана реставрационная комиссия, ставшая ведущим учреждением в

области экспертизы проектов и методик реставрации архитектурных памятников. На специальных реставрационных заседаниях рассматривались вопросы перестройки, реставрации храмов, инженерных сооружений, а также ремонт иконостасов, восстановление икон. Итоги работы реставрационной комиссии публиковались в отдельных выпусках «Известий императорской археологической комиссии».

В отчетах реставрационных заседаний археологической комиссии встречаются объекты Иваново-Вознесенска, Шуи и Шуйского уезда, Палеха, Кинешмы и Кинешемского уезда, Юрьевца, Верхнего Ландеха, Анькова, Холуя. Это, конечно, не говорит о том, что только в перечисленных пунктах находились наиболее ценные объекты – так сложилось, что именно в этот период (1905–1917 гг.) там планировались работы, связанные с ремонтом и перестройкой церквей, позолотой иконостасов, поновлением стенных росписей.

Кроме археологической комиссии существовал ряд общественных организаций – археологических обществ, выполнявших близкие функции. Крупнейшим и наиболее продуктивным из них было Московское археологическое общество², основанное в 1864 г. по инициативе графа А. С. Уварова. Общество сыграло значимую роль в деле изучения реставрации и охраны памятников церковного искусства. Вместе со столичными (петербургскими) археологическими учреждениями – Русским археологическим обществом и Императорской Археологической Комиссией являлось основным научным центром в области археологии и истории. Члены общества принимали активное участие в работах по возобновлению Смоленских крепостных стен, реставрации Коломенского и Ростовского кремлей, Покровского и Успенского соборов в Кремле, Успенского собора во Владимире. С 1876 г. в Московском археологическом обществе действовала Комиссия по сохранению древних памятников. Комиссия рассматривала проекты переделки и реставрации древних памятников, сооруженных до 18 в. [1; 2].

С Шуйей и уездом связано несколько случаев, потребовавших вмешательства археологических организаций, – перестройка храмов в Шуйе и Волокобине, ремонт обветшавшего иконостаса в Сергееве. Любопытно проследить за самим процессом экспертизы тех лет и ее результатами.

Сохранилась переписка прихожан Преображенского храма села Волокобина Шуйского уезда (сейчас Южский район) с Московским Императорским археологическим обществом. Нарядная и изящная двухэтажная церковь с колокольной, выполненная «еще полностью в формах нарядного узорочья московской архитектуры сер. 17 в» [3], почти двести лет была домовою – использовалась лишь владельцами села и узким кругом приближенных к ним лиц. В конце 19 в. Преображенский храм долгое время стоял закрытым. Но в 1902 г. нашелся состоятельный и известный благотворитель – миллионер, шуйский почетный гражданин Михаил Алексеевич Павлов. Он способствовал открытию при Преображенской церкви самостоятельного прихода, финансировал замену иконостаса верхнего храма (до 2000 рублей), нанял причт, купил полное священническое облачение и богослужебные сосуды. С открытием прихода выяснилось, что храм, несмотря на благолепие и древность, плохо подходит для приходских богослужений по причинам тесноты и безопасности: «...такой храм при наличности в данное время в нашем приходе более двухсот душ мужского пола, конечно, тесен, но с этим обстоятельством до времени и при нужде мириться можно. Самое же главное неудобство нашего храма как приходского, а не домашнего – это внутренний ход в верхний храм...Ход этот весьма опасен при большом сравнительно числе посетителей верхнего храма. Если случится какая-нибудь тревога на селе или опасность в самом храме во время богослужения, этот ход наполнится трупами задавленных жертв...» [4]. Прихожане с попечителем прихода предложили решение – пристроить с запада храма отдельный вход на второй этаж (Павлов М. А. выделял на это кирпич, цемент, известь и необходимый капитал).

В 1904 г по итогам изучения снимков и чертежей на имя сельского священника и Совета Попечительства пришел Указ из Владимирской Духовной Консистории о том, что «Московское Императорское археологическое общество не находит возможным разрешить устройство наружного входа в верхний храм...в виду искажения проектируемой пристройкой западного фасада храма. Археологическое общество заботится о сохранении западного фасада храма» [4].

В начале 1905 г. прихожане писали уже Обер-Прокурору Священного Синода К. П. Победоносцеву с просьбой походатайствовать перед Императорским Археологическим Обществом

о разрешении пристройки входа. Также в письме, подписанном сельским старостой Иваном Кузнецовым и прихожанами, кратко излагались причины перестройки, среди которых были и довольно комичные. Так указывались сложности проведения крестных ходов: «...очень неудобно бывает смотреть, когда для крестного хода хоругви из верхнего храма (внизу их поместить нельзя – древки их не устанавливаются около клиросов вследствие низкого свода) спускают в окно из сеней; таким же путем после хода хоругви попадают на свои места в верхнем храме. Неприятно нам и то, что чтимая икона Святителя Николая из верхнего храма никогда не бывает в крестных ходах, при ее размерах нельзя пронести ее ходом или спустить в окно из сеней, малое по размеру...» [4].

Разумным компромиссом сохранения облика древнего храма и обеспечения безопасности прихожане видели стилизацию нового каменного входа под старину (план крыльца предполагалось «снять со входа в древний храм Царевича Дмитрия в г. Угличе Ярославском»). Но и на повторную просьбу прихожан пришел ответ от Ведомства Православного исповедания «объявить крестьянам села Волокобина...что прошение...оставлено без последствий».

В итоге изначальный внешний вид памятника был сохранен. Правда, сейчас состояние трехсотлетнего Преображенского храма в Волокобине критично – он разрушается. После обычного для местных церквей этапа разорения и запустения в его истории наблюдался и непродолжительный светлый момент. В начале 2000-х гг. храм передали церкви, были выполнены работы по замене кровли, окон, дверей. Но необходим капитальный ремонт – видны трещины в стенах, недавно обрушилась часть колокольни.

В Шуге в результате деятельности ИАК застопорилась перестройка Воскресенского собора. Расширение существующего здания на тот момент было необходимостью – небольшой по вместимости храм процветающего уездного города в начале 20-го века уже не мог одновременно вмещать всех желающих, особенно во время праздничных служб. Поклониться чудотворной иконе Шуйско-Смоленской Божией Матери, находящейся в соборе, регулярно приходило множество паломников. По вместимости Воскресенский собор, построенный в 1798 г., в то время отставал от некоторых шуйских храмов (Успенского собора

Всехсвятского единоверческого монастыря, Крестовоздвиженской приходской церкви). Попечители собора (фабриканты М. А. Павлов и П. Х. Пухов) нашли деньги, заказали московскому архитектору И. Е. Бондаренко проект расширения, закупили строительные материалы. Но при согласовании проекта возник ряд вопросов технического и архитектурно-художественного характера [5; 6]. Технические вопросы были связаны с сомнениями экспертов технико-строительного комитета в надежности и целесообразности отдельных предлагаемых архитектором решений; художественные касались полного запрета строительства в целях сохранения первоизданного облика собора конца 18 века.

В пояснительной записке к проекту, составленному известным и модным в то время московским архитектором Ильей Евграфовичем Бондаренко³, кратко раскрывались предполагаемые действия по расширению собора: «по предварительной сломке старой ветхой трапезной и паперти предполагается построить вновь трапезную с двумя приделами по бокам, теплым вестибюлем и двумя открытыми папертями. В подвальном помещении под трапезной устраивается котельная для водяного отопления с камерами. Под боковыми пристройками устраиваются помещения для истопника, топлива, ризницы и кладовой. Над вестибюлем устраиваются хоры с двумя лестницами, ведущими из храма... своды железобетонные – над трапезной параболический, коробовый, над вестибюлями и боковыми пристройками – крестовые, над подвалом своды Монье по железным балкам... главы над западной частью (3 главы) железобетонные одностенные, устроенные по железному каркасу простым заполнением бетоном. Пристраиваемая часть соединяется со старой частью храма расширением существующего пролета, под аркой которого предварительно вводятся разгрузные балки...» [5].

Технические детали расширения обсуждались в Технико-строительном комитете министерства внутренних дел⁴. На заседании комитета от 28.08.1912 были разработаны конструктивные предложения по совершенствованию отдельных деталей проекта. В частности, из соображений равномерности распределения нагрузок, дешевизны и надежности рекомендовалось вместо одного большого проема в западной части старого здания сделать три; некоторые стены рекомендовалось сделать более

толстыми для сохранения тепла, также рекомендовалось улучшить систему отопления [6].

Протокол реставрационного заседания от 17 января 1913 г. с обсуждением возможности перестройки Шуйского собора опубликован в «Известиях императорской археологической комиссии» [7]. На страницах журнала дано описание собора и церковных реликвий, приведены результаты натурного осмотра храма⁵, приложены две фотографии (снаружи и изнутри). На заседании ИАК было доложено прошение причта и старосты от 27.10.1912 с приложением проекта переустройства, составленного архитектором И. Е. Бондаренко и проекта отопления, составленного фирмой «Залесский и Чаплин». Примечательны высказывания членов ИАК о внешнем виде Воскресенского собора до перестройки.

«Г. И. Котов⁶ нашел, что церковь построена в стиле Казакова и очень хороша; проект из монументальной постройки делает сооружение сомнительного достоинства. Жаль ее искажать. В. В. Латышев, Д. В. Милеев и Е. А. Сабанеев⁷ высказали, что проект совершенно меняет существующую церковь в важнейших частях. Предполагаемая перестройка равносильна устройству нового храма. В. А. Косяков⁸ заметил, что можно было бы, пожалуй, дать разрешение расширить трапезу, но при этом придется значительно поднять крышу ее. Е. А. Сабанеев обратил внимание на то, что трапеза построена преднамеренно низкою, для того, чтобы оттенить монументальность самого здания» [7].

Официальным итогом обсуждения стало письмо, подписанное графом А. А. Бобринским «проект переустройства Шуйского собора Владимирской губернии был рассмотрен в особом реставрационном заседании Императорской археологической Комиссии, с участием представителей Императорской академии Художеств, Святейшего Синода и министерства Внутренних Дел, причем признано, что предположенное переустройство совершенно изменяет настоящую заслуживающую внимания архитектуру храма, а посему не может быть разрешено. К устройству же отопления с целью устранить в храме духоту, препятствий не встречено» [7].

Каким образом запрещенное императорской археологической комиссией переустройство было все же выполнено – неясно. Эксперты археологической комиссии оказались правы – внешний вид собора после перестройки 1912–1914 гг. изменил-

ся, но современные специалисты не считают, что в худшую сторону [3, 9]. «Воскресенский собор – яркий памятник культового зодчества в стиле раннего классицизма, отличающийся монументальностью форм, оригинальностью объемной композиции и тонкостью прорисовки деталей. Цельность его облика не нарушается пристройками нач. 20 в., удачно стилизующими формы культовой архитектуры 18 столетия» [3]. Шуянам, безусловно, важно знать непредвзятые мнения профессионалов об архитектуре главного городского храма. При этом становится актуальным вопрос об авторстве старой части храма 1792–1798 гг. постройки (кто же в Шуе строил «в стиле Казакова?»).

В Воскресенской церкви села Сергеева в результате экспертизы археологической комиссии приостанавливалась работа по золочению иконостаса. Осмотр иконостаса 13 сентября 1915 года производился мастером позолотчиком по дереву Петром Ивановичем Батраковым. Он отмечал, что «...в настоящее время позолота на иконостасе и резьбе с грунтом вся отвалилась, так что необходимо сделать позолотку на новой заготовке и на полименте» [9]. 30 сентября 1915 года из здания императорского Зимнего дворца в Петрограде (где размещалась ИАК) во Владимирскую Духовную Консисторию был отправлен ответ с сомнениями в объективности осмотра: «императорская археологическая комиссия имеет честь уведомить Консисторию, что она не может дать своего согласия на сплошное удаление существующей позолоты иконостаса Воскресенской церкви...так как при этом будет попорчена редкая по изяществу резьба его. Заключение позолотчика П. И. Батракова представляется ненадежным, потому, 1) что фотографический снимок противоречит его указанию на отпадение всей позолоты с грунтом 2) он ничего не говорит о первоначальной окраске иконостаса, которую можно узнать осторожным соскабливанием верхних слоев краски» [9,10]. Члены комиссии возражали против полного удаления позолоты с иконостаса 18 века.

В повторном письме в ИАК 22 января 1916 г. тот же Батраков указывает уточненные данные об иконостасе, смягчая исходные сведения: «резьба на иконостасе и особенно в верхнем ярусе отпадает...необходимо закрепить грунт...резьбу прирезать и вызолотить по живой заготовке, не производя сплошного удаления существующей позолоты...». В итоге позолота иконостаса с определенными условиями была разрешена – по настоянию

ИАК Батраков согласился не золотить сплошь, но закрепить старый грунт и старую позолоту, прирезать недостающую резьбу и вызолотить по новой заготовке [11].

Была ли выполнена эта работа – неизвестно. Сама церковь (скорее всего, вместе с иконостасом) не сохранилась. Утрата именно этого храма для села важна в символическом отношении (в Сергееве также утрачен деревянный кладбищенский Георгиевский храм, о котором почти никто уже и не помнит). Воскресенская церковь, построенная в 1740 г., была главным сельским храмом. С наименованиями престолов этого храма (главный – Обновления Храма Воскресения Христова и придельный – Сергия Радонежского) связано и дореволюционное название села (Воскресенское-Сергиево или просто Воскресенское; встречается также название Сергиево) и часть названия Воскресенско-Федоровского монастыря (в монастырских храмах Воскресенских приделов никогда и не было).

Сейчас после десятилетий гонений на церковь с безвозвратной утратой многих ценных художественно-исторических памятников и церковных реликвий вопросы, обсуждаемые на заседаниях археологических обществ, могут выглядеть достаточно наивно. Но объективная художественная и инженерная оценка проектов реставрации и перестройки архитектурных сооружений также важна и актуальна сегодня. Примеры деятельности археологической комиссии, связанные с нашим краем в начале XX века, демонстрируют, во-первых, наличие самих ценных объектов, во-вторых, образец непредвзятого отношения к перестройкам и искажениям памятников старины, вопреки вполне понятным и оправданным желаниям заказчиков.

Примечания

¹ После революции Археологическая Комиссия была преобразована в Российскую Академию истории материальной культуры. Сейчас – Институт истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге.

² Московское Императорское археологическое общество (1864–1922) изначально существовало на частные пожертвования, но с 1914 г. стало получать ежегодные государственные субсидии. Главной заслугой общества признавалось сплочение провинциальных археологов, методическая и финансовая помощь местным краеведам и руководство археологической наукой через организацию археологических съездов [1,2].

³ В советское время архитектор Илья Евграфович Бондаренко проявил себя также как выдающийся ученый-искусствовед, специалист в области музейного

дела, сохранении и реставрации памятников архитектуры. Большинство построек И. Е. Бондаренко осталось в Москве и Подмоскovie (он также перестраивал Крестовоздвиженскую церковь в Иваново-Вознесенске, там же построил несколько особняков и общежития для рабочих). И. Е. Бондаренко стал признанным архитектором старообрядчества, искусно сочетая в храмостроительстве современные технологии (например, железобетонные конструкции), элементы эпохи модерна с древнерусскими формами. Шуя может гордиться участием этого зодчего в перестройке главного городского собора.

⁴Для ускорения затянувшегося решения о строительстве уполномоченный член строительной комиссии по реставрации Шуйско-Смоленского собора Георгий Яковлевич Зимин отправил председателю комитета Леониду Ивановичу Новикову 29.08.1912 просьбу от лица прихожан «оказать содействие доброду делу». Зимин указывал, что «двое из Шуйских благотворителей пожертвовали из своего усердия 300.000 рублей (из которых на момент написания просьбы израсходовано на строительные материалы 30.000), что в соборе тесно и душно, а разрешение на расширение храма ожидается уже шестой месяц [6].

⁵Дана характеристика грунта под собором (на 0.20-0.25 см слой «растительной земли», на 0.70-0.80 см крепкий суглинок без воды, на 0.80-2.00 см крепкий слой чистого песка; давление на квадратный дюйм грунта исчислено в 0.56 пуд). Указана необходимость ремонта железных стропил (существующие стропила исполнены из полосового железа 3 на 1 дюйм и довольно примитивны, скрепы местами нарушились, полосы прогнулись), отмечены повреждения покрытий глав, выветривание кирпича на барабанах.

⁶Котов Григорий Иванович (1859-1942) – академик архитектуры, профессор Академии Художеств и директор Центрального училища технического рисования барона Штиглица. Наиболее известные архитектурные работы: православная церковь в Вене, реставрация собора во Владимире-Волынском, военноморской павильон на Нижегородской выставке, здание московской городской думы (совместно с М. Т. Преображенским). Автор ряда печатных работ по архитектуре.

⁷Латышев Василий Васильевич (1855-1921) – известный филолог, эпиграфист и историк. Ординарный академик Академии Наук. Состоял членом совета министра народного просвещения, товарищем председателя и редактором изданий Императорской археологической комиссии, директором историко-филологического института.

Милеев Дмитрий Васильевич (1878-1914) – архитектор-художник, крупный исследователь деревянного зодчества, специалист по Русскому Северу. Руководил раскопками на территории старого Киева, Костромского Ипатьевского монастыря. Основоположник научного подхода к раскопкам древнерусских церквей.

Сабанеев Евгений Александрович (1847-1919) – архитектор-художник. Преподавал в Академии Художеств и в Высшем Художественном Училище. Действительный член Академии Художеств, директор школы общества поощрения художников. Был редактором «Художественных сокровищ России». Инспектировал работы по Исаакиевскому собору.

⁸Косяков Василий Антонович (1862-1921) – архитектор (гражданский инженер), художник, педагог, директор Института гражданских инженеров (1905—1921), строитель соборов в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Петергофе, Либаве, Астрахани, Батуми.

Литература

1. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700-1917 гг. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.
2. Православная энциклопедия. Электронная версия. – Т. 3.– С. 499-501 <http://www.pravenc.ru/>
3. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. – М.: Наука, 2000. – 813 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.799. Оп. 25. Д.1477, 1904 г. По прошению прихожан Преображенской церкви с Волокобина Шуйского уезда Владимирской губернии об исходатайствовании разрешения у ИАК на устройство отдельного хода в верхнее помещение названного древнего храма
5. Архив института истории материальной культуры РАН. –Ф.1, 1912. Д.354. Л.5. Воскресенский собор. Метрика. Переписка о разрешении переустройства храма. Проект перестройки.
6. РГИА. – Ф.1293. Оп.108. Ед.хр.93, 1912. Дело Техничко-строительного комитета МВД №93 «О расширении Воскресенского собора в городе Шуе»
7. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 50. – СПб., 1913. – С.18-20.
8. *Шлычков Л. А.* Листая времени страницы: Памятники архитектуры Ивановской области. – Ярославль: Верх.-Волж.кн. изд-во, 1983. – 159 с.
9. Архив института истории материальной культуры РАН. – Ф.1, 1915. Д.135. Л.5. Село Воскресенское-Сергеево. Переписка о разрешении ремонта иконостаса. Метрика. Фото.
10. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 61. – СПб., 1916. – С.126.
11. Известия императорской археологической комиссии. Вып. 64. – СПб., 1917. – С.44.

**«БЕЗДЕНЕЖНО ДОСТУПЕН»:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ САД В ШУЕ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В последние два десятилетия исследователи все чаще обращаются к теме истории повседневной жизни, в том числе в России в конце XIX–начале XX в. Эти проблемы ускользали от внимания историков в советский период. Между тем, очень важно иметь представление о взаимоотношениях людей, принадлежавших к разным социальным слоям, о том, как они трудились, вели домашнее хозяйство, отдыхали. Среди досуговых возможностей, которые имелись в провинциальных городах, особое место занимали общественные сады и бульвары.

Организация общественного сада в Шué связана с гласным городской думы купцом 2-ой гильдии Василием Матвеевичем Чернышёвым (умер не позднее 1885 г., последний раз упомянут в источниках в 1878 г.). В апреле 1872 года он просил городского голову рассмотреть на заседании думы вопрос об открытии сада в Шué. Он обращал внимание на то, что это желание не только его, но и других жителей Шуи, а лучшим местом для сада была бы местность «Крутиха» на берегу Тезы. Идея была не нова. По словам Чернышёва, дума прежнего состава рассматривала этот вопрос и выделяла даже сумму до 1000 руб. на первоначальное устройство сада, но вопрос так и не был решён.

Для желающих танцевать Чернышёв предложил построить павильон, открыть подписку добровольных пожертвований на сад, всех внесших деньги благодарить, а пожертвовавшие не менее 10 руб. становились «почётными членами с правом бесплатного во всякое время входа в павильон». Чернышёв просил также выделить из городских доходов средства на устройство сада.¹

Подписку для добровольных пожертвований дума разрешила открыть. Заведующим или распорядителем сада был назначен Чернышёв (состоял на этой должности с 1872 по 1878 г.). Буквально через месяц Чернышёв собрал сумму в 750 рублей. На неё-то и началось обустройство пространства сада в первый год его существования. Место было обнесено оградой – «палисадником» (около 300 саженей – почти 600 м) с воротами,

дорожки были засыпаны щебнем, в аллеях высажены липки и сосны (по 900 шт.), устроены лавочки (33 штуки).²

К следующему лету (в 1873 г.) обустройство сада ещё не было закончено: ограда не окрашена, посаженные деревья требовали внимания, поливки. Чернышёв отмечал, что «летом без наблюдения сад может пострадать от неблагонамеренных людей и лишится того, что имеет сейчас», он подчёркивал, что «следовало бы отделать несколько куртин (клумб), насадить цветов», чтобы «сад походил на благоустроенный».

Дума ассигновала на дальнейшее устройство сада из городского бюджета 500 руб. (эта сумма в течение многих лет оставалась неизменной) и постановила: Чернышёва за его работу благодарить, расширять список жертвователей, заботиться о саде, следить за посадкой новых деревьев.

В 1873 году происходило дальнейшее благоустройство сада и строительство павильона. Городским архитектором С. Е. Эвертом был составлен план павильона, эскиз фасада, разработаны кондиции (нормы) по его устройству: по обеим сторонам павильона предполагались две открытых террасы с лестницей и перилами. Стены должны быть обшиты кровельным тёсом на «польский манер». Здание предполагалось выкрасить коричневой краской, а крышу зелёной.³

В апреле 1873 года было объявлено о торгах на право устройства подрядчиками за свой счёт этого павильона, а также «платформы» для танцев, с правом содержания в этом строении буфета. Павильон был выстроен, видимо, Г. П. Кувшиновым, купцом 2-ой гильдии, т. к. его предложения оказались для города наиболее выгодными: приличный павильон, комната для дам и отхожее место для мужчин, помещение для игр в бильярд и кегли, торговля напитками, фруктами и сладостями.

В 1874 г. жители Шуи обратились с письмом к городскому голове по поводу такого важного недостатка, как отсутствие музыки в саду. В настоящее время, писали они, сюда выписывается оркестр из Иваново-Вознесенска, но это сопряжено с большими неудобствами относительно сбора денег для музыкантов. Просители предлагали: раз в неделю, когда играет музыка, пускать публику в сад за плату 20 коп., этот сбор обеспечит расходы на оркестр и не будет обременителен для публики. Дума, «желая поддержать ту часть сада, где устроены цветники, павильон, эстрады для танцев», решила отделить часть сада и за вход уста-

новить плату по 20 коп с человека; проходили бесплатно только дети, жертвователи и члены их семей, а также полицейские.⁴

Таким образом, за два года сложился облик сада, в дальнейшем существовавший на протяжении нескольких десятилетий с небольшими изменениям и дополнениями...

Обратимся к некоторым событиям и повседневным делам, связанным с общественным садом в дальнейшем. В течение следующих четырёх десятилетий «платная» часть сада вместе с павильоном постоянно переходила из рук в руки, в аренду её брали на год, два и более. В 1875 году Шуйское дворянское и купеческое собрание просит сдать в аренду участок сада, обнесённый в предыдущем году канатом. Об этом хлопотали гласные думы и одновременно члены этого собрания И. И. Попов и С. Н. Посылин. Собрание пошло на арендные условия, предлагаемые городом: «все постройки на этом месте сохранить в целости, дорожки постоянно иметь в исправности, деревья и зимующие цветы своевременно поливать; кроме того на свой счёт содержать оркестр музыкантов (не менее 2-х раз в неделю), предоставив собранию отделить означенную местность, как оно найдёт для себя нужным, определить и получать в свою пользу с посетителей за вход в эту местность в клубные вечера, не ранее 8 час. вечера, по его усмотрению плату». Единовременная плата за вход составляла 30 коп., семейный билет для входа в помещение на 3 месяца - 10 руб. (годовой членский взнос в это собрание - 15 руб.). Арендная плата этого участка сада на летний сезон составляла 100 руб.⁵

Конечно, это разделение сада на платную и неплатную части не могло не вызвать нареканий тех жителей Шуи, интересы которых лежали вне дворянского и купеческого собрания. Они в своём письме к городскому голове обращали внимание на то, что сад создавался для всех без исключения желающих в свободное время прогуляться среди зелени, посидеть на скамейках, подышать чистым воздухом: «Назначение сада изменилось как в прошлый, так и в нынешний год, в нём помещается клуб, который заняв лучшую часть сада со всеми постройками, огородив это место, взимает плату с желающих посидеть в павильоне или беседке... Это - отчуждение удовольствий тех граждан, которые жертвовали на устройство сада». На это городская дума, ссылаясь на «Городовое положение», отвечала, что в интересах города она имела право «извлекать из общественных сооружений до-

ход; но получая этот доход, она не только не лишила удовольствия городских жителей, а даже увеличила его возможностью гуляющим в большей части доступного безденежно для публики общественного сада, слушать музыку, поставленную совершенно на открытом месте».⁶

Несколько следующих лет обустройство сада осуществляло другое собрание – Общественное (существовало в 1876–1896 г., потом с 1907 г.), членом его (а позднее и председателем) был Д. К. Бальмонт. В думе настороженно отнеслись и к новому обществу, и к его предложениям. Общественное собрание хотело взять в аренду все находящиеся в саду помещения, а также использовать назначенные думой на поддержку сада средства, при условии, что оркестр собрания будет играть в саду каждую неделю по 2 раза; предоставить всем бесплатный вход в сад и все помещения в нём, если только лица эти не будут играть в азартные карточные игры или на бильярде. Д.К. Бальмонт уведомлял думу, что плата за вход в закрытые помещения будет по 25 коп. с человека.⁷

На протяжении всех лет существования сада до революции в нём было несколько павильонов. Самый первый просуществовал недолго. В 1877 г. Общественное собрание строит новый павильон. В 1907 г. павильон сгорел. Страховая сумма была выплачена и пошла на постройку нового, но на другом месте. Первые павильоны располагались в стороне от главной аллеи, слева от неё, новый находился в конце главной аллеи, как говорилось в источнике – «на яме». В проекте, утверждённом строительным отделом Губернского правления, был предусмотрен зрительный зал со сценой и артистическими уборными, большая и малая столовые, буфет, бильярдная и карточная комнаты, а также небольшие по площади библиотека и читальня. Этот павильон строили 4 года и арендовало его впоследствии до самой революции Благородное собрание (бывшее Дворянское и купеческое).⁸ На месте сгоревшего помещения, по разрешению думы, за месяц была выстроен другой павильон, хотя и более скромный, чем на главной аллее. Выстроило и в дальнейшем арендовало это здание Общественное собрание, которое с 1907 г. возобновило свою работу. В павильоне было место для танцев и оркестра, бильярдная и карточная комнаты, буфет, столовая, кухня, читальня.⁹

С первого года существования в саду до зимы работал сторож. Позднее дума, выделяя из своего бюджета деньги на содержание сада, включала в список расходы на очистку территории, наём садовника, отопление сторожки и оранжереи, ремонт заборов, ворот, лавочек и т. д. Наём сторожа того или иного павильона оплачивало собрание, арендующее его.

В начале XX в. оранжерея, также как и павильон, сдавалась в аренду разным лицам с возможностью выращивать и продавать различные растения и цветы.¹⁰ В афишах, анонсах спектаклей, проходивших в садовых павильонах, сообщалось, что «к услугам гуляющих сад иллюминирован керосиново-калильными фонарями и работает кегельбан».¹¹

Работа сада не обходилась без курьёзов. Губернская газета «Владимирец» за 1907 год в материале под названием «Переполюх в городском саду» сообщает, что 18 июня в праздничный день в общественном саду Шуи собралось много народу: «В центре сада расположилось несколько человек, впоследствии оказавшихся огородниками, и стали попивать пиво. К ним подошло двое молодых людей тоже «под мухой» и стали сперва просить, а затем требовать угощения. Недовольные огородники вступили в пререкания, один из них закатил пощёчину. Тот, долго думая, вынул револьвер и выстрелил. Огородник упал на землю.

Другие огородники схватили стрелявшего. Тогда его товарищ тоже выстрелил. Пользуясь случаем, первый вырвался и оба бросились бежать. В саду в это время произошло нечто ужасное. Услышав выстрел, публика бросилась врассыпную, скакали через заборы, поднялся визг и крик. В сад были стянуты казаки, городовые. Задержать никого не удалось. Раненного огородника уложили на извозчика и отправили в больницу. Розыски производятся».¹²

В 1916 году, ссылаясь на то, что «управа не имеет возможности наблюдать за общественным садом, который в настоящее время содержится не в надлежащем виде и порядке и может погибнуть», Шуйская дума решила учредить особую исполнительную комиссию для наблюдения за общественным садом и бульварами города. Это объяснялось не столько неудовлетворительным состоянием сада, сколько военным и предреволюционным временем. В распоряжении комиссии находились не только денежные средства на содержание бульваров и сада, но и служа-

щие – сторожа, садовники и др., с предоставлением комиссии права увольнять непригодных по её мнению со службы. Председателем комиссии являлся Н. А. Щеколдин.¹³

В 1917 г. по документам вырисовывается необычная для того беспокойного времени картина: для посыпки дорожек возили песок, проводились земляные работы, ремонт лавочек и изгороди, постройка и окраска новых лавочек, деревянной лестницы от аллеи к изгороди и т. д. Только отдельные детали указывали на военное время: для охраны сада закупили 100 шт. пробок для пугача и на работах по очистке сада использовались военнопленные.¹⁴

Таким образом, на примере создания и функционирования общественного сада в Шуе наглядно видно то, какие существенные изменения происходили в жизни провинции: модернизация сферы услуг, в том числе культурных. С появлением новых видов общественного транспорта, электрического освещения, эффективной пожарной охраны, водопроводов, новых форм проведения досуга жизнь в городах становилась все более комфортной и безопасной, разнообразной и интересной.

¹ Государственный архив Ивановской области (далее ГАИО). – Ф.369. Оп.1. Д.110. Л.1.

² Там же. – Л.4об.

³ Там же. – Л.12.

⁴ Там же. – Л.35.

⁵ Там же. – Д.293.

⁶ Там же. – Л.13-14.

⁷ Там же. – Д.340, 516.

⁸ Там же. – Д.1985. Л.29.

⁹ Там же. – Д.2086. Лл.8, 20-21.

¹⁰ Там же. – Д.1829. Л.3.

¹¹ Музей промышленности и искусства им. Д. Г. Бурылина. – Н/в № 8210/20,22.

¹² Владимирец. – 1907. 5 июля.

¹³ ГАИО. – Ф.369. Оп.1. Д.2706. Л.1.

¹⁴ Там же. – Д.2838. Лл.4,7,56.

СТРОИЛАСЬ ДОРОГА...
(по страницам «Газеты железных дорог и пароходства»)

Строительство и судьба Шуйско-Ивановской железной дороги показательны для всего периода так называемого «золотого» века железнодорожного строительства в России: бум частного концессионного предпринимательства рубежа 1860-1870-х гг., когда строительством и эксплуатацией железнодорожных линий занимались акционерные общества, в таких масштабах никогда больше не повторился.

Инициаторами строительства дороги от Новок до Иваново выступили потомственный почётный гражданин М. Н. Горбов и «торгующий по I разряду государственный крестьянин» И. А. Бусурин, известные железнодорожные грюндеры, не входившие, однако, в группу так называемых железнодорожных «королей». Главным покровителем строительства железной дороги в регионе был П. П. Волков, председатель Шуйской уездной земской управы, и С. Н. Гарелин, глава Вознесенского посада. Именно они обратились с ходатайством в Министерство финансов разрешить им концессию на строительство. Такое разрешение было дано 9 мая 1867 года. Накануне – 7 мая того же года – в Санкт-Петербурге вышел первый номер еженедельной «Газеты железных дорог и пароходства», первой транспортной газеты в России и Европе.

Газету начал издавать мало кому известный «редактор и издатель» Аркадий Васильевич Эвальд (1836-1898). В программе издания, наряду с официальной информацией, значились «слухи, мелкие известия и события на железных дорогах и пароходах». Судя по всему, идея сообщать об авариях и катастрофах на транспорте по всей России была одной из причин скоропостижного закрытия газеты. Слишком много оказалось аварий и катастроф, чаще всего связанных с русским «авось». Газета просуществовала недолго: в 1867 году вышло 35 номеров, в 1868 – 33. Разумеется, кроме происшествий подробно освещалось строительство новых железных дорог, в частности, Шуйско-Ивановской.

11 июня публиковался полный текст «Концессии»: «Государь император высочайше соизволил 9 мая 1867 года утвердить концессию на линию железной дороги от «шуйскоивановской станции московсконигородской железной дороги через город Шую до села Иванова».¹ В этом же номере сообщалось, что дорога строится в один путь и первоначально должна быть снабжена «подвижным составом в количестве 14 паровозов, 28 вагонов пассажирских и 170 товарных вагонов и платформ». Также объявлялась подписка на акции «Общества Шуйскоивановской железной дороги». Временные конторы учредителей были в Шуе и Иванове, подписка на акции принималась и в Москве. Особенно подчеркивалось, что «край, по которому проходит предположенная 83-х верстная линия, принадлежит к самым промышленным и населенным местностям России... шуйскоивановская ветвь станет в ряду с самыми доходнейшими из существующих и проектируемых в России железных дорог».

Первая информация о строительстве появилась 6 августа 1867 года. В ней указывалось, что постройка Шуйско-Ивановской железной дороги началась 27 июня 1867 года. В работе участвовало около 1000 человек. Работы начались в 3 пунктах: «близ Шуи, около Вознесенского посада и на реке Увось».² В этом же номере газеты была помещена заметка «Польза для края от шуйскоивановской железной дороги», основанная на публикации кн. Мещерского в «Русском Инвалиде».

В дальнейшем в разделе «Хроника русских железных дорог» практически в каждом номере газеты были сообщения о строительстве Шуйско-Ивановской железной дороги. В основном это была информация о собраниях акционеров, избрании директоров, «на время производства построек». 27 августа 1867 года газета сообщила о закладке в Шуе здания станции: «После молебствия с водоосвящением первую тачку с землей подвез городской глава Н.А. Закорюкин».³

Авторы газеты вникали во все мелочи строительства дороги. 12 ноября 1867 года в заметке «Ход работ на шуйскоивановской железной дороге» сообщалось, что уже заказаны пассажирские вагоны во Франции на заводах Шнейдера в Крезе, причем владельцы заводы «пожелали приобрести акции общества на значительную сумму».

В газете активно обсуждались вопросы продолжения дороги от Иванова к Волге (до Кинешмы).⁴ По планам акционеров дорогу надеялись открыть к 1 сентября 1868 года, то есть к окончанию Нижегородской ярмарки, с которой все товары и пассажиры «могли бы быть, к общему удовольствию перевезены по новому пути». ⁵ Еще в марте 1868 года газета сообщала, предвзяв открытие дороги, что на собрании шуйского городского общества было принято решение ходатайствовать перед правительством о присвоении звания почётных граждан города Шуи «за оказанные шуйскому краю особенное покровительство» министру финансов М. Х. Рейтерну, а также за хлопоты по устройству железной дороги председателю земской управы шуйскому купцу П. П. Волкову и шуйскому купцу И. И. Попову.⁶

Характерно, что авторы газеты не ограничивались собственной информацией о строительстве Шуйско-Ивановской железной дороги и для полноты картины перепечатывали наиболее важные публикации по этому вопросу из газет «Современная летопись», «Москва», «Голос», «Русский инвалид», «Русские ведомости», «Владимирские губернские ведомости».

Движение по первому отделению Шуйско-Ивановской железной дороги (участок Новки-Иваново) было открыто 15 сентября 1868 года. Промедление с открытием дороги на 2 недели было связано с задержками по взносам от акционеров. Тем не менее дорога длиной в 83 версты была построена в рекордно короткие сроки – за один год и пять недель, о чем успела сообщить газета.

До сентября 1868 г. у издания не было проблем с цензурой. Но 22 сентября 1868 года был введен раздел «Приключения на железных дорогах». Редакция сообщала, что «с настоящего выпуска нашей газеты мы будем помещать своевременно о всех такого рода происшествиях. Для полноты же обзора помещаем перечень случаев за весь нынешний год». ⁷ Теперь это были не отдельные факты, а статистика аварий и катастроф по всем железным дорогам России.

6 октября 1868 года сообщалось о случае воровства на Шуйско-Ивановской железной дороге в ночь с 22 на 23 сентября, «едва не имевшее гибельных последствий. От 8 звеньев рельсов, уложенных на дороге украдены накладки со всеми принадлежностями, то есть болтами и гайками», что чуть не приве-

ло к крушению локомотива, на котором ехал для осмотра дороги ее смотритель Ригель.

20 октября 1868 года в газете появилась информация, что «ввиду больших опасностей, которым подвергаются пассажиры на русских железных дорогах в Петербурге, составилось товарищество страхование жизни пассажиров». Сообщалось, что оно страхует жизнь всех пассажиров железных дорог «взимая премии со 100 вёрст проезда»: полкопейки с пассажиров 3 класса, от 2 до 4 копеек – 1 и 2 классов. В случае смерти через 48 часов после катастрофы вознаграждение за пассажира 3 класса 1000 рублей, 1 и 2 класса – 2 000 рублей серебром.

Следующий номер газеты 27 октября 1868 года стал последним. Так случилось, что в короткой истории «Газеты железных дорог и пароходства» строительство Шуйско-Ивановской железной дороги оказалось сквозным сюжетом. Это была единственная железная дорога, строительство которой на страницах данного издания освещалось от начала до конца.

¹ Распоряжение правительства // Газета железных дорог и пароходства. – 1867. – 11 июня.

² Хроника русских железных дорог // Там же. – 1867. – 6 августа.

³ Там же.

⁴ Железная дорога от села Иваново к Волге // Там же. – 1867. – 24 декабря.

⁵ Хроника русских железных дорог // Там же. – 1867. – 18 февраля.

⁶ Хроника русских железных дорог // Там же. – 1868. – 3 марта.

⁷ Приключения на железных дорогах // Там же. – 1868. – 22 сентября.

ЗЕМСКИЕ ПУТИ СООБЩЕНИЯ ШУЙСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Среди «Великих реформ», проведенных в 1860-70-х гг., особое место занимают земская 1864 г. и городская 1870 г. Государство, создавая органы местного самоуправления, в частности земства, ставило перед собой две основные цели. С одной стороны, оно хотело направить активность дворянской и разночинской общественности в мирное неполитическое русло и, не давая ей рычаги центрального управления, вовлечь общественных в решение хозяйственных и социокультурных проблем на местном уровне. С другой стороны, власти стремились делегировать местным органам самоуправления заботу о региональных «нуждах и пользах», избавив самих себя от этих хлопот. Функции земств делились на обязательные и необязательные. К последним относилось развитие просвещения и здравоохранения, которые земства, несмотря на их необязательность, считали для себя приоритетными. Среди обязательных функций числились заботы о содержании и пополнении хлебных магазинов, т. е. запасов продовольствия на случай неурожая, содержание тюрем, мировых посредников и судей и т. п. В числе обязательных задач, которые решали земства, числилось устройство и содержание местных путей сообщения.

В то время в России сухопутные дороги по степени важности делились на следующие разряды. Во-первых, это были важнейшие пути сообщения, соединявшие между собой такие города как Петербург, Москва, Киев, Варшава и др. Например, по территории Владимирской губернии, к которой принадлежал Шуйский уезд, проходил один из них: Москва – Нижний Новгород, связывавшая «старую столицу» и важнейший ярмарочный центр страны. Содержание этих дорог в силу их важности, брало на себя государство. Во-вторых, это были тракты регионального значения, которые соединяли между собой уездные центры и крупные торгово-промышленные и административные селения. За эти дороги несло ответственность то или иное уездное земство. В-третьих, существовали дороги, называвшие проселочными, они связывали прочие, не столь важные населенные пунк-

ты. Обязанность поддерживать их была возложена на крестьянские органы самоуправления сельского и волостного уровня – сельские общины и волостные правления.

Среди земских трактов также не все были равнозначными в хозяйственном отношении. В связи с этим, в земстве со временем возникла потребность каким-либо образом ранжировать эти дороги. Шуйское уездное земское собрание сделало это в 1897 г., используя в качестве критерия разделения дорог на три категории интенсивность движения по ним. К важнейшим дорогам первой категории были отнесены следующие: Шуя – Лежнево, Шуя – Вязники, Шуя – Юрчаково – Перемилово – Дунилово, Кохма – железнодорожная станция «Кохма», Соковский мост в Иваново-Вознесенске – железнодорожная станция «Иваново». Этот список был рассмотрен губернским земством и по его рекомендации он был дополнен трактом Шуя – Воскресенское (село в Ковровском уезде). Как это ни странно, но к первой категории не была отнесена дорога из Шуи в Иваново-Вознесенск. Всего в пределах уезда ко всем трем категориям были отнесены дороги общей протяженностью в 395 верст¹.

О том, какие расходы ложились на земство в дорожном деле, свидетельствует соответствующая смета, датированная 1884 годом. Совершенствовать и ремонтировать одновременно все дороги земство, конечно, не могло. Поэтому оно сосредотачивалось, в первую очередь, на тех, которые представлялись гласным наиболее важными, и на тех, состояние которых в данный момент выглядело наиболее удручающим. В указанном выше году работы производились на трактах от Шуи на Кохму, Лежнево и Аистово и от Иваново-Вознесенска к Шуе, Лежневу и Тейкову. Довольно дорого обошлось в 1884 г. содержание дороги от Шуи до Иваново-Вознесенска – 933 р. Однако больше всего средств было истрачено на ремонт Большого моста в городе Шуе. Как видно, земство принимало участие в такого рода работах не только на территории уезда, но и внутри городской черты. Всего за 1884 г. было издержано по статье «на дорожные сооружения» 19 877 р. Для сравнения укажем, что за тот же год на народное образование было израсходовано немного меньше – 19 250 р., а на здравоохранение – более чем в два раза меньше – 9 130 р.²

Для сооружения и ремонта дорог использовались различные технологии. Самой примитивной было устройство в осо-

бенно проблемных местах гатей из того, что тогда называлось «фашинником». Это название происходило от слова «фашины» – связки прутьев, использовавшихся как при исправлении дорог, так и при фортификационных, осадных работах в военном деле. Более долговечными оказывались тракты, замощенные булыжником. Однако, как отмечало земство, в условиях топей и глинистой почвы, даже каменная настилка быстро изнашивалась при интенсивном движении большегрузных подвод. Поэтому в 1890-х годах Шуйское земство признало, что целесообразнее всего осуществлять так называемое «шоссирование» дорог, несмотря на значительную дороговизну этой технологии. Она предполагала использование многослойного покрытия, в том числе того, что в земских сметах называлось «щебеночной одеждой» дороги. Шоссирование стало возможным в самом конце XIX в., когда к финансированию дорожного строительства активно подключились губернские земства, создавшие специальные дорожные капиталы.³

Особенно большие хлопоты доставляла Шуйскому земству дорога от Соковского моста до железнодорожной станции «Иваново». Она находилась вне городской черты Иваново-Вознесенска, поэтому за нее несла ответственность не городская дума, а земство. В документах она именовалась «Соковским шоссе», хотя на самом деле носила официальное название Большой Шереметевской улицы. По этой дороге каждый день проходили сотни тяжело груженных подвод в обоих направлениях. На товарной станции Иваново-Вознесенска в конце XIX – начале XX в. ежедневно загружали и разгружали около 200 вагонов, а сырье, готовая продукция и оборудование для фабрик перевозились именно по «Соковскому шоссе». В том числе по нему везли и сверхтяжелые по тому времени грузы – паровые котлы и части паровых машин весом от 200 до 500 пудов.⁴

Земство внимательно следило за ходом дорожных работ, причем это делали не только специалисты, но и руководители управы. Характерен в этом отношении отчет ее перед земским собранием за 1899 г. В нем сообщалось, что 26 июля 1899 г. ремонтировавшееся Соковское шоссе осмотрела комиссия, в состав которой входили: председатель земской управы Д. К. Бальмонт, члены управы Д. И. Годовиков и Н. Р. Шутов, технолог Владимирского губернского земства М. В. Машков. В это время на разных участках шоссе шли следующие работы:

разборка старой мостовой, устройство насыпи и кюветов вдоль нового полотна, насыпка «щебеночной одежды», заготовка булыжника. Были освидетельствованы в том числе отходы производства – бой булыжника и брак, который по терминологии «мостовщиков» (специалистов по мощению) назывался «синяк». В отчете сказано, что для всей протяженности Соковского шоссе требовалось около 1500 деревянных тумб, которые ограждали проезжую часть и выполняли функцию бордюрного камня.⁵

Еще один пример свидетельствует о наиболее проблемных участках дороги Иваново-Вознесенск – Шуя. В 1898 г. была составлена смета на ремонт этого тракта на 2498 р. Из них 1 тыс. требовалась на подновление мостовой на 8-й версте за Китовым в лесу, который принадлежал К. Терентьеву. Устройство нового моста на 15-й версте через речку Сиверку около деревни Бурмакино требовало еще 280 р., а ремонт моста через ту же Сиверку около деревни Гоголево – 200 р. Наконец за ремонт моста на 29-й версте (то есть уже на окраине Иваново-Вознесенска) требовал еще 165 р. Название водной артерии здесь не указано, но говорится, что мост находится за деревней Боголюбово. Из этого следует, что имелся в виду мост через Варгин ручей.⁶

Шуйское земство не только само активно занималось дорожным делом, но и помогало местным жителям в приведении в порядок тех дорог, до которых у земства не доходили руки. В 1909 г. к земцам обратились крестьяне находившегося рядом с Иваново-Вознесенском села Преображенского (среди населения этот район назывался Рылихой), которые в своем прошении сообщали, что дорога от села к городу находится в крайне скверном состоянии. Несмотря на то, что ежегодно на ее ремонт «рылишные мужики» (так называли их в Иваново-Вознесенске) расходовали от 60 до 100 р., весной и осенью по ней проехать было невозможно. Крестьяне просили земство дать им на пять лет ссуду в 2,5 тыс. р. В 1909 г. земство затруднилось оказать им эту помощь, но в 1910 г. все же согласилось выделить требовавшуюся на ремонт сумму.⁷

Земское дорожное строительство дополнялось организацией движения по местным путям сообщения. До появления органов муниципального самоуправления не существовало правильно поставленного междугородного сообщения. Человек, который не имел своего средства передвижения, и которому необходимо было добраться из уездного центра куда-либо в глу-

бинку, должен был договариваться с частным владельцем экипажа (или телеги), платя за это немалые деньги. Земство взялось за организацию гужевого сообщения внутри того или иного уезда, прежде всего, не для удобства посторонних, а для своих собственных нужд, чтобы специалисты – врачи, педагоги, агрономы, землемеры и служащие управ могли добраться по делам до нужного им населенного пункта.

Бесплатно пользоваться земскими лошадьми (только для разъездов по делам службы!) имели право следующие земские работники: члены уездных управ, врачи, фельдшеры, акушеры, учителя, командированные на проведение выпускных экзаменов в другие школы, а также судебные следователи, полицейские или жандармы, которые направлялись для расследования преступлений или конвоирования арестантов. Прочие желающие пользоваться земскими лошадьми должны были вносить за эту услугу определенную плату – так называемые «прогоны».⁸

Все лица, бравшие лошадей, а также направления их передвижения записывались в так называемые «пунктовые книги», которые имелись на каждой земской «ямской станции» или «пункте». Движение по местным дорогам на земских лошадях нельзя назвать очень интенсивным. Например, за год с 1 августа 1897 г. по 1 августа 1898 г. в Иваново-Вознесенске земские подводы брали 1011 раз (в среднем около 3 раз в день), в том числе 691 – должностными лицами и 320 – «проезжающими», т. е. посторонними.⁹

Договоры с лицами, называвшимися «пунктосодержателями», заключались земской управой с разрешения земского собрания на два или три года. Суммы земских выплат этим подрядчикам со временем возрастали. В 1880-х гг. и начале 1890-х они получали от земства по 135 р. в год за содержание одной лошади и 3 к. так называемых «прогонов» за каждую версту, которую проехали их клиенты. В 1892 г. плата за лошадь возросла до 160 р., а в 1895 г. составляла уже 240 р.¹⁰

Как правило, подряды на содержание земских лошадей годами брали одни и те же лица, у которых с земскими органами складывались налаженные деловые отношения. В 1870-1890-х гг. «пунктовщиком» в Шуре, содержавшим земских, а также почтовых лошадей, являлся некто А. В. Никольский. В Иваново-Вознесенске и Тейкове в 1870-х гг. тем же занимался крестьянин Полунин. По данным за 1907 г. пунктосодержателями в уезде

являлись: в Шуге – братья Михаил и Василий Ивановичи Бурма-
товы, в Иваново-Вознесенске – Федор Васильевич Чепурнов, в
Васильевском – Михаил Васильевич Блинов, в Миловском –
Иван Михайлович Митрофанов.¹¹

На раннем этапе деятельности органов местного само-
управления в Шуйском уезде действовали 5 станционных пунк-
тов: в Шуге и Иваново-Вознесенске числилось по 9 лошадей, в
Тейкове, Васильевском и Дунилове – по 3 лошади. В дальней-
шем увеличивалось число пунктов и одновременно количество
содержавшихся в них лошадей. В 1907 г. таких ямских станций
было уже восемь, а лошадей на них содержали 60. Из них в
Шуге было 20 лошадей, Иваново-Вознесенске – 9, Тейкове – 7,
Васильевском – 6, Дунилове – 5, Кохме и Бунькове – по 4.¹²

Число лошадей на том или ином пункте зависело от скла-
дывавшихся обстоятельств. Например, в 1911 г. число лошадей в
Иваново-Вознесенске было увеличено с 9 до 11 в связи с тем,
что в город был переведен земский землемер, у которого было
немало работы и которому в связи с этим приходилось часто
разъезжать по сельской местности. Это было связано с тем, что с
1907 г. в стране развернулась столыпинская аграрная реформа, в
ходе которой происходило массовое межевание крестьянских
земель при выходе сельчан из общины.¹³

Содержатели земских пунктов в процессе своей деятель-
ности время от времени сталкивались с серьезными проблемами.
По мере увеличения числа земских служащих (врачей, агроно-
мов, землемеров и др.) увеличивалась интенсивность их разъез-
дов. Между тем число содержащихся на пунктах лошадей оста-
валось прежним или увеличивалось незначительно. В связи с
этим интенсивность эксплуатации конского состава увеличива-
лась. Часто за день клиенты разбирали всех лошадей, которые
возвращались под вечер и к следующему утру не успевали вос-
становить силы. Кроме того, не все нанятые содержателями ям-
щики были умелыми и добросовестными. Из-за их разгильдяй-
ства лошади иногда погибали, что приносило содержателям
пунктов серьезные убытки. Например, «пунктовщик» из Шуи
А. В. Никольский в 1897 г. подал в уездную управу заявление о
том, что у него за последнее время пали 4 лошади, стоившие все
вместе 250 рублей. Предприниматель просил земских гласных
если не компенсировать убытки, то, по крайней мере, оказать
возможную материальную помощь. Многие гласные Шуйского

уездного собрания хорошо знали Никольского и свидетельствовали о том, что он говорит правду об обстоятельствах падежа своих лошадей. Некоторые из тех депутатов, кто особенно сочувствовал «пунктовщику», предлагали отпустить ему 200 р. в виде материального вспомоществования, но собрание большинством голосов выделило только 100 р.¹⁴

Деятельность земства в области строительства и эксплуатации дорог являлась одной из самых сложных и затратных сфер для органов местного самоуправления. Расходы на эти цели постоянно возрастали, т. к. действительность предъявляла все более серьезные требования к сети путей сообщения. В целом, примерно за полвека своего существования земства сделали много для дорожного хозяйства провинции. Большим достижением было то, что дороги, вверенные их попечению, поддерживались в более или менее удовлетворительном состоянии, и по ним с конца XIX в. можно было передвигаться круглогодично, а не только летом и зимой. Важно было и то, что по ним могли своевременно проехать земские должностные лица – врачи или фельдшеры к больному, агрономы или землемеры для хозяйственной помощи крестьянам и др. Такого рода деятельность земств способствовала тому, что процесс модернизации в провинции охватывал не только урбанистическую среду, но и сельскую глубинку.

¹ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. – Владимир, 1898. – С. 139-140.

² Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1885 г. – Б.м., б.г. – С. 168-170.

³ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. – Владимир, 1897. – С. 139.

⁴ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1900 г. – Владимир, 1900. – С. 174.

⁵ Там же. – С. 172-176.

⁶ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. – Владимир, 1897. – С. 144.

⁷ Доклады Шуйской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1909 г. Т. 1. – Шуя, 1909. – С. 45; Журналы экстренного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1910 г. – Шуя, 1911. – С. 18.

⁸ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. – Б.м., б.г. – С. 111.

⁹ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1898 г. – Владимир, 1899. – С. 116.

¹⁰ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. – С. 111; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1892 г. – Владимир, 1893. – С. 70-71; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1895 г. – Владимир, 1896. – С. 126.

¹¹ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. – С. 111; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1891 г. – Владимир, 1891. – С. 68; Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1907 г. – Владимир, 1908. – С. 26.

¹² Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1872 г. – Владимир, 1874. – С. 330; Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1907 г. – С. 25.

¹³ Журналы экстренного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1910 г. – Шуя, 1911. – С. 25, 388.

¹⁴ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. – С. XVI, 187, 214.

Е. С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

ИСТОРИЯ С ПАМЯТНИКОМ

В заречной части Шуи сразу за переездом расположено кладбище, которое до революции именовалось Вознесенским, а сейчас чаще называется Заречным.

Вознесенское кладбище открыто в 1884 году. Одной из главных причин его открытия было то, что на главном шуйском некрополе – Троицком кладбище – к тому времени почти не оставалось пустых мест для новых захоронений. Сначала на Вознесенском погосте была только деревянная часовня, пока в 1902 г. не заложили каменный храм, освященный в 1908 г. во имя Вознесения Господня.

И хотя подавляющее большинство деятелей шуйской истории погребены на Троицком кладбище, Вознесенский некрополь тоже содержит захоронения именитых людей. Но за годы советской власти почти все более-менее выдающиеся памятники были или разрушены, или обезличены (т. е. стерты имена и фамилии)...

В юго-восточном углу Вознесенского кладбища возвышается памятник из черного мрамора, особенно хорошо видимый с дороги в отсутствии листвы.

У основания памятника четко видно клеймо мастерской: «Новиков. Таган. Семен. ул. В Москве». Это – известная московская мастерская по изготовлению памятников и крестов Ивана Ивановича Новикова, располагавшаяся на Таганке, на Семеновской улице. Кому он поставлен: богатому купцу или именитому чиновнику? Понятно, что простому крестьянину надгробный памятник в Москве не заказывают.

На обратной стороне написано:

«Нестъ грех побеждающий милосердие Божие».

С южной стороны: *«Господи, прими дух его с миром!».*

С северной стороны: *«Дорогому отцу от любящ...»* (далее стерто).

На лицевой стороне с трудом удалось прочитать:

*«Павлович (или Петрович?), 3 мая 1907 (или 1903?), на 6..
году от рождения*

День ангела 21»

Это удалось сделать, только предварительно многократно сфотографировав лицевую поверхность памятника под разными углами.

Поиски по «Шуйскому некрополю»¹ позволили предположить, что этот памятник находился на могиле шуйского купца Петра Павловича Кокушкина.

Но возникла одна проблема – Кокушкин был погребен не на Вознесенском кладбище, а близ Ильинского храма. (Хотя большинство его ближайших родственников были похоронены около Старого Покровского собора.)

Окончательно подтвердить предположение о принадлежности памятника помогли записи шуйского краеведа Н. А. Звездина, в которых имеется описание захоронения П. П. Кокушкина. На его могиле, по данным Николая Александровича, был установлен черный мраморный памятник, на лицевой стороне которого было выбито: «потомственный почетный гражданин Петр Павлович Кокушкин скончался 3 мая 1907 г. на 64 году от рождения, день ангела 21 декабря», на одной из сторон памятника – «Господи, прими дух его с миром».

По данным Н. А. Звездина, в 1924 г. памятник Кокушкину еще стоял около Ильинского храма, вскоре храм был закрыт и памятник убрали, затем он «валялся» на дворе бывшего дома купца Миндовского на Миллионной улице...

Петр Павлович Кокушкин – фабрикант, благотворитель, представитель известной в Шуе купеческой семьи Кокушкиных. В июне 1889 г. на средства купцов Кокушкиных началась перестройка Ильинской церкви, являвшейся тогда подворьем Николо-Шартомского монастыря. «Строителем», т. е. ответственным за перестройку церкви, был назначен П. П. Кокушкин. Освящение храма состоялось 28 марта 1892 года.

И в дальнейшем Кокушкин был главным жертвователем на Ильинский храм: например, в 1898 году на известном заводе Финляндского в Москве он заказал 9 колоколов общим весом 309 пудов (около 5 т!). В 1899 г. по духовному ведомству Петр Павлович награжден орденом Св. Станислава. В 1902 г. Кокушкин еще раз на свои средства расширял Ильинскую церковь. Именно поэтому как главный благотворитель этого храма он и был здесь похоронен. Вероятно, это было единственное захоронение у Ильинского храма.

Церковь во имя св. пророка Божия Ильи в настоящее время восстанавливается, возвращая своё былое величие. Тем более важно восстановить на «законном» месте памятник Петру Павловичу Кокушкину, так много сделавшему для этого храма...

¹ Ставровский Е.С. Шуйский некрополь. Шуя, 2009. – С. 29.

² Ставровская Е.В. Тетрадь по геометрии, или «Разные известия» из истории Ильинской церкви г. Шуя // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. VII. – Шуя, 2010. – С. 23-25.

ПЛЕННЫЕ НЕМЕЦКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ШУЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В конце 1914 года жители нашего города были изумлены, увидев в его центре прогуливавшихся иностранцев. Да как было не удивиться, если это были двое мужчин в форме генералов немецкой армии и женщина, одетая по последней европейской моде. Как они попали в Шую и оказались чуть ли не за две тысячи километров от места военных действий?

Первым в городе обосновался личный адъютант императора Вильгельма Жорж фон Штанге. Он был взят в плен, когда пытался проникнуть в Германию морем. С первых дней нахождения генерала в Шуе к нему возник огромный интерес. Горожан интересовало все, что с ним связано, а именно: что он пьет, ест, в какое время гуляет по городу. За ним повсюду следовали толпы горожан, начиная от юных гимназистов до солидных купцов. Вскоре в номерах Ершова в самом центре города расположился еще один генерал, плененный в Восточной Пруссии. Это был бригадный генерал Гельвиг цу Лихтенфельд. Через некоторое время к нему прибыла его жена баронесса цу Лихтенфельд, задержанная в Риге как военнопленная.

О жизни пленных шуяне узнавали благодаря своему природному любопытству и настойчивости. Буквально через несколько дней было известно, что в 9 часов утра они втроем пьют чай, от половины одиннадцатого до часу дня гуляют по городу. В половине второго дня – обедают. В 4 часа снова пьют чай или горячее молоко. С 4 часов до 7 вечера гуляют и в половине восьмого – ужинают. После ужина расходятся по своим номерам. За свой номер фон Штанге платит 8 рублей 50 копеек в день, а барон цу Лихтенфельд с супругой по 6 рублей с каждого.

От любопытства шуян не скрылось, что тот и другой генерал получают из казны от 80 до 90 рублей. Вероятно, они имели и другие статьи дохода, про которые местные жители узнать не могли, т. к. вся корреспонденция на их имя проходила через ведомство военного начальника. Со временем интерес шуян значительно убавился, и пленных генералов можно было увидеть без привычной ранее толпы любопытствующих.

**ЕФИМ ВИХРЕВ – РЕДАКТОР ЖУРНАЛОВ
«ЮНЫЕ ЗВУКИ» И «ЭХО» (1918 ГОД)**

В фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурылина и Шуйского литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта хранятся рукописные журналы «Юные звуки» и «Эхо», датируемые 1918 годом, непосредственное участие в которых принимал известный советский литератор Ефим Федорович Вихрев (1901–1935). Эти журналы интересны для изучения периода становления Е.Ф. Вихрева как писателя и общественного деятеля.

Журнал «Юные звуки» представляет собой характерный образчик гимназического журнала. Выходить он начал, вероятно, не позднее декабря 1917 – января 1918 года. На это имеется указание в третьем номере: «На Святках ред[акционн]ая ком[иссия] получила от преподавателя Т. И. Омелянского благодарность следующего содержания: «Спасибо ученикам 5-го класса за доставленную мне возможность познакомиться с отрядным появлением “Юных звуков”». Святки – время от Рождества до Крещения (7 января – 19 января по новому стилю), и первый номер мог выйти к новогодним или рождественским праздникам.

Информация о том, что Е. Ф. Вихрев имел отношение к изданию этого журнала, встречается в автобиографии самого писателя, а также в биографической справке Е. Ф. Вихрева, составленной братом писателя В. Ф. Вихревым¹. В третьем номере «Юных звуков» Е. Ф. Вихрев назван секретарем журнала, а также в нем опубликован его небольшой рассказ «Грезы». В литературе о творчестве Е. Ф. Вихрева упоминается о том, что было издано четыре машинописных выпуска «Юных звуков». Подтвердить эту информацию не представляется возможным. В настоящее время в нашем распоряжении имеется только третий номер, датируемый 1918 годом².

Вероятно, третий номер «Юных звуков» был издан в конце 1917–1918 учебного года, поскольку это был «журнал, издаваемый учащимися 5-х классов всех гимназий». «Эхо» Ефим Вихрев редактировал как учащийся 2-го класса советской школы

2-й ступени следующего 1918–1919 учебного года. По нашим подсчетам, 2-й класс советской школы 2-й ступени должен был соответствовать 6-му классу классической гимназии³. Поскольку в конце ноября 1918 года уже вышел рукописный журнал «Эхо», следует признать то, что вряд ли было издано больше четырех номеров «Юных звуков».

Содержание третьего номера «Юных звуков» позволяет охарактеризовать их как типичный литературный гимназический журнал начала XX века. Открывает его стихотворение с соответствующим названием «Юные Звуки»: «Гремите, могучие юные звуки, // В страдающий мир уносите волной. // Пусть там, где витали лишь вечные муки, // Пусть будет все счастьем, пусть будет игрой». Далее следуют нравоучительный рассказ «Счастье не в богатстве» и «любовный» рассказ «Изменница», зарисовка Ефима Вихрева «Грезы», стихотворение о Первой мировой войне «Часовой», а также юмореска, шарада и разделы о редакционной работе. Содержание некоторых материалов указывает на их романтический характер. Все материалы «Юных звуков» являются примером первой юношеской пробы пера.

В фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурылина и Шуйского литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта хранятся два экземпляра первого номера рукописного журнала «Эхо». Наличие двух экземпляров одного рукописного журнала является уникальным случаем, поскольку большинство рукописных журналов дошло до нас в единственном экземпляре. Отличие двух журналов состоит в том, что экземпляр, хранящийся в Ивановском государственном историко-краеведческом музее имени Д. Г. Бурылина, имеет обложку. На обложке помимо названия «Эхо» имеется зачеркнутое название «Первый луч»⁴. Другие отличия двух экземпляров состоят в том, что они написаны разными почерками и имеют небольшие различия в элементах оформления. Экземпляр ЛКМКБ имеет автограф Е. Вихрева; вероятно, именно этот экземпляр являлся эталонным. В экземпляре ИГИКМ имеются пропуски слов, перестановки слов в предложениях, а также отличия в пунктуации, орфографии. Сравнительный анализ содержания показал, что оба номера идентичны. Экземпляр Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д. Г. Бурылина поступил в 1952 году от шуйского краеведа Н. А. Звездина из архива

А. Н. Овсянникова.

Первоначальная информация о журнале «Эхо» была введена в широкий научный оборот в статье шуйского краеведа М. Громаковского⁵, а затем в книге Л. А. Розановой «Шуйские родники»⁶.

«Эхо. Литературно-политический, художественный, общественно-научный журнал Союза учащихся города Шуи» представляет научный интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, журнал стоит в ряду общественно-политических рукописных журналов шуйской интеллигенции начала XX века (известных на сегодняшний день «Вёсны» и «Свободная мысль»). Во-вторых, в журнале представлены ранние литературные работы Ефима Вихрева – одного из самых известных шуйских литераторов советского времени. В-третьих, журнал создан в один из интереснейших периодов истории города Шуи (накануне Гражданской войны), и может быть интересен для характеристики настроений того времени.

Первым этапом анализа журнала «Эхо» является установление времени его создания. В материалах Шуйского краеведческого музея журнал датируется 1917 и 1924 годом. Обе даты стоят под знаком вопроса, и вероятно, использовались составителями фонда как условные. Действительно, ни одна из них не может удовлетворять критериям истинности: в журнале упоминается 1-я советская школа второй ступени, а она могла появиться в Шуде только после издания Декрета ВЦИК от 16 октября 1918 года «Об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)». Следовательно, журнал не мог быть составлен в 1917 году. Не мог он быть составлен и в 1924 году, поскольку Е. Вихрев находился в это время в Иваново-Вознесенске и работал в редакции газеты «Рабочий край»⁷.

Главным аргументом для датировки журнала является наличие на обложке экземпляра, хранящегося в Ивановском государственном историко-краеведческом музее имени Д. Г. Бурылина, указания «ноябрь 1918 г.». Согласно датировке одной из публикаций «Эха», журнал был составлен после 11 (24) ноября 1918 года. Журнал возникает в очень тревожное время, когда в среде провинциальной интеллигенции идут процессы дифференциации. Например, в редакционной статье журнала упоминаются печатные органы, которые «просуществовав не-

долго, затихали неизвестно почему». Вероятно, это намек на рукописный журнал «Свободная мысль», первый (и, вероятно, последний) номер которого вышел в мае 1918 года. По словам Е. Вихрева, журнал был создан «в настоящее тяжелое время, когда с каждым днем может все измениться». И действительно, самого Е. Вихрева ждали впереди большие перемены. В конце 1918 года в Шую из Союза учащихся выделяется «Союз юных коммунистов» («Союз учащихся коммунистов»), который в апреле 1919 года сливается с РКСМ, а в октябре 1919 года Е. Вихрев покинет Шую и будет вовлечен в бурные события Гражданской войны.

Рукописный журнал «Эхо», будучи журналом ученическим, является продолжением «Юных звуков». С «Юными звуками» «Эхо» объединяет характер литературно-художественных материалов. Но если в «Юных звуках» имелось указание на то, что журнал издается учащимися «5-х классов всех гимназий при содействии всех учащихся», то «Эхо» будет представлен уже как журнал Союза учащихся города Шуи. Возможно, что в течение 1918 года Ефим Вихрев стремился возглавить учащихся города, объединяя их вокруг рукописных изданий. Вероятно, не всем учащимся это нравилось, на что указывает редакционная заметка о негативном восприятии «Юных звуков» учащимися старших классов.

«Эхо» представляет более взрослого Е. Вихрева, поэтому журнал позиционируется не просто как литературно-художественный, а как общественно-политический. Именно этим объясняется отказ создателей журнала от названия «Первый луч», т. к. требовалось, чтобы новое название было более звучным и солидным.

Название журнала «Эхо» указывает также на некоторый отклик на иные рукописные издания. Следует предположить, что это относится к журналу «Свободная мысль», который издавался шуйским студенческим землячеством (даже по структуре «Эхо» напоминает «Свободную мысль»)⁸. Для Е. Вихрева и других бывших гимназистов, ныне учащихся советской школы, они были старшими товарищами, на которых хотелось равняться и с которыми Вихрев был знаком по участию в газете «Шуйские известия», носившей либеральный характер. Вероятно, в этот момент Вихрев расходился с ними и в политических взглядах, т. к. «Свободная мысль» объединила кадетов, эсеров и меньше-

виков, а Вихрев в 1918–1919 годах встанет у истоков шуйского комсомола.

Намеки на знакомство с издателями «Свободной мысли» имеются в журнале «Эхо»: «Месяца три тому назад группа из нескольких человек снова организовала кружок “Саморазвития”, ставящий себе целью чтение и разбор литературных произведений и освещение вопросов текущей политической жизни». Как известно, Шуйским землячеством была создана культурно-просветительная комиссия. Не зная о ее существовании Е. Вихрев не мог, поскольку правление землячества располагалось в здании бывшей женской гимназии (объединенной к этому времени с бывшей мужской гимназией в единую школу). Указание в статье Вихрева на то, что кружок «самообразования» был организован «снова», т. е. повторно, свидетельствует о неоднократных попытках собрать интеллигентную молодежь вокруг различных культурных объединений.

Задачами журнала Е. Вихрев считал «хоть что-нибудь дать в умственном отношении» учащейся молодежи: «И мы, подрастающее поколение, на которое возлагаются все надежды, мы должны раньше воспитать в себе великие идеалы...». В программу журнала Е. Вихрев включает несколько пунктов: обмен мнениями и взглядами на тот или иной вопрос, знакомство читателей с результатами работы Союза учащихся, предоставление места для первых творческих начинаний, создание центра, «вокруг которого соберутся все живые силы учащейся молодежи и посторонних лиц».

К сожалению, журнал «Эхо» малоинтересен с общественно-политической точки зрения. Если рукописный журнал «Свободная мысль» был наполнен несколькими яркими полемическими статьями, то «Эхо» удивляет полным отсутствием таковых. Причин этому может быть несколько: создатель журнала либо не хотел портить отношений с властями, либо был не готов к публикации подобных статей, не имея подготовленных авторов. Не исключено также, что согласно редакционной статье, редактор преследовал прежде всего культурные цели, хотя и в ней упоминается, что «настоящие тяжелые условия жизни затрудняют нам путь наш».

В отличие от «Свободной мысли», где чувствуется приближение политической катастрофы, в журнале «Эхо» несколько произведений полны пафосом возрождения, стремления к

новой жизни. Этой стороной он ближе к журналу «Вёсны», который также составлялся учащимися гимназии в период Первой российской революции.

Основное содержание журнала составляют первые, и как водится, достаточно слабые и наивные литературные опыты друзей редактора рукописного сборника. В них чувствуется хорошая гимназическая подготовка авторов, стремление подражать известным русским литераторам начала XX века. В стихах и прозе прослеживается влияние С. Я. Надсона, К. Д. Бальмонта, раннего Максима Горького.

Большой интерес представляет главный редактор рукописного журнала Ефим Вихрев. В журнале представлены несколько его работ: редакционная статья, стихотворение «Сказка ночи», посвященное Валентине Арефьевой – первой любви поэта, небольшой рассказ «Скорбь. Из прошлого». Не исключено также и то, что полемическая заметка «Странички из нашей жизни» также написана Е. Вихревым. Л. А. Розанова предположила, что и заметка «Вечер III–х кл. 2 ст.», автор которой скрылся под псевдонимом «Свой», также написана Е. Вихревым, поскольку он был связан с шуйским театром⁹. Но можно предположить и то, что автором этой заметки вероятнее всего был другой участник журнала – Михаил Пашенко, который также имел отношение к шуйской театральной жизни и некоторое время был «режиссером» Рабочего театра¹⁰.

На период создания журнала «Эхо» приходится важный этап становления Е. Ф. Вихрева как поэта, писателя и общественного деятеля. Сам он вспоминал: «В 1917 году после Февральской революции в апреле или в мае месяце я участвовал в организации Союза учащихся и в это же время стал вести случайную работу в местной, так называемой “внепартийной” газете “Шуйские известия”». Вторым главным редактором газеты был учитель Вихрева И. Е. Чернышев¹¹. Именно после прихода И. Е. Чернышева на пост главного редактора стихотворения Е. Вихрева стали регулярно печататься в «Шуйских известиях» в 1917 году (№ 46, 47, 50, 83, 88, 90, 97, 139, 141).

В биографической справке, подготовленной братом писателя В. Ф. Вихревым, описывается его встреча с К. Д. Бальмонтом: «В марте 1917 года в Шую приезжал к своим землякам Константин Дмитриевич Бальмонт, считавшийся в то время “королем русских поэтов”. Ефим присутствовал на вечере поэзии

Бальмонта, прослушал доклад поэта и прочитанные им стихи. На другой день К. Д. Бальмонт посетил гимназию, где состоялась его встреча с учащимися и преподавателями в актовом зале. Инспектор гимназии С. И. Шевнин нашел среди учащихся Ефима, вывел его из рядов, подвел к К. Д. Бальмонту и познакомил с ним. По просьбе поэта Ефим прочитал одно из своих стихотворений и получил одобрение его»¹². После этого Е. Вихрев длительное время находился под влиянием Бальмонта, написал посвященное ему стихотворение, составил библиотеку, в которую вошли почти все произведения Бальмонта, тщательно их изучал, многие знал наизусть¹³.

В автобиографии Е. Вихрев писал: «Когда совершилась Октябрьская революция, среди учащихся старших классов проходили широкие дискуссии на политические темы. Примерно месяца через три после Октябрьской революции я вместе с тремя своими товарищами по гимназии (А. Бочагиным и братьями Львовыми К. и Е.) откалываюсь от пресловутого Союза учащихся, который преследовал главным образом, культурные цели, и вместе с примкнувшим к нам учеником Высшего начального училища Г. Шуваловым, организуем в Шуе Коммунистический Союз Молодежи. Официально членом Комсомола состою с апреля 1919 года». Версия, изложенная Вихревым, кажется несколько упрощенной, поскольку история создания комсомольских организаций в Шуе имела более сложный характер, но она в целом признается в историографии вопроса¹⁴.

В автобиографии Е. Вихрева, а также в биографических и биобиблиографических изданиях о нем сведений о его участии в издании журнала «Эхо» не имеется, при этом в своей автобиографии он указывает на то, что в гимназии он издавал машинописный литературно-художественный журнал «Юные звуки». Указание в автобиографии на «пресловутый Союз учащихся», а также то, что Вихрев отошел от него чуть ли не в начале 1918 года (хотя случилось это, вероятно, не ранее конца 1918 г.¹⁵), и отсутствие указаний в биобиблиографический сборниках на участие в журнале «Эхо» может объясняться лишь политическими обстоятельствами. Вероятно, Е. Вихреву не хотелось вспоминать о рукописном издании, созданном в переходный этап его жизни, когда он еще не порвал окончательно со своими старыми друзьями-либералами, его первые произведения находились под влиянием поэзии К. Д. Бальмонта, а сам он искал свое место в об-

щественно-политической и культурной жизни Шуи.

Биография Ефима Вихрева весьма трагична: раннее физическое увечье, незавершенное образование, долгие скитания в поисках своего места в советской литературе. В годы Гражданской войны, как он сам признавал, «в 1920 и 1921 годах дважды участвовал “в ущемлении буржуазии”, как председатель районной тройки». Затем – долгая попытка закрепиться в большой литературе, участие в литературных битвах 1920-х годов (с 1925 по 1931 год он входил в литературную группу «Перевал», возглавлял которую бывший редактор газеты «Рабочий край» и друг М. В. Фрунзе А. К. Воронский). В семье Е. Вихрева сохранилась легенда о том, что его смерть была насильственной: он был отравлен в Шуе, куда вернулся из Москвы после критического выступления на одном из заседаний в Союзе писателей¹⁶.

В содержании журнала «Эхо» имеется пометка о том, что это первый номер. Остается неизвестным, был ли второй номер, учитывая, что с конца 1918 года Е. Вихрев активно включается в общественную работу. Если принять во внимание, что в январе–ноябре 1918 года под редакцией Е. Вихрева могло выйти пять номеров журналов (четыре выпуска машинописных «Юных звуков», а также первый выпуск рукописного «Эха»), то следует отдать должное его работоспособности, поскольку подготовка таких изданий требовала больших умственных усилий и самоотдачи.

¹ ШИХММ. Фонд Шуйского ГК ВЛКСМ. Б/н.

² ИОКМ. 549/2. Журнал «Юные звуки». – 1918. – № 3.

³ В 1918 году бывшая мужская гимназия была преобразована в советскую трудовую школу № 1, где в школе 2 ступени было введено совместное обучение юношей и девушек. По Декрету от 16 октября 1918 года, единая трудовая школа делилась на 2 ступени: 1-я ступень для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и 2-я ступень для детей от 13 до 17 лет (4-летний курс).

⁴ ИОКМ. 549/3.

⁵ Громаковский М. Ефим Вихрев и Шуя // За педагогические кадры (малотиражная газета ШГПИ). – 1990. – 14 декабря.

⁶ Розанова Л. А. Шуйские родники. – Шуя: Весть, 2007. – С. 193-198. В книге Л. А. Розановой журнал указывается под шифром «ШИХММ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1». В фонде ЛКМКБ он хранится под номером «ШКМ. 2434/1»; состоит из 9 листов (Шуйский краеведческий музей. Фонд 2434 – личный фонд Ефима Вихрева).

⁷ Писатели земли ивановской: Биобиблиографический справочник. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1988. – С. 63.

⁸ *Возилев В. В.* «Свободная мысль» – журнал шуйской интеллигенции // *Он же.* Интеллигенция провинциального города в истории России. – Иваново, 2003. – С. 111-152.

⁹ *Розанова Л. А.* Указ. соч. – С. 198.

¹⁰ *Назаров В. В., Назаров О. В.* Театр и вся жизнь Екатерины Мазуровой / Науч. ред. В. В. Возилев. – Шуя, 2008. – С. 72, 76.

¹¹ *Горбунов Г. И.* Дмитрий Фурманов. – Ефимово счастье. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1971. – С. 193.

¹² ШИХММ. Фонд Шуйского ГК ВЛКСМ. Б/н. С. 6. См. также: *Куприяновский П.* Бальмонт в Шуе в 1917 году // *Шуйские известия.* – 2002. – 23 марта. № 45.

¹³ О влиянии К. Д. Бальмонта на поэзию Е. Вихрева см.: *Переверзев О.* «Вы – явление редкое» // *Шуйские известия.* – 1991. – 10 апреля; *Он же.* Ученик Бальмонта // *Шуйские известия.* – 2001. – 24 июля; *Он же.* «Художников друг и советчик» // *Рабочий край.* – 1991. – 10 апреля.

¹⁴ *Рыжов В.* Город Шуя и Шуйский округ. – Шуя, 1930. – С. 127; *Сурнина В. И.* Организация комсомола в Иваново-вознесенском районе. – Иваново: Ивановское областное гос. изд-во, 1952. – С. 46-47; *Бородин Г. А.* С коммунистами рядом. Очерки истории Шуйской комсомольской организации. – [Шуя], 1968. – С. 6-9; *Громаковский М.* Указ. соч.

¹⁵ Один из организаторов «Союза юных коммунистов» Г. В. Шувалов в письме к М. Громаковскому указывал, что первое организационное собрание новой организации, сочувствующей большевикам, состоялось в конце 1918 года (*Громаковский М.* Указ. соч.).

¹⁶ *Солдатова М.* Ступени судьбы Зои Банниковой // *Де-факто.* – 2004. – 29 января – 4 февраля. № 3 (948). – С. 3.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

Ю. В. КОЗЛОВ, А. Б. ДЬЯКОВ

(г. Иваново)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Смута в истории Московского государства всегда вызывала особый интерес не только среди историков, но и широкой массы общественности. Ярчайшие события гражданской войны начала XVII века раскололи прежде единое общество на враждебные группировки, способствовали распространению боевых действий по всей территории Московской Руси. Это в значительной мере повышает интерес к изучению отдельных событий гражданской войны начала XVII века на региональном уровне, стимулируя активное развитие краеведческих исследований.

Слабость источниковой базы, порой ее недостоверность, запутанность осложняют эту работу. Можно согласиться с ивановскими историками Кабановым А. Ю. и Семененко А. М., отмечавшими, что немало источников, где факты «запутаны, хронологически неверно выстроены и малоинформативны»¹. Заполнить «белые пятна» позволяют исторические карты того времени и карты-реконструкции, созданные современными историками. В изучении событий Смуты, истории второго ополчения на территории Ивановской области они дают возможность ответить на ряд вопросов и прежде всего о причинах выбора Д. М. Пожарского воеводой ополчения, планах руководства Нижегородского ополчения, маршрутах прохождения ополченцев.

В работе использованы следующие материалы: книга Рыбакова Б. А. Русские карты Московии XV–нач. XVI вв. – М. 1974, карты Владимирской губернии за XVIII – XIX вв. карты-реконструкции Кучкина В. А., Полный исторический атлас России. – М., 2010 и др.

Руководитель ополчения князь Д. М. Пожарский, раненый в марте 1611 года в боях за Москву, лечился в своей вотчине Мугреево-Никольском (ныне Южский район Ивановской области). Именно отсюда Пожарский по призыву послов отправился в Нижний Новгород. Мы можем предположить, что выбор

был не случайным. Вотчина князя лежала на стратегически важном направлении, где, как показывают карты, издавна проходили важнейшие транспортные пути, а значимость данного региона была значительно выше, чем в настоящее время.

Огромную роль для развития экономики края играл речной торговый путь по реке Теза в Волгу и вторившая по ее левому берегу сухопутная дорога Шуя – Холуй – Вязники (Ярополч) – Муром (Тезинский путь). Важно отметить, что со времен Ростовского княжества сухопутные транспортные пути в данном регионе, кроме тезинского, проходили правым берегом Волги (Кинешма – Н. Новгород) и правым берегом реки Нерль (Ростов – Мирславль – Суздаль – Владимир). Тезинским путем гнали лошадей на продажу из Касимова в Шую и далее Ярославль, Ростов, Белоозеро. На него указывают издревле существовавшая в Холуе Фроловская ярмарка (Фрол и Лавр считались покровителями лошадей) и специальная площадь в Шуе по торговле лошадьми.² Есть мнение, что этот транспортный коридор в верховье Волги существовал уже в первом тысячелетии н. э. Это показало археологическое изучение Клочковского селища на р. Тезе.³

В XII веке через с. Холуй шел сухопутный путь, соединивший города Владимир и Суздаль с Городцом.⁴ В 1220 году Святослав, брат великого владимирского князя Юрия, возвращаясь после успешного похода на болгар, достиг Городца. Здесь он «выидя из лодей и поиде к граду Володимиру на конях». Великий князь встречал брата-победителя у Боголюбова. Место встречи говорит о том, что сухопутный путь не совпадал с речным. Сухопутный путь связывал Городец и с Ростовом.⁵

Считается, что эта сухопутная дорога была частью задуманной Андреем Боголюбским оборонительной системы Ростовского княжества на южной границе с Черниговским княжеством. Пройдя левым берегом реки Клязьмы, дорога связала г. Владимир с цепью других пограничных городов – Боголюбово, Стародуб, Ярополч, Гороховец. Три последних города со своими волостями расположились на правом берегу, закрепив границу княжества на юге по границе водораздела. Это сделало реку Клязьму внутренней рекой Ростовского княжества, обеспечив надежную защиту старой торговой дороге, которая шла по рекам Волге, Оке, Клязьме и Нерли. Известно, что болгары после нападения в 1107 году на Суздаль не использовали Клязьму в качестве военных прорывов на древнерусский Северо-Восток.⁶

Через Холуй проходил сухопутный путь из Владимира в Нижний Новгород в XIX веке. Эту дорогу называли «Балахонкой». Маршрут старого Балахнинского тракта: Владимир – с. Эдемское – Б. Всегодичи – Шапкино – с. Лучкино – д. Изотино – с. Холуй – с. Мугреево – с. Н. Ландех – д. Пестяки – г. Балахна – Н. Новгород.⁷ Этой дорогой проходили войска Ивана Грозного на Казань в 1545-50 гг.⁸ Она активно использовалась до второй половины XX века.

В 1221 году через Холуй прошла дорога Владимир – Н. Новгород (через Вязники и Гороховец). Древность этого пути подтверждается летописанием и документами.⁹ Известно, что Гороховец служил сборным пунктом для организации похода А. Боголюбского на болгар в 1164 году.¹⁰ Анализ показывает, что Холуй издревле был перекрестком важнейших водных и сухопутных дорог Московского государства, а регион занимал важное экономическое и стратегическое положение. Географическое и экономическое положение региона «предопределило и его военно-стратегическое значение». До января 1612 года лидеры второго ополчения несомненно должны были рассматривать вотчинные земли Д. Пожарского (Мугреево-Никольское, Н. Ландех, Холуй и др.) как базу для захвата г. Суздаля, где предполагалось созвать Совет всей Земли и в дальнейшем двинуться на стольный град Москву.

Важно отметить, что указанные земли в то время уже принадлежали Д. М. Пожарскому. За его заслуги царь Василий Шуйский пожаловал также обширные угодья в районе Н. Ландеха и Мыта. К 1611 году семья Пожарских в Клязьменском краю выдвинулась на первый план, став одной из наиболее богатых и знатных.¹¹ Царь Михаил Романов утвердил придание этим землям статус «выслуженной вотчины», которую должны были составить Мыт, Верхний и Нижний Ландех, Холуй, Борок с окрестными деревнями и починками.¹²

Наиболее удобным местом для сбора воинов на вотчинной земле князя, несомненно, являлся Холуй, известный с 1609 года центр сопротивления интервентам. В силу его удобного местоположения сюда могли собраться отряды практически со всего Стародубского княжества, Шуи, Ярополческой волости. Именно здесь к Д. М. Пожарскому присоединился отряд из вяземских и догобужских дворян, помещенных руководителями Первого ополчения в Ярополческой волости.¹³ Сохранились документы о

денежном жаловании вязмичам – дворянам и детям боярским, помещенным в селах Палехе и Карачарове.¹⁴

После января 1612 года лидеры ополчения отказались от похода на Москву через Суздаль, приняв решение наступать на столицу через Ярославль. Это заставило отряды ополченцев из Ярополча, Шуи, Коврова собраться в Холуе и двинуться на соединение с основными силами нижегородского ополчения. Памятником истории этого периода является монастырь Борковская пустынь. Считается, что не сохранилось никаких документов XVII века, подтверждающих или опровергающих пребывание в Холуе Д. М. Пожарского. На это косвенно указывает И. Голышев в своей книге, изданной в 1871 году.¹⁵ Он, очевидно, опирался на документы, хранившиеся в Борковской пустыни и не дошедшие до наших дней. В Ивановском областном архиве вместе с документами о Борковской пустыни сохранился текст документа XIX века. В разделе «О состоянии Пустыни вообще» отмечается, что «Борковская Николаевская пустынь основана в 1650 году князем Иоанном Дмитриевичем Пожарским, по завещанию Родителя его, в память остановки с дружиною на избавление Москвы от врагов 1612 года в деревянном строении, с храмом во имя Святителя Николая под управлением Игумена».¹⁶

По всей видимости, ополченцы воспользовались дорогой на Балахну, или зимним путем по льду рек Клязьмы и Оки в направлении Старомосковской дороги через Мстеру, Ярополч, Гороховец, Горбатов. Авангардом нижегородского ополчения командовал троюродный брат воеводы князь Дмитрий Петрович Лопата-Пожарский. Центр вотчины его отца находился в деревне Хотёново¹⁷ в километре от села Сакулино (ныне Палехский район), в 20-ти километрах от села Мугреево-Никольского, родовой вотчины Д. М. Пожарского. Именно авангард во главе с Д. П. Лопато-Пожарским сумел опередить казацкие отряды А. Просовецкого и, заняв г. Ярославль, удержать его до подхода основных сил. Карты и схемы дорог дают возможность предположить возможный путь-бросок авангарда: Холуй – Палех – Дунилово – Середя – Нерехта – Ярославль.

Основные силы ополчения двигались через Балахну, Юрьевец, Кинешму, Кострому. Из Костромы Д. М. Пожарский посылает отряд под руководством другого троюродного брата князя Романа Лопато-Пожарского для захвата г. Суздаля и прикрытия важных для ополчения тыловых баз. Основные силы ополчения

под руководством Д. М. Пожарского вошли в Ярославль около 1 апреля, усиленные отрядами из многих поволжских городов. Этими событиями, как отмечал С. Ф. Платонов, закончился первый период деятельности нижегородских воевод.¹⁸

Дальнейшее изучение исторических карт, схем дает возможность для исследователей-краеведов определить важность и значение Ивановского края в формировании второго ополчения. Они являются хорошим источником для реконструкции отдельных эпизодов и событий гражданской войны, ликвидации «белых пятен» в истории России начала XVII века, что является, на наш взгляд, особенно важным в преддверии четырехсотлетнего юбилея второго ополчения и освобождения им г. Москвы.

¹ Кабанов А. Ю., Семененко А. М. Ивановский край в Смутное время. – Иваново: ОАО «Иваново», 2010. – С. 222.

² Борисов В. А. Собрание трудов (материалов). – Иваново: МИК, 2001. – Т. 1. – С. 58.

³ Несмиян О. А., Травкин П. Н. Истоки городской региональной культуры // Шуйская земля: традиции и туризм. Материалы научно-практической конференции. – Шуя: ШГПУ, 2006. – С. 51.

⁴ Гусева Т. В. Древний Городец по материалам новых раскопок // Записки краеведов. – Горький, 1983. – С. 187.

⁵ Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – перв. пол. XIV вв. // Историческая география России X – нач. XX вв. Сб. статей. – М.: Наука, 1975. – С. 43.

⁶ Там же. – С. 32.

⁷ Ковровский музейный сборник. Вып. 1. – Ковров, 2007. – С. 43.

⁸ Полный исторический атлас России. – М.: АСТ, 2010. – С. 28.

⁹ Киряков И. А. Сухопутные связи Н. Новгорода с Москвой // Записки краеведов. – Горький, 1983. – С. 40.

¹⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. – М.: Наука, 1984. – С. 91.

¹¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смутного времени. – М.: АСТ, 2009. – С. 514.

¹² Кабанов А. Ю., Семененко А. М. Ивановский край в Смутное время. – Иваново: ОАО Иваново, 2010. – С. 145.

¹³ Там же. – С. 88.

¹⁴ Курприяновский В. Призыв (Палех). – 1983. – 28 мая.

¹⁵ Гольшев И. Из исторических описаний Борковской Николаевской пустыни во Владимирской губернии // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 3. – Иваново, Южа, 2007. – С. 102.

¹⁶ Печкин М. Б. Вершина и корни. – Иваново: Новая Ивановская газета, 2008. – С. 25.

¹⁷ Кабанов А. Ю., Семененко А. М. Ивановский край в Смутное время. – Иваново: ОАО Иваново, 2010. – С. 197.

¹⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смутного времени. – М.: АСТ, 2009. – С. 518.

НЕВЕДОМЫЕ ОБРАЗЫ ПЛЕСА

Известный исследователь творчества И. И. Левитана А. А. Федоров-Давыдов обратил внимание на шутивную подпись художника в одном из писем Чехову за 1891 год: «Твой Левитан VII Нибелунгов».¹

«В этом балагурстве, – как указывает исследователь, – не случайно сочетание персонажа из чеховской «Жалобной книги» (Иванов седьмой) с намеком на Вагнеровский сказочно-мистический цикл. В самой шутке проскальзывает мир фантастически-сказочных идей, в который погружен художник, его тяга и интерес к эпическому». Некоторые считают это утверждение спорным, и причина появления этой подписи проще, но обратим внимание на тот факт, что имя Нибелунг «связано с обладанием золотым кладом».

Этот клад включал также и золотое кольцо, обладавшее волшебным свойством умножать богатство. По легенде, на золото было наложено проклятие: «оно будет стоить жизни всякому, кто им завладеет». Клад поочередно попадает от Андвара к Локи, Хрейдмару, Фафиру, Регину и, наконец, Зигфриду. И всем ШЕСТИ он принес смерть. Не проговаривается ли Левитан в шутке, что он стал СЕДЬМЫМ «обладателем золотого клада и кольца», умножающего богатство?

Когда это произошло? Ведь еще в 1887 году, путешествуя по Волге, Левитан писал А. Чехову: «Может ли быть что трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну... и не уметь, сознавая свое бессилие выразить эти большие ощущения». Позже художник писал: «Божественное нечто разлитое во всем, но что не всякий видит, что даже назвать нельзя, так как оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью».

Исследователи отмечают: «В конце 1880-х годов началось лучшее и самое плодотворное десятилетие Левитана, отмеченное высочайшими достижениями, созданием лучших произведений русской пейзажной живописи конца 1880-х – начала 1890-х годов. Это связана с пребыванием художника в Плесе, ставшем для него своеобразным “Болдиным”».²

Дни, которые он провел здесь в 1888-90 годах стали, быть может, самыми счастливыми в его жизни. Окрестные леса и волжские просторы принесли ему желанное душевное равновесие и многообразную натуру для творчества. Какие особые впечатления, неведомые (неизвестные, неизученные, таинственные) образы помогли обретению Левитаном к началу 1890-х годов свободного и уверенного мастерства?

В поисках этого неизвестного вернемся в Плес, внимательно всмотримся в него. Обратим внимание, что каждого приезжающего в город встречает Введенский храм... Удивительное совпадение смыслов. Во время путешествия по историческим местам не раз появляется мысль: почему эта церковь посвящена Илье Пророку, а другая – Троице? Нет ли в том какой-нибудь системы? Ясно, что каждый раз тому были свои причины, часто неизвестные нам. Города создавались столетиями. Поводы каждый раз, вероятно, были разные. Но система Введения в город...? Это дает основание предполагать в прошлом трактовку города как храма Богородицы. И действительно, соборная церковь Успения Божией Матери отмечает площадь плесской крепости (как в Московском кремле). Отметим, что Успенский собор – главный символ Руси.

От Введенской церкви спустимся к Волжской пристани, на торговую площадь. Центром композиции главной городской площади является Воскресенская церковь. Посвящение церкви говорит о сознательном уподоблении главного объема главной площади города храму Гроба Господня в Иерусалиме. В этом отразилось стремление уподобить Плес Небесному Граду.

На развертывание хода повествования этой истории указывают и другие мотивы. Например, церковь Воскресения Христова имеет два престола: Воскресения и Рождества Христова (крайние даты земной жизни Христа). Известно, что этот каменный храм с колокольной заменил в 1817 году стоявшие здесь две деревянные церкви. Знаменательно, что в этот год праздник Христова Воскресения (Пасха) попал на 25 марта, Благовещение Богородицы.

Но оставим другим изучение смысловых слоев священной топографии поселения. Посмотрим на характер волжского фасада Плеса и саму реку, откуда Левитан впервые увидел город в 1888 году.

«Пароход вышел на широкий, вытянувшийся на несколько верст плес и слева по борту открылся уединенный город, раскинувшийся по горам, по их скатам».³ Ныне здесь мало что изменилось, только уровень реки, в связи с созданием Горьковского водохранилища, поднялся на 8 метров. Раньше, по выражению старожилов, здесь «Волга текла в "трубе"» (так высоки оба берега)⁴, и место называлось «Плесские Ворота».

Ворота, как известно, символизируют духовную или светскую власть. Знаменательно, что город Плес в прошлом являлся центром обширной церковной десятины и первой крепостью Москвы на Волге.⁵

Ворота – символ узкого входа. Атрибуты ворот: стража, замок, ключ. С воротами связан и мотив порога как зримого воплощения границы (в частности, между днем и ночью). Здесь когда-то неведомая сила глубокой бороздой пробила в водораздельной возвышенности новое русло Волге (текшей в Ледовитый океан), направив ее воды в Каспийское море.⁶

Уникальность геометрии ландшафта и геополитика обусловили размещение города на крутом правом берегу, имеющем экспозицию на север. Это позволяет наблюдать в Плесе утренние и вечерние зори.

Известно, что Плес имеет визуальные связи с расположенными на левом берегу в 13,5 км друг от друга с. Сунгурова и д. Сторожево. Ныне здесь стоят створные знаки № 28 и № 29 (ориентиры для указания движения судов). Они фиксируют границы прямолинейного участка реки. Отсюда открываются незабываемые виды на уходящий за горизонт прямой, как стрела, участок Волги – знаменитый Волжский плес. Он стал мотивом многих работ Левитана и, прежде всего, «Вечер. Золотой плес» и «После дождя. Плес». Двойным названием художник подчеркнул главную тему картин – плес (прямое русло реки) как национальный образ великой Волги: его пространство и движение, изменение освещения и др.⁷ Печально, что в публикациях, особенно в местной печати, процветает ошибочная трактовка шедевров Левитана как «показ природы в связи с жизнью маленького, типично волжского городка» Плеса.

Одна из особенностей этого участка Волги в том, что на правом крутом берегу (имеющем экспозицию на север) полностью отсутствуют села и деревеньки. Только город Плес занял срединное положение этого «пустоплесья». Вот как описывали

эти места и город в конце XIX века: «...видится городок Плес... Вся эта картина вместо рамы обрамлена густым темным лесом. Город сверху и снизу окружен лесом».⁸

Важным ландшафтным элементом Плеса является необычно широкая (200 метров) речная долина родниковой речки Шохонки. Она одна из важнейших причин возникновения поселения здесь, светопластическая доминанта в формировании волжского лица города. Долина, напоминая гигантскую чашу спасения с живописно разместившимися в ней церквями, жилыми домиками и садами, приветливо встречает прибывающего в Плес: «...и открылся уединенный город...». Именно эта долина привлекла внимание Левитана, именно здесь он жил и работал три творческих сезона.

Но чувство ирреального захватывает вас, когда задумываешься, как возникла в устье маленькой речки ее обширная речная долина. Будто неведомая богатырская сила вызвала мощный водный (руслевой) поток, создав гигантское русло. О той катастрофе напоминала и мощная гравийно-песчаная коса, появлявшаяся здесь в межень (до поднятия Волги в 1956 году). Она перпендикулярно в виде веера выходила на 30-40 метров в Волгу. Эту выдвигающуюся в реку косу мы можем увидеть на картинах «Вечер на Волге» (1888), «На Волге» (1888) и др.

Ориентация на север крутого берега обусловила, что с Волги вся остальная часть города воспринимается ущербно (в условиях контросвещения), невидима. Встречные потоки света поглощают объемность города, лицо его воспринимается силуэтно, спутано в планах.

Но вернемся на торговую площадь и, у торговых рядов, возле Воскресенского храма неожиданно ощущаешь – вы попали в мифическое время Гулливера. Кажется, площадь окружили деревья-великаны. Потому дома, машины, люди оказались будто не из обычной действительности, а игрушечной, бутафорской. Превращение произошло за счет того, что откосы крепости и оврагов заросли деревьями, а так как вы смотрите в условиях контросвещения, пластика деревьев и рельефа уплощается, исчезает, создает иллюзию стены из деревьев-гигантов.

Мотив «превращений» мы встречаем и на плесской набережной, когда ее одновременно наполняют сотни туристов с причаливших экскурсионных судов. Возникает ощущение, что все дома на набережной – макеты, здесь идет съемка фильма.

Еще раз отметим – город ориентирован на север, а это обуславливает отсутствие светопластики на фасадах домов (они в тени) в контрасте с ярко освещенной толпой людей. Город освещен изнутри, порождая неведомые для других городов композиции.

Хорошим примером служит мотив легендарного потаенного града Китежа, возникающий у дома писателя Н. П. Смирнова. Здесь многие люди обнаруживают неожиданно для себя торчащие из земли купола и кресты церквей. Если вы направитесь к ним на края плато, то перед вами неожиданно раскроется и сам потаенный город. Это место часто рисуют художники. Именно отсюда В. А. Маковский написал картину «Базарный день в Плесе» – одно из лучших произведений русской жанровой живописи.

Для человека с воображением необычное пространство города Плеса и его окрестностей воистину соприкосновение с неведомыми образами. «Неизвестные образы» создают свою собственную реальность, обозначают неизвестное, прошлое и случившееся с человеком, а также тайны неисследованного.

Как отмечалось выше, чашеобразная долина речки Шохонки является доминантой, формирующей волжское лицо города Плеса. Она – акцент всего 20-и километрового затененного лесистого правого берега (Пустоплесья) волжского плеса. Образ долины как чаша дуалистичен, это – «чаша спасения», «бессмертия» и «чаша наказания». Слово чаша также употребляется для наглядного выражения страданий или испытаний, назначенных кому-либо Богом.

Последний образ поддерживается грозным и выразительным ландшафтом, созданным неведомой «богатырской» силой, многочисленными легендами, древними памятниками, а также недвусмысленными топонимами – Чертов овраг, Чертова городина, Чертов поворот. Как тут не вспомнить старинную песню волжских бурлаков: «...А вот город Кострома, гуляивая сторона. // А пониже его Плес, чтобы черт его пронес...». Интересно, что в долине Шохонки издревле стоит храм в честь святой великомученицы Варвары. Ее молят от скоропостижной смерти.

Что нашел Левитан в Плесе? Прежде всего, обрел себя, создал художественно-поэтический образ Волги (самой крупной реки Европы), открыл мир национального пейзажа.⁹ Здесь И. И. Левитан принял в свой духовный мир, в свое искусство новое философски-эпическое измерение русской природы, от-

крывшееся для него в это время. Именно волжские пленэры стали для Левитана «золотым кладом», а золотым кольцом, умножающим богатство, – множество мотивов и идей, реализованных в его картинах.

В поздравительном письме Чехову (в связи с избранием последнего почетным академиком Академии наук по разряду изящной словесности) Левитан пишет в шутиливой форме приятелю: «...Хоть я и простой академик, но, тем не менее, я снисхожу к тебе, почетному. И протягиваю тебе руку... Целую Ваш гениальный лоб». И заканчивает: «Величайший пейзажист во вселенной. Что взял?»¹⁰

Вспомним, что Левитана в Плесе сопровождала еще одна, верная ему душа – его собака Веста. Веста в римской мифологии – богиня священного очага городской общины, дома. Культ Весты знаменовал единство общин и каждый от ее имени мог найти защиту в частном доме или в общественном здании. Она пользовалась всеобщим почитанием и олицетворяла личную безопасность, а также долг гостеприимства.¹¹

¹ Турков А. М. Левитан. – М.: Искусство, 1974. – С. 68.

² Петров В. А. Исаак Ильич Левитан. – СПб.: Художник России, 1992. – С. 52.

³ Смирнов Н. П. Золотой Плес. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 9.

⁴ Кольцов И. И. Очерки по истории Верхнего Поволжья. – М.: Всесоюзное общество поликаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – С. 103.

⁵ Дьяков А. Б., Халтурин В. Ю. Долги Плеса чевылецкие // Вокруг света. – 1998. – № 3. – С. 36-39.

⁶ В ивановской литературе из книги в книгу переходит ошибочное мнение, что город Плес расположен на Плес-Галической моренной гряде, возникшей в результате оледенения 18 тыс. лет назад. «Однако еще в 30-х годах известный палеограф К. К. Марков доказал, что Плесско-Галическая возвышенность сложена коренными породами, а маломощные ледниковые образования на ее поверхности не имеют сходства с конечной мореной...» (Обедиев Г. В. // Природа (АН СССР). – 1990. – № 1. – С. 81). Автор статьи неоднократно имел разговор с Галиной Владимировной по разным вопросам геологии и истории Плеса. Особенно меня поразили слова ученого, что существует около ста теорий происхождения великой Волги, где вопрос геоформологии Плеса занимает важное место.

⁷ По мнению научных сотрудников Музея Левитана в Плесе, искажение содержания картины Левитана в прессе через изменение названия картины «Вечер. Золотой плес» на «Вечер. Золотой Плес» произошло по многим субъективным причинам.

⁸ А. А. Потехин и Кинешма / Сост. Потехина Е. А. – Иваново: Референт, 2009. – С. 144.

⁹ Беляев В. А. Находка Левитана // Материалы научно-практической конференции XII Плесские чтения. – Плес, 2010. – С. 5.

¹⁰ Турков А. М. Левитан. – М.: Искусство, 1974. – С. 150.

¹¹ Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 122.

С. В. КАСАТКИНА

(г. Заволжск)

ЖИЗНЬ В УСАДЬБЕ (ПО ПИСЬМАМ О. Ф. КУЛОМЗИНОЙ)

Тема исследования дворянской усадьбы все чаще встречается на страницах специальных журналов, выходят книги по истории отдельных усадеб. И, тем не менее, представляет интерес любая новая публикация, которая рассказывает о жизни и занятиях в дворянской усадьбе. Предлагаемая статья посвящена усадьбе Корнилово Кинешемского уезда Костромской губернии. О том, какие хозяйственные заботы были у хозяев, как они развлекались и отмечали праздники в начале 20 века – вопросы, на которые мы постараемся ответить словами хозяев Ольги Федоровны и Якова Анатольевича Куломзиных.

Ольга Федоровна Мейендорф познакомилась с Яковом Анатольевичем Куломзиным на одном из вечеров или балов в Петербурге. Весной 1901 года Яков Анатольевич стал «счастливым женихом», 20 июля в день Ильи Пророка в Петербурге состоялась их свадьба.¹ Вскоре молодые Куломзины уехали в Костромскую губернию, где в Кинешемском уезде находилась родовая усадьба Куломзиных Корнилово. Здесь Яков Анатольевич начал заниматься хозяйством, а Ольга Федоровна посвятила себя семье и общественной деятельности. Она стала верным другом и помощником своего мужа. О том, как жили Куломзины в это время, рассказывают письма Ольги Федоровны своему свекру Анатолию Николаевичу.²

Главный усадебный дом был деревянный двухэтажный, рядом располагался флигель. Одной из первых забот стало обустройство дома. Зимой в нем было холодно. В январе 1906 года Яков Анатольевич писал отцу: «У нас было 25 мороза. Мы совсем забросили нижний этаж и жили наверху. Это удобно и приятно».³ В августе Ольга Федоровна писала Анатолию Николаевичу: «Я очень рада была, когда Яша сказал мне, что ты мечта-

ешь соединить Ваш дом с нашим. Я тоже об этом думала всю зиму. Беготня через весь дом в кухню зимой очень неудобна, тем более, что вся прислуга вечно пропадает в кухне. Кроме того, мы ведь все-таки отвечаем за здоровье прислуги. Если бы это было возможно соединить этой же осенью, то я была бы прямо в восторге».⁴

Осенью, чтобы утеплить полы в доме, Ольга Федоровна обсуждала вопрос о настилке ленолиума. Она отмечала: «Сегодня послали Якова за ленолиумом. Узнай, пожалуйста, как нужно мыть ленолиум или его нужно натирать лаком?»⁵ В ноябре полы утеплили, и Ольга Федоровна писала: «Милый папа! Пишу тебе, во-первых, чтобы поблагодарить тебя за ленолиум. Мы в восторге. Он замечательно красив... Все эти дни занимались настилкой его и вчера обе комнаты были к вечеру готовы. Яша все ворчал вначале, что я такие деньги потратила на ленолиум, а вчера в такое пришел восхищение, что захотел и нашу спальню покрыть ленолиумом. Но, это, конечно, вздор, потому что наша комната и без того довольно теплая и из-под пола в ней не дует».⁶

Каждый раз перед приездом на лето из Петербурга старших Куломзиных в усадьбе шла большая подготовка. В письме от 17 мая 1914 года Ольга Федоровна обращалась к Анатолию Николаевичу: «Очень просим тебя не высылать кровать для мамы, так как здесь для вас сделаны великолепные. Если мама неприятно спать на деревянной бабушкиной, то можно ей дать и красную железную, которые также все заново перебиты, выкипачены и обтянуты новым тиком. Я пришла в энергию и завожу новые порядки. Поэтому кровать, пожалуйста, не присылайте».⁷ В следующем письме она сообщала: «Дом ваш как в Голландии будет вымыт даже снаружи».⁸

Для обустройства усадебного дома Куломзины решили установить таран – специальное устройство для подъема воды с реки. Рядом с усадьбой протекала речка Кистега. Ольга Федоровна сообщала: «Все это время были заняты расчетами о поставке тарана на нашем ключе. Но удовольствие это оказалось слишком дорогое для того малого количества воды, которое он может поднять, а именно всего 300 ведер в день, а обойдется все с плотиной и трубами 1000 рублей. Приезжал к нам Трёмбовельский, представитель в России французских таранов. Но ничего не вышло».⁹ Местные жители, тем не менее, отмечали, что в

усадьбе было установлено специальное устройство – таран. Он поднимал воду к усадебному дому и наполнял большую емкость, из которой вода поступала в дом и в другие хозяйственные постройки.¹⁰

Большое значение в усадьбе придавали праздникам. Организовывали их хозяева, как правило, не только для близких, а для всех жителей. Так проводили Пасху и детские рождественские елки.

В марте 1906 года Ольга Федоровна сообщала: «Мы все эти дни думали и передумывали, что бы нам устроить для рабочих к Пасхе, ибо все равно они придут нас поздравлять, денег давать не хотелось, чтобы не началось пьянство. Думаем подарить всем ситца на рубахи, да и это не особенно легко, может придтись не по вкусу, да, пожалуй, и обиды выйдут, если давать скотникам и кучерам такого же ситца».¹¹ Очевидно, что обсуждение подарков серьезно занимало владельцев усадьбы.

В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о подготовке к детской елке: «Настало горячее предпраздничное время. Надо было помогать детям устраивать все для елки, обдумать все подарки, ведь у нас на елке бывает около 50 детей, каждому надо что-нибудь подарить. Елку устраиваем в другом доме, чтобы не нанесли нам они все грязи и заразы».¹² В следующем письме она вновь сообщала: «Я была ужасно занята приготовлениями к праздникам. У нас на елке, как я тебе уже писала, было 50 с лишним детей и всем нужно было дать подарки соответственно их возрасту и рангу. Кроме того, украшать елку, раскладывать гостинцы в мешки, все это приходилось делать мне, так как дети все же еще малы. MissNorah, конечно, много помогала, без нее было бы невозможно все успеть сделать.

Елка удалась на славу, были все и все были довольны, а рабочие премило сыграли пьеску собственного изобретения, то есть скорее по памяти из пьес, иггранных ими во время отбывания воинской повинности.

После елки священник, диакон и псаломщик со своими семьями incогроре у нас ужинали. Ты понимаешь, что для такой грандиозной елки пришлось о многом позаботиться и на все это ушло много времени».¹³

Жизнь в усадьбе неразрывно была связана с прогулками на природе, в окрестностях главного дома. Часто хозяева отправлялись в гости к соседям по усадьбе.

В 1906 году Ольга Федоровна писала Анатолию Николаевичу: «Время у нас до того быстро летит среди дел – и общественных, хозяйственных (по усадьбе) или домашних. В особенности же теперь при этой дивной погоде, когда тянет на воздух. За эти дни мы с Яшей сделали две большие прогулки в лес на лыжах. Было восхитительно. Вообще я никогда здесь в Корнилове, да и во всю свою жизнь не видела такой чудесной погоды. Вот уже больше недели солнце блестит с раннего утра и до ночи, воздух ровный, ветра нет. На припеке больше 10 градусов тепла. Тает постепенно, так как по ночам морозец.

Таким образом, теперь тут настоящая климатическая станция не хуже швейцарских, так как с этим дивным белым снегом ни одной пылинки. Никита [сын Куломзиных. – С.К.], слава Богу, совсем здоров, целыми днями сидит то на одном балконе, то на другом солнечном балконе и успел сильно загореть».¹⁴

В мае 1913 года она отмечала: «Погода у нас теплая, все благоухает и поют соловьи. На днях был дождь. Вообще, растворение воздухов. Мы все вполне здоровы и счастливы».¹⁵ Весной начинала цвести сирень. Ольга Федоровна в 1914 году с восхищением писала: «Сирень сейчас в полном цвету, очень бы хотелось, чтобы Вы застали эту красоту. Ведь Вы никогда не видели цветущей сирени в Корнилове».¹⁶

В письмах Анатолию Николаевичу Ольга Федоровна общалась о визитах в соседние усадьбы (например, в усадьбу Аверино к Зузиным), передавала приветы от знакомых, просила оказать помощь или принять в Петербурге новых знакомых (например, Алексея Васильевича Константинова). Так, в мае 1911 года она писала: «У нас к тебе просьба. На днях к тебе придет Алексей Васильевич Константинов, премилейший тип, он очень любит Яшу и всегда ему помогает. Не смотря на то, что Константинов этот купец, он – идеалист, и очень много добра приносит монастырям. Разводит в монастырях хороший скот, жертвует им хорошие семена, вообще старается, чтобы монастырь имел для окружающего народонаселения культивирующее значение. Ездит по монастырям, бранит их, если у них плохо обработана земля, вообще интересный и симпатичный тип. Он будет просить тебя о чем-то и Яша очень просит, чтобы ты ему насколько возможно, посодествовал и любезно его принял».¹⁷

В семье Якова Анатольевича и Ольги Федоровны было пять детей: Никита, Федор, Елизавета, Серафим, Ярослав. С раннего детства родители основное внимание уделяли образованию и воспитанию детей. Хотя большую часть времени Куломзины жили в деревне, они нанимали хороших домашних учителей, которые приезжали к ним на уроки даже из уездной Кинешмы. Учительница-англичанка жила в семье Куломзиных. О ней в 1909 году Ольга Федоровна писала: «Англичанкой я пока довольна, хотя вчера заметила, что она слишком усердно учиться говорить по-русски у фельдшера, вместо того, чтобы играть с детьми».¹⁸ В 1912 году Ольга Федоровна сообщала: «Не знаю, писала ли я тебе, что теперь к детям ездят из реального училища и из гимназии женской 2 учителя. Учитель рисования и учитель пения. Они оба талантливые учителя. Мальчики мои очень полюбили эти уроки».¹⁹

Описывая распорядок дня детей, она отмечала: «Дети вполне здоровы. Погода теплая и они гуляют 3 раза в день. Утром недолго до половины десятого, после чего мы с Никитой учимся полтора часа, потом от 11 до 12 опять гуляют. После обеда они оба играют по четверти часа на фортепианах, затем опять прогулка до 4 часов, когда к Никите приходит давать урок народная учительница. По субботам и по воскресеньям к нам приезжают 2 учителя из Кинешмы для уроков пения, рисования, лепки. Все это детей очень забавляет. Итак, я думаю, ты доволен нашей ученостью».²⁰ В декабре 1913 года Ольга Федоровна рассказывала о своих детях: «Лильчик очень любит музыку и всегда подтанцовывает в такт. Я думаю, она будет музыкальна как бабушка. В других моих детях я такой любви к музыке не замечала. Сейчас Никита и Федорчик заняты репетицией новых картин из английской истории и маленьких сенок из английских сказок, которые они будут нам сегодня разыгрывать на английском языке».²¹ Дети учились всему, они даже брали «у бухгалтера уроки столярного искусства и резьбы по дереву».²² Осенью 1914 года Куломзины жили в Кинешме. Здесь учителей найти было проще. Ольга Федоровна писала: «Дети берут уроки гимнастики через день и русского и арифметики у великолепного учителя. И того, и другого учителя мне очень хорошо рекомендовали».²³ Осенью 1916 года Куломзины нашли учителей для детей в Петербурге. Ольга Федоровна писала: «...Француженка приехала и также усердно дает им уроки. Они во французском языке очень

слабы, до сих пор читать не умеют. Французенка теперь имеет над ними постоянное общее наблюдение в свободное от занятий время. Англичанке придется давать только один час урока в день. Французенке мы платим 70 рублей в месяц. Студенту последнего курса я плачу 80 рублей».²⁴

Большую роль в жизни взрослых и детей играли книги. В своих письмах Ольга Федоровна часто сообщала о полученных из Петербурга книгах или просила прислать нужную литературу. Некоторые журналы после прочтения она отправляла обратно в Петербург. В декабре 1909 года сообщала: «Вестник Европы» и «Русскую старину» я прочла и завтра их вышлю».²⁵ Анатолий Николаевич присылал книги в Корнилово даже из Швейцарии. В декабре 1910 года Ольга Федоровна благодарила: «Милый папа, большое спасибо тебе за книги, присланные мне из Швейцарии. Я их все получила и очень тебя за них благодарю».²⁶

В январе 1912 года Ольга Федоровна вновь писала о книгах: «Милый папа, благодарю тебя за интересные книги о 12 годе, а также за прелестную геометрию. Где ты нашел такую прелесть? Также очень хороши и присланные тобою сказки, мы некоторые уже прочли, очень мило, что ты нас не забываешь. Как ты поспеваешь о всех думать?».²⁷

О чтении книг с детьми Ольга Федоровна сообщала: «Мы непременно будем читать [книги. – С.К.], с Никитой пока мы увлекаемся 12 годом, дети также очень интересуются пожаром Москвы и бегством Наполеона».²⁸ В другом письме она отмечала: «Хрестоматию по русской истории мы уже начали читать. Когда читала им про Сусанина стих Рылеева, мы все плакали».²⁹

В мае 1914 года Ольга Федоровна писала Анатолию Николаевичу: «Если хочешь привезти что-нибудь детям из книг, то привези им хорошую зоологию с картинками Брема или кого-нибудь другого. Их интересуют главным образом птицы и бабочки. Никита просит, чтобы в книге были цветные картинки птичек, их яиц и объяснение о их жизни и привычках, а Федорчик хочет книгу, где были бы рассказы о птицах вроде «С севера на юг» Каразина. Эта книга им очень понравилась, мы ее читали зимой».³⁰

Получала Ольга Федоровна и чудесные издания книг для взрослых. В декабре 1913 года она писала: «Ты не мог мне сделать большего удовольствия, прислав мне чудное издание Великого Князя Николая Михайловича. Я очень люблю его издания,

и очень тебе благодарна, что ты мне их присылаешь... Не менее благодарна тебе за Грабаря, а также и за портреты, гербы и печати Большой Государственной книги царя Алексея Михайловича. Из них я могу воспользоваться рисунками для моих кустарных работ».³¹

Кроме книг увлечением Ольги Федоровны в свободное время была ее кустарная деятельность. Это вышивки, которые она делала по рисункам из книг, о чем она упоминала в письмах. Готовые работы она продавала через знакомых в Петербурге и даже отправляла в Америку. В письме от 22 апреля 1911 года она сообщала: «Для улучшения своего кустарного производства я выписала художницу из школы поощрений художеств. Она приехала и два дня как поставляет уже рисунки для вышивания».³² Далее она сообщала, что в Петербурге у М. Шидловской есть кустарные деньги (с вышивок) 40 рублей 17 копеек.

В апреле 1912 года Ольга Федоровна просила Анатолия Николаевича отправить посылку в Америку учительнице английского языка, которая преподавала у детей.³³

Таким образом, перед нами предстает жизнь, полная забот об устройстве усадьбного дома, о здоровье и воспитании детей, о помощи нуждающимся. Жизнь в усадьбе не была оторвана от событий в стране. Куломзины были в центре общественной деятельности в Кинешме. Ольга Федоровна с мужем были инициаторами создания детского приюта.

¹ Баронесса Мейендорф М. Ф. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1990. – С.157-158.

² Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1642. Оп.1. Ед.хр. 354.

³ РГИА – Ф.1642. Оп. 1. Ед.хр.348. Л.33. Письмо Якова Анатольевича от 17 января 1906 г.

⁴ РГИА – Ф. 1642. Оп. 1. Ед.хр. 354. ЛЛ. 52-53. Письмо Ольги Федоровны. Письмо от 27 августа 1909 г.

⁵ Там же. – Л.54. Письмо от 30 октября 1909 г.

⁶ Там же. – Л.56-57. Письмо от 12 ноября 1909 г.

⁷ Там же. – Л.192-192 об. Письмо от 17 мая 1914 г.

⁸ Там же. – Л.193 об. Письмо от 23 мая 1914 г.

⁹ Там же. – ЛЛ.72-73. Письмо 21 сентября 1910 г.

¹⁰ Касаткина С. В. Усадьбы Заволжья. – М.: Планета, 2012. – С. 116.

¹¹ Там же. – Л.22об.-23об. Письмо от 22 марта 1906 г.

¹² Там же. – ЛЛ.162об.-163. Письмо от 21 декабря 1913 г.

¹³ Там же. – ЛЛ.165-166. Письмо от 27 декабря 1913 г.

¹⁴ Там же. – ЛЛ. 23об.-25. Письмо от 22 марта 1906 г.

¹⁵ Там же. – ЛЛ. 144-145. Письмо от 8 мая 1915 г.

- ¹⁶ Там же. – Л.201. Письмо от 29 мая 1914 г.
¹⁷ Там же. – Л.95об.-96об. Письмо от 4 мая 1911 г.
¹⁸ Там же. –Л.61-61об. Письмо от 12 ноября 1909 г.
¹⁹ Там же. – Л.108об-109. Письмо от 29 января 1912 г.
²⁰ Там же. –Л. 115-116об. Письмо от 22 февраля 1912 г.
²¹ Там же. – ЛЛ. 167-169об. Письмо от 27 декабря 1913 г.
²² Там же. – Л. 158об.-159. Письмо от 29 ноября 1913 г.
²³ Там же. – Л. 206-206об. Письмо от 8 ноября 1914 г.
²⁴ Там же. – ЛЛ.239-242. Письмо от 5 сентября 1916 г.
²⁵ Там же. – Л. 65об. Письмо от 3 декабря 1909 г.
²⁶ Там же. – ЛЛ. 78-79. Письмо от 13 декабря 1910 г.
²⁷ Там же. – Л. 106-106об. Письмо от 11 января 1912 г.
²⁸ Там же. – Л. 108-108об. Письмо от 29 января 1912 г.
²⁹ Там же. – Л.113-113об. Письмо от 30 января 1912 г.
³⁰ Там же. – Л.198-198 об. Письмо от 26 мая 1914 г.
³¹ Там же. – ЛЛ. 164-165 об. Письмо от 27 декабря 1913 г.
³² Там же. – Л. 86-87. Письмо от 22 апреля 1911 г.
³³ Там же. – Л.121-121 об. Письмо от 5 апреля 1912 г.

Н. В. РЕПИНА
(г. Кострома)

ГРИГОРИЙ КЛЕМЕНТЬЕВИЧ ГОРБУНОВ – ВЕЛИКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ РОССИИ

На Русской земле немало было людей, которые всю жизнь посвящали благосостоянию, просвещению и духовному подъему родного края, опираясь только на свое нравственное влияние, безраздельно служили одному добру, ставили это добро главной целью и широко отдавали ему и свою огромную работоспособность, и душевные силы, и материальные средства. Из таких именно людей и их жизненного подвига и складывается великая картина строения Русской земли. Посему выяснить деятельность одного подобного человека для своего края – значит обрисовать ячейку всей русской истории.

В подтверждение сказанному хочется сделать небольшое сообщение о Горбунове Григории Клементьевиче, великом предпринимателе России, основателе хлопчатобумажного фабричного производства в Нерехтском уезде в с. Киселево (ныне г. Фурманов Ивановской обл.), председателе Московской старообрядческой общины при Рогожском кладбище, крупного благотворителя России, мецената, Почетного Члена Нерехтского Благотворительного общества. Это рассказ о ярчайшей

личности, которой можно гордиться. Он – пример соблюдения основ веры, жизненного уклада, ведения промышленного производства [1].

Мало кто знает село Широково, что раскинулось посреди полей в Нерехтском уезде Костромской губернии. Жили широковцы не бедно, не богато, как говорится, по-божески степенно, учтиво, праведно. Набожный крестьянский люд на земле-кормилице от темна до темна трудился. Немало было в том краю старообрядцев-старопоморцев. Мужики землю пахали, рожь сеяли, зерно молотили; бабы лен трепали, за прялкой сумерничали. Давно это было. Шел 1780 год. Один из сельчан, Афанасий Горбунов, что из крепостных, пасеку завел, за пчелами стал ухаживать. Избу поставил просторную, да вот деток Бог не давал. Велика была радость в семье Горбуновых, когда родился у них мальчонка, шустрый, пытливый. Осипом парня назвали, в приходскую школу отдали. Там еще больше ума набрался. Куда там пасека! Стал сооружать устройства, механизмы разные. А когда семьей обзавелся, задумал Осип таким делом заняться впрок, чтобы пользу России приносить. Долго он думал над своей задумкой, пока не смастерил ручные станки у себя дома и трудом своей семьи наладил производство обыкновенного сурового миткаля. Дело пошло неплохо. Душу свою вложил Осип в интересное, новое, неизведанное доселе изготовление своими руками ткани. Так одним из первых положил он в Нерехтском уезде начало хлопчатобумажной промышленности [2].

Первое время на нескольких ручных станках трудились, позднее, расширяя предприятие, семья Горбуновых стала отдавать купленный материал – пряжу в работу ткачам-кустарям... С 1859 года энергичный Григорий Клементьевич Горбунов, внук Осипа Афанасьевича, продолжил дело. В 1882 году он уже возглавляет паевое товарищество с капиталом в два миллиона рублей [3].

В 1912 году Горбунов осуществляет план устройства центральной электрической станции. В 1913 году была выстроена вторая центральная силовая станция, поставлен паротурбогенератор мощностью 2500 квт. Такими быстрыми темпами развивал Горбунов прядильное и ткацкое производства.

Рано похоронил жену. Дочерей, Екатерину, Клавдию, Евдокию и Александру, воспитывал в строгости. Единственный сын Павел жил недолго (умер). Старшую Екатеринуособенно любил Григорий Клементьевич за светлый ум, доброту, проворство; отдалее в село Широково на попечение деловитой родственницы-крестьянки бабушки Федосьи... А как стукнуло шестнадцать, выдали девочку за старообрядца ярославского, сына мещан Андрея и Анастасии Разживиных, Василия.

Пришелся по душе Григорию Клементьевичу деловой зять. Взял его к себе на фабрику. Переехала Катя с мужем в Киселево, там дедушка предоставил в их распоряжение свой большой особняк с надворными постройками, богатым садом и оранжереями [4].

Григорий Клементьевич занимался с любовью сельским хозяйством: животноводством, растениеводством. В имении «Миловка», что близ Плеса, он разводил чистопородных молочных коров, добивался высокого удоя. Держал пасеку.

Интересовался Горбунов и слабо развитыми отраслями промышленности, как например, производством дрови. Самобытный талант позволил познать ему ход дела самоучкой. В итоге в двух верстах от Плеса он построил дроболитейный завод. Завод сдавал в аренду Николаю Александровичу Стахову. Дробь различного калибра отгружалась на пароходах по Волге во все уголки нашей страны.

Интересно описывает уклад жизни в старообрядческой семье правнук фабриканта Г. К. Горбунова Игорь Васильевич Разживин.

«...За обедом собиралась вся семья, кроме дедушки. Блюда готовились мясные, рыбные, а по средам и пятницам – вегетарианские. Обслуживал Иван-лакей. Супу наливали неполную тарелку, переждать не разрешалось. Не баловали и сладким. После обеда подавались фрукты – яблоки, груши, персики, ананасы. Григорий Клементьевич столовался у дочерей во флигеле, что примыкал к дому, помимо среды и пятницы, он соблюдал строго посты. Любил овсяный кисель, постные щи и гречневую кашу. Есть мясо считал за грех. Пользовался только своей посудой. В нашей семье старообрядческой были свои немиршенные тарелки и чашки, для приезжих гостей православных подавали другую посуду. Обедали, не торопясь, тихо, спокойно, без разговора. Из окон виднелся двор, там гуляли павлины, цесарки.

У лестницы в полуподвальный этаж теснилась маленькая комнатка хозяина. У двери стоял тесовый диван со спинкой. В углу – письменный стол, за ситцевой занавеской – деревянная кровать и шкаф. Скромный в быту Григорий Клементьевич в свободное время читал на славянском языке религиозные книги, много молился. Ходить в театр или синематограф (как раньше называли кинематограф) считал большим грехом. От пола до потолка угол комнаты, что на восток, занимали киоты с иконами, створы, медный крест с распятием, неугасимая лампада перед ликом Иисуса Христа.

Горничные получали хорошее жалованье, на праздники – подарки. Дедушка не считался с затратами на содержание прислуги, на богатую меблировку комнат для семьи, любил красоту и порядок.

Большинство из обслуживающих работников переходили в старообрядческую веру.

Мы, дети, воспитывались в строгости и послушании, ломать игрушки, рвать книжки не разрешалось. «Говорить только правду, – вдалбливал я себе в голову. Только правду!» Вдалбливание сохранилось на всю жизнь. Неписанный закон – правила не выполнять было нельзя, слушаться во всем старших, первому здороваться при встрече со взрослыми, не подниматься первым из-за стола, не плевать. «Плевать на землю грех», – вразумлял дедушка.

Всему дому глава был дедушка. Никто никогда не слышал от него грубого слова. В дедушке видели доброго, ласкового не хозяина, нет, а всего лишь самого старшего в семье. Никак не доходило до сознания, что этот седовласый старец в черной поддевке, обыкновенных русских сапогах – миллионер и обладает незаурядным умом, способный руководить крупным промышленным предприятием, пользуется уважением за оказываемую материальную помощь из чувства милосердия [5].

С каждым годом совершенствовал он производство ткани, вкладывал капитал в паевое товарищество бумаготкацкой мануфактуры. Успехи в налаживании производства добротных тканей не остались незамеченными государственными деятелями России. Горбунов удостоился приглашения к празднику Пасхи в Москву. Я видел подаренное монархом большое фарфоровое яйцо с пропущенной внутри алой лентой муаровой.

Одевался дедушка скромно, не разлучался с черной опрятной поддевкой: и в церковь в поддевке, облачался в нее и тогда, когда поехал в Москву на прием к государю.

Была у него встреча с монархом и в дни празднования 300-летия дома Романовых. Состоялась она в Костроме летом 1913 года. Вот что рассказал об этом брат Володя: «Приехали в Кострому впятером: дедушка, папа, мама, Маня и я. Стоим на берегу Волги, возле самолетской пристани. От самого причала раскинулась вверх по берегу бордовая ковровая дорожка. Народу собралось множество. Причалил небольшой однопалубный пароход «Межень». Показался государь с женой Александрой Федоровной, за ними дядька несет маленького Алексея, замыкают шествие в окружении фрейлин и прислуги четыре дочери. Встречал царя губернатор со свитой, никаких войск не было, кроме жандармов... Я стою рядом с дедушкой.

Проходя мимо нас, государь остановился, протянул дедушке руку, улыбнулся:

– Спасибо за развитие отечественной хлопчатобумажной ману-

фактуры, – молвил он приветливо. Верю, российский ситец на мировом рынке займет достойное место!

– Бог милостив», – произнес дедушка.

В Киселевском особняке бывали у дедушки ученые, государственные деятели, бывал председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин, министр финансов Сергея Юльевич Витте и другие...» [6].

Нельзя не сказать о благотворительной и просветительской деятельности Горбунова, которая развивалась параллельно с увеличением производства. Больница для рабочих и служащих фабрики, построенная в 1869 году, оказалась недостаточной. (В г. Плес Горбунов построил больницу и двухэтажный дом для медперсонала). Лечебница была переведена в другое, более обширное и приспособленное помещение в фабричном дворе. В 1898 году Горбунов выстроил новое здание с соблюдением требований гигиены, стоимость которого обошлась в 105 тыс. рублей. При больнице были устроены заразное отделение, родильный приют, аптека, операционная, лаборатория, зубоучастный кабинет, дезинфекционная камера, прачечная и заразный барак. Медицинский персонал состоял из следующих лиц: два врача, четыре фельдшера, три акушерки, два фармацевта, санитар, аптечный служащий, девять сиделок, швейцар, два повара, две прачки, дворник, истопник. Весь медицинский персонал имел квартиры в боковых крыльях здания больницы, а доктора – в отдельных домах. Амбулаторная и коечная медицинская помощь оказывалась бесплатно не только рабочим и служащим фабрики и их семьям, но всем, кто обращался в больницу. Помимо медицинской помощи рабочим выдавались пособия на похороны, по случаю пожара, кроме того наградные, сумма которых ежегодно, была около 45 тысяч рублей. Построены для детей рабочих колыбельная и богадельня для престарелых [7].

При фабрике в 1893 году открыли училище, при нем была библиотека, книгами пользовались рабочие и служащие. В рекреационном зале проходили литературные вечера, чтения с «туманными» картинками, кинематографические сеансы.

Особая забота была о детях-сиротах. Детские приюты организовывались при богадельнях, монастырях, благотворительных обществах. В 1903 г. попечительство о детях было открыто в г. Плесе. В его ведении состоял приют для призрения и воспитания детей-сирот и полусирот. С 1908 г. приют помещался в доме, подаренном Г. К. Горбуновым. В приюте призревало 12 детей и 20 человек – вне приюта, в семьях [8].

Горбунов Григорий Клементьевич умер на восемьдесят седьмом году от воспаления легких. Выходец из крепостных крестьян, наделенный незаурядным умом, один из предпринимателей, положивших на Руси начало хлопчатобумажной промышленности был похоронен на погосте при старообрядческом храме, построенном на его средства.

1. Газизова О. Старообрядчество и «новое мышление» // Наука и жизнь. – 1994. – № 6. – С. 18-20.
2. Иоксимович Ч. М. Горбуновы // 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., примеч.: О. А. Платонов. – М.: Современник, 1995. – С. 265-266.
3. Никишина Н. Г. Горбунов Григорий Клементьевич – промышленник, председатель московской старообрядческой общины (по материалам правнука Горбунова Г. К. Разживина И.В.) // Русь во веки не погибнет: Мир старообрядчества: Книжность. Традиция. Культура: Материалы Аввакумовских чтений апрель 1997, ноябрь 1998, ноябрь 2000. – Кострома, 2000. – С. 36.
4. Там же. – С. 38.
5. Там же. – С.38-39.
6. Там же. – С. 41.
7. Департамент социальной защиты населения Ивановской области. Режим доступа: <http://www.ivszo.ru/istor/istor2.html>. Дата обращения: 03.10.2011.
8. Кивокурцева О. Попечители // Губернский дом. – 1995. – № 5. – С.38-39.

Б. А. ВОЛЧЕНКОВ
(г. Гаврилов Посад)

ПИТЕЙНЫЕ ИСТОРИИ СУЗДАЛЬСКОЙ ОКРУГИ (конец XVIII – начало XIX века)

Гавриловский посад (до 1789 г. гавриловская дворцовая слобода непашенных крестьян), входивший (до 1925 г.) в Суздальскую округу, с давних времён одной из специализаций имел производство и оборот питей, в рассматриваемый период – также содержание питейных сборов и поставки питей во многих городах России.

В 1646 году в гавриловской слободе имелось семь солодовен.¹ На 1674-й год хмелевой ряд с восьмью лавками. Кроме того «Амбарс навесом, что ставили великого государя кружечного двора откупщики и пиво и мёд».² И, само собой разумеется, кабак. Гавриловская волость была важной и единственной в округе зоной хмелеводства.³ Отсюда хмель оптом и в розницу расходил-

ся по пивоварням и казённым винокуренным заводам (главным образом на Татаровский).⁴ В XIX веке появляются и собственные заводы: пивоваренный купца В. П. Буркова, а позже – водочный купца П. Н. Козлова. Расположенный на 13,5 десятинах земли, посад изначально был тесен для многочисленного, составлявшего до 75% от всего населения, купечества. Это обстоятельство способствовало переносу коммерческой деятельности многих его представителей на другие территории. Ныне мировой известностью пользуется продукция финской фирмы «Koff», выросшей из пивоваренного завода, основанного в Гельсингфорсе гаврилово-посадским купцом Николаем Петровичем Синебрюховым. Его двоюродный племянник Платон Петрович Синебрюхов – поставщик Двора Его Величества снабжал царский стол Николая I вином и пивом. В Гавриловском посаде наряду с трактирами и рейнсковыми погребами с начала XVIII века существовали три питейных дома: «Аптецкий», «Забалуевский» (или просто «Забалуи») и «Осьмушный», сохранявшие, как свои названия, так и статус казённых долгое время. Только в 1865 году они были проданы частным лицам. Кстати, один из них – «Осьмушный» был куплен мещанином... Николаем Синебрюховым и почти до конца века использовался по прежнему назначению.

Питейные заведения Гавриловского посада, расположенного на бойком тогда Стромьинском тракте, зачастую работали на пределе своей пропускной способности. Однако местное население за века своего занятия производством и оборотом питей выработало достаточно стойкий «иммунитет» к их чрезмерному употреблению. Тем не менее, изредка случались события, связанные с пьянством жителей, носившие иногда криминальный характер, а потому детально обсуждавшиеся присутствием ратуши. По ним принимались решения и меры исправительного воздействия. Купеческо-мещанская община самоотверженно боролась за исправление каждого своего «заблудшего» члена. Меры этой борьбы интересны и поучительны в свете сегодняшней ситуации противостояния алкоголизации России.

1794 года 7 июля пятък

Явочное прошение Гавриловского посада купца Петра Васильева сына Козлова, коим объявляет: Сего де 1794 года июля 4 дня пришед к нему в лавку содержателя винных сидельцов Мос-

ковского купца Петра Миронова поверенной Иван Лавров, быв в пьяном образе, и неветь чего ради в той его лавке бросался по поставам и по полкам и перебил хрустал(ь)ной посуды ценою на рубль на двадцать копеек, и неудовольствуясь тем схватил с полки с Рижским целительным бальзамом полукувшинную склянку отдал прилучившемуся при той его лавке одного содержателя Миронова поверенному господину прапорщику Фёдору Калинину, который тот бальзам опробовал и усмотрел, что в оном никакого сомнения не состоит и отдал ему обратно. По каковому обстоятельству выше речённый поверенный Лавров причинил ему кровную обиду и напрасной убыток, почему он ныне имеет опасение. Дабы впредь от одного поверенного Лаврова таковых же противных законам поступок производиться не могло; и просит, дабы то ево прошение принять и записать в книгу явочных прошений для ведома.

Приказали: Со одного прошения взять пошлины по указу, записать в приход и оное прошение приобщить к прочим.⁵

Бургомистр Григорей Жилин

7 ноября 1794 года.

Слушали:

Явочное прошение гавриловского посада купца Семёна Петрова сына Реззова коим объявляет: Сего де 1794 года ноября 2-го дня живущая в доме ево сноха ево вдова Федосья Филиппова дочь, забрав из дому Ево из ящиков и из сундуков собственные свои пожитки из дому Ево ушла. И по уходе из тек своих пожитков шубёнку гризетовую на заячьем меху продала живущему в здешнем посаде конюху Фёдору Ильину за тридцать рублей. И с теми денгами с того самого времени в дом к нему уже не бывала. А как не безызвестно, что она, ходя по здешнему посаду по разным домам, чинит безчюственное пьянство, от чего он ныне имеет немалую опасность дабы она, распродав все те свои пожитки не могла впредь отыскивать на нём, а тем паче будучи всегда в таком безчюственном пьянстве не приключилось бы ей от того смерти, через что ему в том и не ответствовать бы безвинно. Почему и просит то его прошение в гавриловской ратуцте принять и записать в книгу явочных прошений для ведома.⁶

Прошение лейб-гвардии прапорщика Михаила Трофимова сына Лялина, коим прописывает: производится дев здешней ратуше дело, начавшееся по поданной от него оной Ратуши на рат-

мана Фёдора Калабина прозье в назывании Ево в бытность Ево в здешнем посаде у лавки купца Ковыляева свиньёю, и в уграживании при том взять ево под караул; но ныне, соображаясь с великодушием благородного человека, той причинённой ему обиды на нём. Ратмане Калабине, отыскивать не желает, почему и просит то ево прошение принять. А показанное дело из числа нерешённых исключить и отдать в архив к вечному забвению.

Писано на простой за неимением гербовой бумаги, за которую предоставляет при том в казну деньги..... Приказали:В архив к вечному забвению.⁷

1800-го года марта 9-го дня Гавриловской ратуши присутствующие, прибыв в присутствие оной имели рассуждение в том, что вчерашнего числа в бытность их у вечери усмотрено ими, что нахоиящийся при здешней церкви пономарь Михайла Алексеев будучи пьяной во время служения той вечерни на правом крылосе чинил великий крик и шум: во первых ссорился с протопопом Афанасием Степановыми называл его каналиею и вором, выговаривая, что будто он украл бумажку, во вторых служащего вечерню священника Алексея Петрова, который ево от такового неистовства удерживал, не послушал, и с ним весьма грубым образом кричал, от чего произошёл в церкви великий соблазн, за которое Ево неустройство по принесённой им от того протопопа жалобе приказано было Ево, пономаря по силе гласящих на таковой случай узаконениев взять из церкви и посадить в Ратуше под стражу, но он не хотя повиноваться закону, ушёл в алтарь и ухватясь за стоящий за святым престолом животворящий крест взять себя никому из причётников не дал, проговаривая при том, что теперь Ево взять никто под страху не может. По каковому Ево упрямству и непослушанию призван был в ту церковь благочинный Старой пашенной слободы священник Григорий Павлов, и им он уже из того алтаря взят и отдан под стражу, под которой и теперь находится. Для того приказали: Призвать оного пономаря Алексеева в присутствие Ратуши, объявить ему, чтоб он впредь таковых неустройств в церкви не чинил, и из под стражи освободить, а к благочинному священнику Григорию Павлову с прописанием выше писанных обстоятельств послать требование, дабы он о поступлении с ним, Алексеевым за вышеписанные, учинённые противные Закону поступки и пьянство по законам, куда следует по должности своей представил, и сию Ратушу пись-

менно уведомил.⁸

Бургомистр: Гаврила Зимин
Ратман: Пётр Бурков
Ратман: Кузма Зимин

1801 год.

Объявление здешнего посада мещанской вдовы Прасковьи Степановой дочери Козловой, коим прописывает, сего де июля 8-го дня в ночи из состоящего в здешнем посаде после умершего мещанина Фёдора Барашкова дому из чулана верхом не вемъ какими воровскими людьми украдена её перина с головьем ценою в пять рублей, а сего числа наслышалась она, что та перина с головьем украдена жительствовавшей прежде сего здесь Юрьевского купца Федосея Михайлова жёнкою Прасковьею Даниловою и заложена в Забалуевском питейном дому, и которую представля при том просит сделать ей законное защищение.

Приказали: Представленную при сём объявлении жёнку данилову отдать под стражу, а в краже перины и подушки по силе имянного 763-го года февраля 10-го дня указа в присутствии ратуши её допросить; для осмотра ж в Забалуевский питейный дом, не окажется ли той перины в закладе, отправить определённого для исправления по полицейской части должности ратмана – Козму Зимина, и что по его осмотру окажется велеть ему ратушу репортовать о чём ему и объявить.⁹

Прекрасным солнечным днём 12 мая 1803 года на лугу возле Гавриловской Старопашенной дворцовой слободы с сорока аршинами мокрого, краденого с того луга холста, крестьянами был задержан с цепью на шее (как оторвавшийся Шарик) человек, позже поведавший на допросе в ратуше свою горькую историю.

«Что де он здешнего посада купеческий сын Степан Семёнов Осеев. Пойман в краже им Гавриловской Старой пашенной слободы подле овинов из насланных на лугу для беления крестьянских холстов крестьянина Петра Павлова холста, мерою сорок аршин. От роду ему 30 лет, на исповеди сего года в великий пост был, а у святого причастия не был. Сего мая 7 числа содержался он за пьянство в здешней ратуше под присмотром. И того дня в вечеру он, разведя у стула цепь, и пошедши с тем стулом якобы на двор со сторожем, вышедши, оставил стул и с це-

пью ушёл. И ходил со оною по разным в поле местам, где и ночевал. А сего мая 12 числа, пришедши в Старую пашенную слободу, наперёд зашёл к крестьянину Игнатью Иванову Ерохову и выпросил у него заимообразно денег двадцать пять копеек; с которыми ж зашёл к крестьянину ж Андрею Николаеву Шелухину и, поговоря с ним, послал ево купить в питейном доме на те деньги вина, а сам дожидался ево позади ево двора на угороде. И когда он пришёл, то выпивши вино вдруг оной Шелухин послал ево на луг для кражи настланных на том лугу для белья холстов, а он остался позади для смотрения, не увидел бы кто. Почему он, пришедши на тот луг, один мокрой холст взял, и, взявши, пошёл вдоль по лугу к мосту, что ездят через реку Ирмезь в Старую пашенную слободу, где ево, не доходя ещё до того мосту, прибежавши, той пашенной слободы крестьяне Александр Елисеев и Елизар Иванов с тем холстом поймали и со оным привели к соцкому Даниле Петрову, а оной представил Дворцового Гавриловского конского завода смотрителю фон Норденбергу; а от онаго, без всякого от него допроса, отослан в сию ратушу».

Ратуша постановила: «На основании 1725-го июля 8-го и 1763-го годов февраля 10-го числ указов о сыску и о скорейшей присылке оговорного Старой пашенной слободы крестьянина Андрея Шелухина, для учинения допроса и очной с купецким сыном Степаном Осеевым ставки, в ратушу. К господину смотрителю фон Норденбергу, с прописанием допроса сообщить с тем, дабы он благоволил для бытия при допросе сам прибыть в сию ратушу или прислать кого заблагорассудит». Протокол подписал Бургомистр Гаврила Алексеевич Зимин – пра-прадед знаменитого учёного А.И.Зими́на. По запросу ратуши посадская Дума дала справку, что «... означенный Степан Осеев в штрафах и подозрениях не был, а поведения слабого и обращается почасту в пьянстве. После многочисленных и продолжительных судебных процедур Степан Осеев был отправлен во Владимирский работный дом «для зарабатывания двойной цены украденному холсту», то есть шестнадцать рублей. А через две недели Степан уже вышел на свободу «с чистой совестью» и вернулся в родной посад.¹⁰

1804 года июня 10, пятък.

1. Сообщение Суздальского городничего 7-го класса Креля, коим прописывает: Поданным де к нему сего июня 3-го числа находящийся при градской полиции сотской Харовщиков ра-

портом донёс. Что оного числа усмотрен им в тамошнем городе Суздале не имея у себя никакого письменного вида, здешнего посада купец Иван Зимин, который находясь пьяный в одной рубашке и при нём имелся под пазухою ветхий на подкладке-крашенинный сарафан, который с тем Зиминым при рапорте и представлен; почему он Зимин и допрашиван. А в допросе хотя они показал, что он тот сарафан купил в тамошнем городе на торговой площади у неизвестной женщины, но сийо состоит под сумнением. А при том он Зимин сознался, что он тогда был пьяной, почему оный Зимин произведённым ему допросом и с учинённым означенному сарафану свидетельством для разрешения и поступления с ним, Зиминым по законам, равно и с тем сарафаном в сию Ратушу и прислан; однако того сарафана в присылке не оказалось. В произведённом же ему Зимину допросе значится, что сего июня 2-го числа, то есть в четверток пришёл он Зимин в тамошний город для работы, а у кого- он того из обывателей сыскать может, без всякого письменного виду. Коего июня 3-го числа он Зимин, напившись вина, сделался пьяный и оставался в одной рубашке. И будучи в том пьянстве купил в тамошнем городе на торговой площади у неизвестной женщины. Носящей ево крашенинный синий сарафан ценою за тридцать шесть копеек. Итого же числа он Зимин взят пьяной же в одной рубашке и с тем сарафаном. Находящимся при градской полиции соцким Харовщиковым и представлен к господину городничему. Причём слушано здешней шестигласной Думы сообщение, коим прописывает, как де той Думе не безизвестно, что сдешнего посада купец Иван Тимофеев сын Зимин паки прислан в сию ратушу от Суздальского Г-на городничего с забритием лба при сообщении; но по какому делу той Думе не известно. А по елику оной купец Зимин надобен и той Думе для того определено: В сию Ратушу сообщить дабы благоволила по рассмотрении об нём дела не освобождая прислать ево в Думу, равно и почему он от Суздальского Городничего прислан уведомить. Приказали: Хотя означенный купец Иван Зимин по силе Устава о благочинии 256-й статьи за пьянство и подлежал наказанию: суточному содержанию на хлебе и воде; но как он с 3-го числа сего месяца по ныне находился в пересыпке и под стражею, то вменяя ему сие содержание. От оного наказания и из под стражи его Зимина учинить свободным. А дабы он впредь от такого пьянства воздержался, в присутствии ратуши

сделать ему строжайшее предупреждение, в чём обязать его подписанием.

Здесь же шестигласной Думе на требование её с прописанием дела с его обстоятельств сообщить с таковым изъяснение, что если ей он Зимин надобен, то бы она сама его к себе и призвала.¹¹

Бургомистр: Алексей Зимин.

1805 год, 21 июня среда.

Слушали:

1. Объявление здешнего посада мещанина Дмитрия Козлова, кой прописывает сего де июня на 20-е число в ночи невесть кем покрадено у него из задней горницы в окно разного Ево и жены его платья. А имянно: овчинный тулуп поношенной, халат затрапезной поношенной же, мужских рубаш три. Одна астраханской пестреди, а две синие, да порты синие; детская рубаш синяя ж, шугай китайчатый зеленой поношенной, сарафан китайчатой синий новой, два платка бумажных, косынка белая бумажная, скатерть небольшая холстинная. Которую покражу усмотрел он, вставши по утру; а осмотра стал спрашивать не видал ли кто из соседей кого с тем платьем. По которому спрашиванию здешней мещанин Фёдор Ильин сын Козлов начал ему оказывать, что на спрашивание его ехавшие по Шуйской большой дороге через здешний посад с товаром крестьяне сказывали ему, что попался им встречу близ деревни Путятино человек, который нёс за плечами узел, завязанный в затрапезном халате, почему он, взявши с собою племянника своего здешнего купца Ивана Петрова сына Мяхкова поехали тою Шуйскою дорогою и нагнали в деревне Марковце с тем узлом здешнего мещанина Степана Семёнова сына Недошивина, коего с тем узлом и взяли. И для поступления с ним за оную покражу по законам Ево, Недошивина с показанным узлом в сию ратушу и представив при том.

Приказали: Означенного мещанина Недошивина о краже того платья по силе имянного 1763-го года февраля 10-го дня Указа в присутствии ратуши допросить и что покажет доложить, а до решения дела содержать Ево под стражею, представленное с ним платье через определённых присяжных ценщиков оценить по силе высочайшего о управлении губернией учреждения 266 статьи отдать показному мещанину Козлову

с росписью.¹²

Бургомистр: Алексей Зимин
Ратманы: Василий Мурыгин и Фёдор Зезин.

23 июня пяток.

Допрос učinённый представленном в сию ратушу при объявлении от здешнего мещанина Дмитрия Козлова здешнем мещанину Степану Семёнову сыну Недошивину в котором показано: Минувшего де мая 24-го дня из здешней шестигласной думы отослан он был для воздержания от пьянства во владимирский смирительный дом, в котором по 15-е число сего июня и находился. И того числа будучи на работе при доме Его Сиятельства господина тайного советника владимирского гражданского губернатора князя Ивана Михайловича (Долго-рукова. – *Б.В.*) обще с товарищами: здешним мещанином Иваном Зиминым и Переславской Рыбной слободы (ныне г. Рыбинск) жителем Иваном, а по отчеству не знает из за присмотре солдата без всякого спросу сбежали, и пришли в состоящее по большой дороге к городу Суздалью село Красное в котором на Собственные свои деньги и напились все пьяны и ночевали. И проспавшись он- Недошивин по утру рано встал и оставя их в том селе от них ушёл в гавриловский посад, и никуда в оном не заходя ходил Юрьевской округи в село Бережок для пьянства, а 18 числа сего июня пришёл обратно в посади лежал в Кирпичном сарае. А на 20-е число сего июня пришел он к дому означенного мещанина Дмитрия Козлова. Полезши по крышке к окну задней горницы, усмотрел. Что в ней никого людей не имеется. Выставив оконницу влез в эту горницу, а влезши забрал разного платья, и имянно: тулуп овчинный., халат затрапезной. Две рубахи синие мужские, порты и синюю рубаху детскую, шугай китайчатой, сарафан китайчатой же, два платка бумажных. Косынку белую бумажную, скатерть холстинную и завязавши в халат, а тулуп надевши на себя (Это в конце то июня!) ушёл с тем узлом в то же окно, и пошёл прямо по большой шуйской дороге, и шёл по оной до деревни-перекрёстка. (Д. Морозово). А от оной пошёл по Ростовской большой дороге, и притти хотел в деревню Дешевцы, и как пришел он в деревню Марковицы, то во оной означенный мещанин Козлов с племянником своим здешним купцом Иваном Мяхковым Ево, Недошивина нагна-

ли, и взяв с тем платьем, представил он Козлов при объявлении Ево Недошивина в сию ратушу; Рубахи мужской астраханской пестреди он не бирывал, а с чего он Козлов на него показывает, что будто он и её украл того не знает. А в прошлом 1803 году он Недошивин за кражу холста был отослан для зарабатывания цены тому холсту во владимирский рабочей дом, кроме сего ещё других краж не чинивал.

Приказали: Оный допрос приобщить к делу, и учиняя справку из оного дела и законов выписку. доложить немедленно.¹³

1831 год.

1. Сообщение дворцового Гавриловского конского завода смотрителя титулярного советника фон Норденберга кой прописывает: Сего де июля 20-го числа упомянутого завода конюх Илья Курнаев должен был вступить к охранению имеющейся в оном заводе казённой денежной суммы караульным; но как к должности, так и на свою квартиру не явился. Ныне же по отыскиванию его посланным нарядчиком Михалёвым оказался под стражею здешнего посада в тюрьме из которой при нём, — нарядчике и освобождён. А явясь к нему объявил, что того числа в полуденное время намереваясь идти к отправлению своей должности, в означенном посаде был взят квартальным и отведён в тюрьму в которой и содержался до прихода нарядчика Михалёва взаперти. Неизвестно по какой причине и без всякого допроса освобождён.

А как через задержание оного конюха Курнаева для хранения денежной казны последовало затруднение и опасность, почему и требует, дабы Ратуша сия благоволила справиться кем и за что оный конюх Курнаев был содержан в тюрьме, и какое об оном производилось письменное производство — для донесения Экспедиции Государственных конских заводов и Его Сиятельству Владимирскому гражданскому губернатору князю Ивану Михайловичу Долгорукову. Да впредь благоволит сия Ратуша по случающимся делам не уведомляя немедленно ево, безгласно Гавриловского Завода Служителей в тюрьме не держать и через то от возложенных на них должностей не отвлекать.

А по справке в ратуше той оказалось: Означенный конюх Курнаев квартальным был взят в драке Суздальской округи деревни Брылы с крестьянином Никитиным пьяной. И дабы он

проспался был задержан, а как вытрезвился, то и освобождён.

Приказали: об оказавшемся по справке заводскому смотрителю Норденбергу на требование его дать знать сообщением.¹⁴

Бургомистр: А. Зимин.

Ратман: В. Мурыгин.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1209. Кн.465. Л.237.

² Бобров А. Гавриловский посад за 200 лет назад по писцовым книгам. – Сергеев Посад, 1893. – С.42.

³ РГИА. – Ф.979. Оп.4. Д.148. Л.1.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. – Ф.979. Оп.1. Д.6. Л.229об.

⁶ Там же. – Л.335.

⁷ РГИА. – Ф.979. Оп.1. Д.18. Л.167об.

⁸ Там же. – Д.23. Л.93.

⁹ Там же. – Д.26. Л.255.

¹⁰ Там же. – Д.34. Л.161.

¹¹ Там же. – Д.37. Л.182.

¹² Там же. – Д.40. Л.188.

¹³ Там же. – Л.192.

¹⁴ РГИА. – Ф.979. Оп.1. Д.149. Л.245.

П. С. ДУБРОВСКИЙ, С. П. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОМЫСЛАХ

Если проследить исторические причины и особенности создания и развития народных промыслов, то начать нужно с того, что в эпоху господствующего натурального строя крестьянского хозяйства, земледельческое население, при низком уровне развития как материальных, так и духовных своих потребностей, мало прибегало к посторонним, вне своего земледельческого хозяйства, неземледельческим промыслам. Крестьяне были сами производителями всего того, что было им нужно, и, получая от собственного натурального хозяйства все предметы первой необходимости, они не нуждались ни в рынках труда, ни в рынках товара.¹ Это накладывало свой отпечаток и на регионально-

географическую структуру промыслов, в зависимости от местных природных ресурсов, занятости населения, урожайности земли, этнокультурных, религиозных и других особенностей жизни в регионе. Исходя из особенностей соотношения крестьянского труда и занятости в промыслах, можно попытаться выделить несколько групп с различными соотношениями, прежде всего экономических приоритетов.

Во-первых, можно выделить соотношение, когда крестьянский труд является основным. Семья кормится от земли, а промыслы, как таковые, еще не выделяются, а являются частью натурального хозяйства крестьянина. Крестьянин производит, какую-то часть утвари, инструментов, конской сбруи, рыболовных и охотничьих принадлежностей и пр. для своих собственных, домашних нужд. По классификации М. И. Туган-Барановского, это «чистая стадия домашнего производства, когда товарный продукт производится исключительно для потребления в своей семье, без продажи излишков на рынок».² Сегодня такой вариант возрождения народных промыслов маловероятен, но возможен там, где люди не могут найти работу и в перспективе ее не предвидится. Либо это сознательный уход от цивилизационных процессов. Это сектантство, исторические реконструкции (Анастасиевцы и др.), в некоторых случаях старообрядчество. В этой стадии крестьянин, глава семьи, основную часть времени посвящает труду земледельца, а промысел, или вернее разнообразные *умения* являются необходимым дополнением натурального хозяйства. Домочадцы если и задействованы в подобной работе, это является удовлетворением внутренних нужд домохозяйства и не является промысловой деятельностью с целью дополнительного заработка. Эта фаза наиболее характерна для ранних земледельческих форм ведения хозяйства.

Во-вторых, это продажа части изделий домашнего производства на рынок с целью получения дополнительного дохода, особенно, если какое-то *умение* или навык приобретают профессионально-ориентированную подготовку, когда «...известная часть продукта, излишек, не нужный для собственного потребления, поступает в продажу».³ Сегодня полноценное крестьянское хозяйство только возрождается, поскольку частная собственность в советское время была запрещена. Поэтому говорить о широком распространении такого типа народных промыслов не приходится.

В-третьих, это категория крестьянских семей, вошедшая по классификации М. И. Туган-Барановского в стадию кустарного производства, когда земледелие становится таким же заработком, как и кустарные занятия. У них старинная «тяга к земле» борется с новым видом дохода. В иконописных промыслах XIX века к этой категории можно отнести художников Палеха, в отличие от мастеров Холуя и Мстеры, у которых земельные наделы были минимальны или их вовсе не было. В этой категории домохозяйств члены семьи могли участвовать в промысле с целью приработка. К этой категории можно отнести семейные промыслы, организованные на базе народно-художественных промыслов советского времени, где производство имело артельную форму. Сегодня это пример маленьких, семейных мастерских в Палехе, Холуе (лаковая миниатюра и иконопись), село Красное-на-Волге (ювелирный промысел), Ростове Великом (финифть) и др.

В четвертую группу можно выделить кустарей и ремесленников, давно порвавших связь с землей, или не имевшей ее вовсе, в жизни которых земледелие уступило место промыслу. К этой категории могли относиться не только выходцы из крестьян, но даже мещане и купцы. Сегодня это наиболее массовая часть населения, которая возрождает или принимает традиции промыслов советского периода: гостевые дома, этнический и религиозный туризм, исторические раставрации и др. Графически эту классификацию можно представить в виде рис. 1.

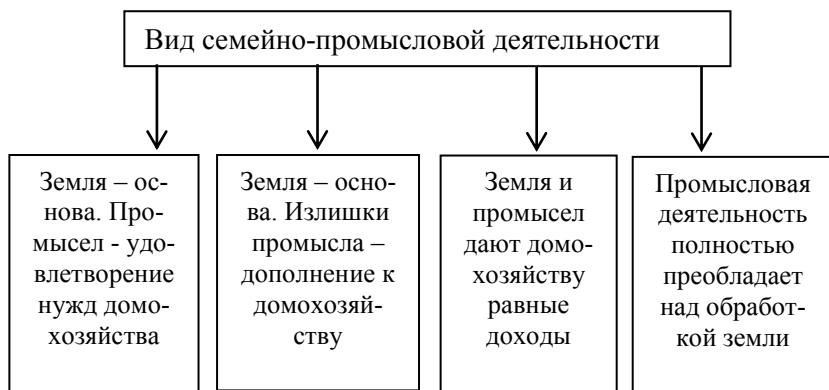

Рис. 1

Исторически в ранний период развития промыслов стадия домашнего производства, мотивация кустарного и земельного

труда были тесно взаимосвязаны. По бытовому представлению, хороший кустарь должен был обязательно быть и хорошим земледельцем. «Без земли хоть до упаду работай, а сыт не будешь»⁴. В приверженности к земле проявлялись традиционные ценностные ориентация, при которых успех земледельческого труда был главным – «сенокос – дороже всех заработков»⁵.

Подобное отношение к главному источнику существования – земле, накладывало свой отпечаток и на отношение к промыслу, что иногда отражалось и на топонимике мест традиционной промысловой деятельности, в которой крестьяне отдавали приоритет промыслу, а не земледелию.⁶ С этой точки зрения и название традиционно неземледельческого села Холуй, центр иконописных промыслов с XVI до начала XX века, может иметь неоднозначную трактовку, хотя холуями в старину называли верши для рыболовов, которыми перегораживали реку в половодье. Крестьяне в Холуе землю не пахали и жили от основного и сопутствующих иконописных промыслов, привлекая к работе всех членов семьи.⁷ Сегодня деятельность промыслов, являющихся традиционными для бывшей Владимирской губернии не угасла и хотя большинство промыслов бывшего Вязниковского уезда разделились и находятся сегодня как на территории Ивановской области, так и Владимирской – они работают.⁸ Это лавковая миниатюра и возрождающаяся иконопись в селах Палех, Холуй и Мстера. Это ЗАО «Мстерский ювелир», сохраняющее традиции бывших «фолежных» мастерских, занимавшихся изготовлением различных по стоимости и мастерству окладов для икон. Это ООО «Мстерская вышивка» (вышивка белой нитью по батисту или маркизету), сохраняющее традиции бывшего «женского промысла», известного в XIX в. далеко за пределами Владимирской губернии и др.

Наряду с традиционными промыслами Владимирской губернии, рынок сегодня способствует созданию новых видов частнопредпринимательской деятельности, ранее не характерных для данной местности. С этой точки зрения можно говорить о народных промыслах не только как о сохранении традиций, но и о создании народных промыслов на новых рыночных условиях, в зависимости от фантазии организатора и учета рыночных сегментов.⁹ Примеров таких уже достаточно много. Это лозоплетение в селе Воскресенское от предметов быта до оплетения лозой целых комнат и изготовления мебели в домах обеспечен-

ных людей. Это изготовление кованных изделий из булатной стали в г. Павлово на Оке. Сегмент этого рынка постоянно растет от охотничьих ножей до казацкого холодного оружия. Это изготовление специфических гончарных изделий и глиняных игрушек в г. Ковров Владимирской области и др. Причем юридические формы новых центров народных промыслов могут быть от ЧП до артелей и МП с использованием наемного труда. Хотя по определению, сформулированному в процессе исследования разнообразных промыслов, к народным промыслам могут относиться виды трудовой деятельности некапиталистической формы производства, т. е. без привлечения наемного труда.¹⁰

Неотъемлемой составляющей народных промыслов является соблюдение художественных традиций, поскольку именно традиции возрождают к жизни те промыслы, которые ушли в небытие. Это особенно выражено в возрождении иконописных промыслов в традиционных центрах бывшего Вязниковского уезда Владимирской губернии – Палехе, Холуе и Мстере. Как и до революции, при возрождении промысла вокруг начинают сосредотачиваться подсобные и сопутствующие промыслу производства. Это массовое изготовление иконных досок в Вязниках, Шуе и Коврове. Причем доски изготавливаются самых различных размеров и степеней подготовленности. Здесь, в качестве сопутствующего производства, возможно создание МП с использованием наемного труда.

Традиции предполагают сохранение не только стиля, но и традиционных технологий в изготовлении народных промыслов. Не секрет, что рынок предполагает максимальную оптимизацию и удешевление производства, что соответствует самой экономической сути рыночной экономики. Но это идет в разрез с требованиями вековых традиций и даже производственных секретов в народных промыслах. К сожалению, этот процесс затронул и такие традиционные промыслы, как лаковая миниатюра Палеха и Холуя. Соблюдение последовательности технологий для получения настоящей Палехской лаковой миниатюры требует не менее шести месяцев от раскрытия картонных заготовок до окончательной полировки готового изделия. Однако для ускорения производства при изготовлении «сырья» сегодня применяют синтетические автомобильные лаки и шпаклевки. Это резко уменьшает срок изготовления заготовок, но это уже и не Палех в традиционном смысле этого слова. Подобные попытки предпри-

нимались и в советское время, но тогда художественный совет резко отверг подобные предложения.¹¹

Одним из острейших вопросов в народных промыслах является вопрос сбыта готовой продукции, тем более, что центры промыслов находятся, как правило, далеко от мест массового потребления. Встает вопрос о посреднике. Если вы работаете на посредника, то посредник, по-видимому, корректирует вашу деятельность. Посредник, предлагая ассортимент продукции, которую необходимо выполнить предпринимателю, обязательно должен учитывать тот сегмент рынка, на кого он планирует работать, а если такового сегмента нет, то необходимо учитывать конъюнктуру спроса на тот или иной товар.

Если, например, сегодня в Палехе меньшим спросом пользуются броши, но растет спрос на кулоны и серьги, естественно, посредник будет делать заказ на эти продукты, или, если он дает художнику готовое сырье (заготовки изделий), то прежде, чем давать художнику заказ на роспись, он сначала сделает заказ рабочему, который делает заготовки именно на те размеры, формы и другие особенности, спрос на которые предлагает покупатель. Но успешное функционирование народных промыслов, наверное, в существенной степени связано с тем, что они должны обладать определенной гибкостью и реагировать на изменяющийся рынок. Тогда можно говорить, что народные промыслы традиционны и можно говорить о гибкости.

В чем же заключается *традиционность*? Традиционность заключается в том, что, например, в Палехе делали различные шкатулки, пластины, вместе с тем там же могут делать различные ювелирные украшения с применением кабошонов из папье-маше, украшенных Палехской росписью.

Гибкость проявляется в том, что в рамках своего Палехского исполнительного искусства можно изменить гамму сюжетов, например, сегодня большим спросом пользуются различные природоландшафтные сюжеты, исполненные в традиционной технике. Можно изменить оформление, например, стали большим спросом пользоваться изделия на цветном фоне, нехарактерном для Палехской традиции, или сложные, вычурные формы ларцов, мало применяемые в советское время. Это, с одной стороны, определяется конъюнктурой рынка и выбором новой сегментной ниши, но с другой – дает возможность художнику-индивидуалу находиться в поиске и при удачных находках

иметь дополнительную прибыль. Все это в рыночной экономике, конкретно в маркетинге, именуется *приданием новых качеств старому благу или старой услуге*, что является одним из самых доступных и распространенных инструментов маркетинговой деятельности.¹²

Еще одной особенностью ухода от традиций является вынесение доходного и популярного промысла за пределы традиционного места производства. Например, художники, выпускники Палехского художественного училища, уезжая из Палеха, постепенно теряли связь с Художественным Советом, с местными традициями и вообще с самим местом промысла. Более того, количество подделок «под Палех» настолько велико, что даже в Москве или Санкт-Петербурге увидеть настоящий Палех почти невозможно. Это относится не только к Палехской лаковой миниатюре, но и к Ростовской финифти, изделиям Гжельского фаянса и др. Борьаться с подделками под популярные бренды чрезвычайно сложно.

Одна из проблем заключается в том, что народные промыслы возникали и развивались как некий анклав. Например, Палех тоже можно считать анклавом, но известность Палеха настолько серьезна, спрос на палехские изделия настолько солиден, что стали возникать подделки, что называется послойного уровня. Величина и размах этих подделок настолько многообразны, что на них следует остановиться отдельно. Их условно можно классифицировать на 4-5 типов.¹³

Особенно резко и с большим сожалением о происходящем высказался на заседании круглого стола, организованного администрацией Южского района по случаю проведения третьей Тихвинской ярмарки в Холуе, высокопрофессиональный художник, заслуженный работник культуры РСФСР, бывший директор Холуйской художественной фабрики А. А. Каморин. Он говорил, что именно отсутствие государственного контроля за чистотой качества товаров Холуйской и Палехской миниатюры отбирает у художников их заслуженный заработок, а само государство от невозможности брать налоги с поддельщиков теряет сотни тысяч рублей дохода. Об этом же говорил и сегодняшний директор кооператива «Объединение художников Палеха» А. В. Дударов. Все выступающие художники говорили о том, что художник, оторвавшийся от общения с коллегами, от замечаний художественного совета, от самих истоков специфическо-

го творчества, теряет навыки, квалификацию и, самое главное, чувство ответственности за товарную марку.

Все вышесказанное говорит о чрезвычайно сложной и разветвленной сети сегментов современного рынка народных промыслов, как имеющих традиционную известность, так и вновь пробивающих себе пути на широчайший и все увеличивающийся рынок народных промыслов. Об отрицательной роли подделок как для престижа самого Палеха, так и о том, что профессиональные художники вынуждены конкурировать с разноуровневыми или даже более дешевыми подделками, говорил и заслуженный работник культуры, член Союза Художников России Б. Н. Кукулиев, выступая на заседании круглого стола в селе Холуй в июле 2005 года.

По данному разделу можно сделать следующие обобщения: в народных промыслах кооперативы или артели как форма собственности складываются или формируются обычно в том случае, когда налицо какой-либо выигрыш. Если есть выигрыш, люди *охотно* сколачиваются в артели. Если ситуация находится во взвешенном состоянии, т. е. выигрыш может быть, а может и не быть, люди неохотно идут в артели, а кроме того, эффект артели – это во многом эффект деятельности организатора. Когда есть люди опытные, знающие и одновременно к ним есть доверие, артель работает.

Народные промыслы в России могут иметь не только традиционные торговые, сбытовые или просто потребительские функции, но могут быть проводником национальных традиций, исполнять этнокультурную или даже духовную функции, способствуя сохранению и укреплению духовного и физического здоровья нации.

¹ *Исаев А.* Общий характер Московской промышленной области // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, экономическом и бытовом значении. Т. 6. М. – Санкт-Петербург: Товарищество М. О. Вольф, 1899. – С. 58.

² *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономики. – М.: РОССПЭН, 1998. – 663 с.

³ Там же. – С. 168.

⁴ *Титов А.* Очерки кустарной промышленности Ростовского уезда: ТКИКП. Вып. VII. – СПб., 1881. – С. 803.

⁵ *Лядов А.* Кустарные промыслы Владимирской губернии: ТКИКП. Вып. X. – СПб., 1883. – С. 2870.

⁶ *Короленко В. Г.* Павловские очерки // Русская мысль. – 1890. – № 9. – С. 21.

⁷ Леонтьев П. О. Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. – С. 17.

⁸ Дубровский П. С. Народные промыслы как форма мелкотоварного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Монография. – Иваново-Шуя: Весть, 2005. – С. 68.

⁹ Там же. – С. 68-69.

¹⁰ Дубровский П. С. Предпринимательство в народных промыслах. Исследование социально-экономических характеристик сел Палех и Холуй. Монография. – Иваново-Шуя: Весть, 2008. – С. 33.

¹¹ Дубровский П. С. Народные промыслы как форма мелкотоварного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Монография. – Иваново-Шуя: Весть, 2005. – С. 57.

¹² Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. – М.: Бизнес-книга, ИМА-Кросс. Плюс, 1995. – С. 24-25.

¹³ Дубровский П. С. Народные промыслы как форма мелкотоварного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Монография. – Иваново-Шуя: Весть, 2005. – С. 107-108.

С. С. ХАРИТОНОВ

(г. Камешково, Владимирская обл.)

**ПОГОСТ ВЕРЕТЕВО (КОВРОВСКОГО УЕЗДА)
И Г. СУЗДАЛЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ
ПИСАТЕЛЯ-НАРОДНИКА И. Н. ХАРЛАМОВА
«БЕЗ НАЧАЛА И БЕЗ КОНЦА»***

И. Н. Харламов (1854–1887) – писатель-народник, уроженец погоста Веретево Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне территория Камешковского района Владимирской области), автор художественных и публицистических очерков, работ по истории церковного раскола и сектантства, социально-экономическим и общественным проблемам крестьянства, интеллигенции и пр. Рассматривая эти вопросы, народник, так или иначе, касался культурных и религиозных основ идентичности российского общества второй половины XIX века. В 2014 году отмечается 160 лет со дня его рождения.

* Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 927/14 на выполнение гос. работ в сфере научной деятельности.

Автобиографический очерк И. Н. Харламова «Без начала и без конца» (с подзаголовком «Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве») опубликован в № 5-6 журнала «Вестник Европы» за 1884 год и с тех пор целиком не переиздавался.¹ Объём очерка – 35 страниц. Сочинение охватывает события детства писателя – жизнь в погосте Веретево Ковровского уезда Владимирской губернии² (1854–1864), а также отрочества – период обучения в Суздальском уездном духовном училище (1865–1869). Очерк написан от первого лица в виде воспоминаний. Произведение не богато подробностями краеведческого характера – гораздо больше внимания уделено раскрытию содержания внутреннего мира ребенка, характеристике персонажей очерка, драматическим событиям детских лет. Тем не менее, воспоминания ценны тем, что являют нам материал, воссоздающий быт одного из селений уже исчезнувшего с карты Владимирщины, рисуют неповторимые характеры его обитателей, живших полтора столетия назад, а также добавляют штрихи к повседневному портрету одного из провинциальных уездных городов России.

По содержанию произведение можно разделить на две части: период жизни в погосте Веретево и годы учёбы в Суздальском духовном училище. Различие и даже противопоставление сельской и городской культуры – тема, красной нитью проходящая через всё творчество Харламова. В работах народника «город» и «село» предстают как непримиримые враги. Основное отличие между городской и сельской идентичностью писатель видел в утрате традиционных (общинных) ценностей горожанами и распространении индивидуализма, проявлявшегося в «той страшной борьбе за «моё» и «твоеё», когда «не только сёстры и братья, но и мужья и жёны, отцы и дети тщательно стремятся разграничить и отделить свои карманы от карманов близких»³. Симпатии самого автора не вызывают сомнений. Так, один из его беллетристических очерков носит красноречивое название «Вражья сила», под которой автор подразумевает городскую среду. Очерк «Без начала и без конца» служит тому подтверждением.

Картины жизни маленького погоста, «затерянного в лесу одного из глухих мест средней полосы», отличаются грустной лиричностью и имеют, по признанию самого писателя, «совершенно идиллический характер». Центральное место в первой части произведения занимают фигуры священнослужителей.

Харламов подчёркивает, что священнослужители, игравшие, по сути, роль интеллигенции в погосте, также как и другие обыватели, старались не отставать от времени, идти за веком, поэтому повествование проникнуто идеей уважения к знаниям: любили «книжку» в погосте, батюшки читали «охотно и много», порой даже с ненасытностью. Нередки были между ними богословские споры. Писатель передаёт впечатления от одной из таких дискуссий между отцом (священником Николаем Александровичем Харламовым) и дьяконом Дорофеичем⁴: «Величайшим уважением проникался я к дьяконовой учёности при таких спорах: он то и дело цитировал и, кажется, мой отец и другой его товарищ - священники отделялись всегда от дьякона только своей диалектикой»⁵. Перу священника Харламова принадлежала статья в «Записках» местного сельскохозяйственного общества, Дорофеичу – «монументальный» (около полпуда весом!) десятилетний труд – толкование одного из наиболее сложных евангельских изречений «изберите себе друга от мамона неправды»⁶. Ещё одним детищем Дорофеича явилась «самородная» машина – приспособление для обмолота зерна. Несмотря на печальный финал обоих проектов дьякона и некоторую наивность их создателя (погосту молотилка «доставляла постоянно неиссякаемый источник потехи»), автор говорит о Павле Дорофеиче с теплотой и уважением к его неординарным способностям. Олицетворением идеи авторитета знаний можно считать сына покойного дьячка, студента медицинского факультета Московского университета Фёдора Борисовича «с пустым карманом, но зато с полным надеждами сердцем и с жаждущей света головой». В этой связи вполне закономерным было уважение батюшек к «уму, к энергии, с которой люди собственным лбом пробивают себе дорогу».

Совсем иным колоритом окрашена вторая часть очерка. Здесь народник уже не стремится смягчать краски, подчёркивая, что «наш глухой городишка, Богом спасаемый, но людьми совершенно забытый, хотя и играл роль лет тысячу тому назад».⁷ Наряду с картиной безмятежной провинциальности, автор заостряет внимание читателя на пороках городской жизни: среди жителей нередко «спесиво-задорные и наглые фигуры». Харламов не обходит стороной и чиновника-пьяницу полицейского управления, и городскую голытьбу; в красках рисует жизнь подростка на съёмной квартире, где тот становился свидетелем житейских пороков её постояльцев. Субъективную резкость в оценках го-

родского быта усиливает контраст с чистой безмятежной жизнью в маленьком погосте. Суздаль Харламов рисует «уездным захолустьем».

Одной из наиболее значимых тем в очерке стала идея борьбы за справедливость, непримиримость к человеческим порокам. Олицетворением этой борьбы в первой части произведения можно считать бабушку автора, не побоявшуюся направить жалобу в Синод на архиерея, чтобы отстоять права своей семьи. «Беда маленькому человеку на свете – говорила она внуку, – заключают коршуны! Только что с бою возьмёшь, то и твоё счастье!». ⁸ Во второй части очерка Харламов выделяет двух персонажей – часовщика, фотографа Ермолая Иваныча и заштатного дьячка Льва. Оба героя чужды мещанства и являлись обличителями людских пороков, растлевающих душу, и поэтому не пользовались любовью горожан, были белыми воронами в среде городских обитателей. Льва Харламов так и именует – «ходячая совесть города N». При этом оба они имели трезвый ум и могли, по мнению обывателей, благополучно устроить свои дела, влиться в мещанскую среду. Однако, вопреки здравому смыслу и имеющимся возможностям, иной миссии, кроме обличения, они для себя не представляли. Именно этот факт, как отмечал Харламов, больше всего и задевал горожан. Тема борьбы с пороками общества более глубоко раскрыта в очерках Харламова, посвящённых истории церковного раскола, где он определяет тип лидеров раскола – протопопов Аввакума, Ивана Неронова как проповедников-обличителей. В какой-то степени роль, которую играли названные персонажи в суздальском обществе (в особенности Лев), можно сопоставить с ролью юродивых. Активная сторона юродства, по мнению исследователя культуры Древней Руси А. М. Панченко, заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. ⁹ В целом описываемая тема созвучна теории К. Н. Михайловского о героях и толпе.

Стоит также остановиться на некоторых краеведческих деталях. Рассказывая о собственной страсти к чтению (вспомним отношение к нему в Веретевском погосте), народник описывает суздальскую училищную библиотеку, которую, помимо духовной литературы, составляли книги о путешествиях, детские, исторические и бытовые произведения, журналы «Душеполезное чтение», «Странник» и др. Однако интересы подростка не огра-

ничивались подобным кругом, и тогда приходилась обращаться к местным книголюбам, владельцам «Графа Монте Кристо», «Лесного бродяги» и других произведений.

Как уже отмечалось, Харламов именует Ермолая Ивановича часовщиком и фотографом. Описываемые события принадлежат ко второй половине 1860-х годов, тогда как известная деятельность суздальских фотографов относится к периоду 1880-х годов.¹⁰ Таким образом, очерк Харламова уточняет картину жизни Суздаля и побуждает к дальнейшему изучению вопроса.

Образы борцов за справедливость перекликаются с фигурой самого автора, стоявшего перед похожим выбором. «Мне говорили о карьере, — вспоминает писатель, — я слушал и хотел «оправдать доверие», а какая-то неотразимая сила стаскивала меня с прямой и ровной дороги «паинек», помимо моего сознания, моей воли, и сопротивление этой силе доставляло мне только страдания...».¹¹ В связи с этим характеристика, данная самому Харламову известным владимирским краеведом конца XIX века А. В. Смирновым — «служитель истины и народа» — представляется, без сомнения, справедливой. Народник оправдал её своей жизнью и творчеством.

¹ Первая часть очерка опубликована в Камешковской районной газете «Знамя» 19 июня 2009 г.

² Веретевский погост, в котором священствовал отец писателя Николай Александрович Харламов с 1853 по 1864 годы, находился в 27 верстах от уездного города Коврова и в 50 верстах от Владимира и был известен с XVI века как вотчина Суздальского Покровского женского монастыря. В настоящее время как населённый пункт не существует.

³ Харламов И. Н. Из-за раздела (Очерк) // Московское обозрение. — 1876. — № 12. — С. 178.

⁴ Судя по церковно-приходской летописи Смоленской церкви погоста Веретево речь идёт о Павле Дорофеевиче Фортунатове, служившем в погосте с 1850 по 1868 гг. (информация предоставлена Г. А. Стахурловым).

⁵ Харламов И. Н. Без начала и без конца (Дневник в отрывках из воспоминаний о детстве) // Вестник Европы. — 1884. — № 5-6. — С. 517.

⁶ В церковнославянском переводе: «И аз вам глаголю, сотворите себе други отмамонынеправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечныя кровы». В синодальном переводе: «И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лк.16,9).

⁷ Харламов И. Н. Без начала и без конца. — С. 527.

⁸ Харламов И. Н. Без начала и без конца. — С. 515.

⁹Панченко А. М. Юродивые на Руси / А. М. Панченко. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб.: Звезда, 2005. – С. 27.

¹⁰По словам владимирского исследователя в области истории фотографии Г. Г. Мозговой, согласно переписи 1871 года, фотограф среди жителей Суздаля не упоминался.

¹¹Харламов И. Н. Без начала и без конца. С. 513.

Л. Э. КУЗНЕЦОВА
(г. Владимир)

**ОСОБЕННОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО БЫТА
КОНЦА XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ-САТИРИКА
П. В. ЗАВЕДЕЕВА***

История повседневности — перспективное научное направление, интерес к которому проявляют многие современные учёные, стремясь выявить её специфику, очертить предметную область, разработать особую методологию изучения. В результате исследований историками и философами были выявлены основные черты, присущие именно этому научному направлению. «История повседневности интересуются, прежде всего, многократно повторяющимися событиями, историей опыта и наблюдений, переживаний и образа жизни. Это история, реконструированная «снизу» и «изнутри» со стороны самого человека. Повседневность — это мир всех людей, в котором исследуется не только материальная культура, питание, жилье, одежда, но и поведение, мышление, переживание».¹ Таким образом, изучение повседневности в истории во многом ориентировано на выявление субъективной сферы бытия человека и соответственно требует особой источниковой базы, основанной на свидетельствах очевидцев, частной переписке, мемуарах и т. д. Данные материалы всегда эмоционально окрашены, содержат особые мнения и субъективные оценки окружающей действительности, что даёт исследователю возможность построить живую и яркую историческую картинку.

*Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Применяя этот метод, мы попробуем взглянуть «изнутри» на повседневность провинциального губернского города Владимира конца XIX века глазами местного писателя, публициста и редактора литературно-юмористического альманаха «Владимирская клюква» Павла Васильевича Заведеева. Его неопубликованные черновики сохранились в Государственном архиве Владимирской области. Под заголовком «По литературным волнам» он рассказывает с присущим ему сарказмом писателя-сатирика о личном опыте повседневного проживания в городе и своём отношении к окружающей его действительности. Начинает он свои заметки с того, какие прозвищаносили провинциальные города и их жители. «Русский народ щедрый на различные меткие присказки и поговорки – давным-давно, отметил, типично народные, по некоторым городам. Так, например, жителей города Осташков называют [орешниками], арзамасцев Нижегородской губернии – «гусаками», чебоксарцев Казанской губернии – «свиноедами», дмитровцев Московской губернии – «лягушечниками», смоленцев – «козовиками» и пр.

Город Уфу и Оренбург прозвали – первый «Чёртовой чернильницей», т.к. это очень грязный город, второй «чёртовой песочницей» и Оренбург действительно очень пыльный город. И я право не знаю, почему за нами, владимирцами осталось стойко прозвание «клюковников»; привычнее, на мой взгляд, было дать название «авось» или «небось» и просто «Владимир сонуль» ибо такого скучного апатичного и сонливого города, едва ли где-либо возможно было (найти), рассматривая увеличенную карту Российской империи². Далее писатель изображает владимирское общество в виде следующего литературно-сатирического сравнения: «Правда и у нас по времени заметно бывает оживление, но его можно сравнить, и при том довольно безобидно, с оживлением нескольких сотен раков заложенных в глубокое ведро... Произойдёт что-нибудь необыкновенное, например воды не хватит, душно станет – рак зашевелится, затрепещет, а при случае пожалуй может и за палец кого-нибудь дерзновенно ущипнуть и больно ущипнуть...»³. Может это далеко не картинное сравнение, но, во всяком случае, безобидное, заключает автор этих строк.

Светская жизнь в городе кажется автору весьма однообразной, повторяющейся изо дня в день с очень небольшими вариациями. «Например, неудачное амурство с Матрёной Гордеевной, но за то удовлетворительное приухлёстование за какой-нибудь Марией Савишной, прогулки с ней внутри сада, по бульвару, слушания хо-

ровой музыки, передача какой-нибудь провинциальной сплетни на Мефистофелеву тему... В общем, вы поймите, конечно, что наш город принадлежит к таким манерам, про которые у нас принято говорить — так хорош, чай, поди, отвернувшись не насмотришься...»⁴.

Весьма любопытны наблюдения П. В. Заведеева об экономической обстановке во Владимире. «Близость Москвы мешает развитию и укреплению какому-либо мало-мальски порядочному общественно-торговому предприятию... Вот, почему у нас нет ни одного порядочного магазина, театра, библиотеки, книжного магазина и прочее. Кто же заставит меня покупать какую-либо вещь, если я человек состоятельный во Владимирской гостинодворской лазейке, когда есть Москва в 5 часах.

Могу купить ту же вещь и более лучшего качества и дешевле несравненно и притом ещё вдобавок развлекусь дорогой и «вояжем» до Москвы белокаменной.

Кто, например, заставит меня покупать сахар по 25 коп. за фунт в то время когда он в Москве продаётся по 18 коп. Как это было, например, весной; кто будет покупать очень мерзкий чай «собственной» развески и чуть ли даже не подозрительно собственного приготовления наших владимирских коммерсантов, разве только пока живут бедно провинциально.

Вы, конечно, своеобразно удивитесь, когда узнаете, что у нас во Владимире есть тоже талантливые коммерсанты, что из «фишек» — это игра такая, нечто вроде упрощённого «домино» — ухитряются создавать каменные дома в несколько этажей, открыть «ресторации» и производить тому подобные коммерческие «карамболи», и в заключении в сознании собственного неотъемлемого достоинства понять, что нас обыграть из Москвы шулеры нарочно приезжали, да и то, шиш взяли.

А вот Вам и другой пример своеобразной коммерческой изобретательности.

Приходит на днях благоприятель и спрашивает, нет ли у меня обложек от Филипповского чая...

Грешный человек не понял я сразу всю суть дела и указал, было, ему на некоторые общедоступные общественные листки, на которых бумага мягкая и приятная для различных обиходных приспособлений.

– Нет, говорит, мне вовсе не для «обихода» – мне для коммерции.

– Как так? - удивляюсь я.

– Да так, говорит, я тебе, пожалуй, за каждую обложку пять копеек дам... только чтоб не больно рваные были!.. А то спитого чаю ничуть-ли по четыре рубля пуд.

Старался я узнать, зачем ему обёртки от Филипповского чая понадобились и спитой чай...

Osantissimplitus – ядовито говорите, наверное, вы конечно по адресу моей недогадливости..!»⁵.

Конечно, торговлю спитым чаем и виртуозное владение игрой в «фишки» вряд ли можно назвать основной гордостью Владимира конца XIX века, но задача писателя-сатирика заключается в преподнесении действительности в гротескных образах. В России злободневная сатирической литература была всегда популярна, так как являлась орудием борьбы с пошлостью и общественной несправедливостью. Лучшие образцы в этом жанре были созданы великими русскими писателями М. Е. Щедриным, А. П. Чеховым, М. М. Зощенко и многими другими.

Острые, ядовитые замечания П. В. Заведеева на социальные темы – это попытка разобраться в причинах культурной, социальной и политической отсталости провинции от крупных городов Российской империи. П. В. Заведеев, будучи не только уроженцем, но и постоянным жителем Владимирской губернии, стремился как можно резче подчеркнуть эту проблему, зафиксировать на ней мысль читателей, чтобы общество осознало её и попыталось преодолеть.

Нужно отметить, что в приведённых заметках и в других работах этого автора основной является тема персональной ответственности каждого человека за общество, в котором он живёт. Предприниматель, строящий своё дело на торговле спитым чаем или на шулерской игре за мелочным стремлением к выгоде, подрывает как экономический авторитет своей губернии, так и моральные устои своего маленького провинциального общества. Молодые люди, проживающие свою жизнь сонно и апатично, не стремящиеся к просвещению и активности, никогда не прославят свою землю.

¹ Вамбольт Н. В., Шубина М. П. Повседневность в истории // Вестник Омского государственного педагогического университета. – Вып. 2006 // www.omsk.edu

² ГАВО. – Ф. 607. Оп. 1. Д. 21. Л. 1об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – Л. 2, 2об.

Н. Ю. НОВИЧКОВА

(г. Иваново)

О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ПОЖАРНЫМ СЛУЖИТЕЛЯМ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Во все времена профессия пожарного относилась к разряду опасных для жизни. И в XXI веке, когда пожарные ведут борьбу с огнем, используя современные противопожарные технологии, они по-прежнему подвергают себя большому риску. Современные ученые, разрабатывая образцы новой техники, стараются сделать процесс тушения огня еще более безопасным, чем раньше, но и сегодня, выполняя свой профессиональный долг, пожарные не застрахованы от гибели.

В конце XIX века пожарная техника была далека от совершенства. Российские пожарные выезжали на место происшествия с бочками, ручными насосами, топорами, ломami, лопатами и ведрами. Паровые пожарные машины имелись только в крупных промышленных городах. Ветхость, скученность и легковоспламеняемость построек, а также неосторожное обращение с огнем приводили к возникновению частых пожаров. В большинстве провинциальных городов процесс пожаротушения проходил в условиях отсутствия водопровода, что заметно усложняло проведение противопожарных мероприятий, особенно в зимнее время. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата, постоянный риск получить увечье или погибнуть на пожаре, оставив семью без средств к существованию, – эти факторы приводили к тому, что состав пожарных команд постоянно менялся. В результате, опытных пожарных, которые могли бы передавать свои знания и таким образом помочь избежать травм на пожаре, было очень мало. Слабая профессиональная подготовка, отсутствие опыта и использование примитивных способов борьбы с огнем являлись основными причинами гибели пожар-

ных. Мер, принимаемых правительством, было недостаточно, поскольку пожары продолжали оставаться в стране главным бедствием.

В июле 1896 года в Нижнем Новгороде открылся II Всероссийский съезд пожарных и страховых работников.¹ Делегаты съезда, прибывшие со всех концов России, в своих выступлениях открыто говорили о недостатках в организации пожарного дела в России и о необходимости принятия самых решительных мер по обеспечению пожарных и членов их семей на случай получения ими увечий или гибели во время исполнения служебного долга. «Пожарный работник, – говорилось в одном из выступлений, – несет свою службу честно, бескорыстно и самоотверженно, а впереди у него ничего нет; перспектива быть раздавленным обрушившейся крышей, сгореть в объёме пламени строения, задохнуться в дыму пожарища – вот все, что ему вырисовывается на фоне будущего, а затем жалкая участь его жены и детей». Остальные ораторы были не менее красноречивы, поскольку речь шла о жизни и здоровье борцов с огнем. Понимая создавшееся положение, делегаты съезда сами начали сбор средств, и в первый же день было собрано более тысячи рублей на обеспечение пожарных.

При подведении итогов съезда было принято решение обратиться в совет Императорского Российского пожарного общества с просьбой оказать содействие в разработке проекта организации по оказанию помощи пожарным. Принимая во внимание важность поставленной задачи, совет общества учредил специальную комиссию, председателем которой был избран известный российский пожарный деятель Е. В. Богданович.² Через два месяца члены комиссии представили проект устава общества взаимопомощи пожарных на утверждение правительства. Документ получил полное одобрение в высших правительственных кругах и в течение трех месяцев (рекордные для российских чиновников сроки) прошел все инстанции до Государственного совета. 27 июня 1897 года проект был «высочайше утвержден» и вступил в силу.³ С этого момента началась история «Голубого Креста» – общества, долгожданного всеми российскими пожарными организациями и призванного стоять на страже их интересов.

Для обеспечения успешной деятельности нового общества прежде всего необходимо было создать фонд, который, согласно

уставу, являлся основой общества. Устав был разослан практически во все губернии, чтобы не только познакомить органы местного самоуправления с целями и задачами общества, но и пригласить пожарные команды вступить в его ряды. К сожалению, откликов было немного, и финансовый вопрос стал серьезным препятствием на пути к объединению всех пожарных деятелей России. К августу 1898 года удалось собрать уставной капитал в 10 тысяч рублей и начать, наконец, реально оказывать долгожданную помощь.

К концу 1898 года в составе общества насчитывалось 60 пожарных команд, которые застраховали около 5000 своих работников на суммы от 100 до 1000 рублей на случай смерти и полной инвалидности, и от 10 копеек до 1 рубля суточного вознаграждения на случай временной нетрудоспособности.⁴

Деятельность общества постепенно получала широкую огласку, и его уставной фонд постоянно увеличивался. Вступить в его члены могло любое пожарное подразделение России независимо от его статуса. Городские, сельские, фабричные, частные и любые другие виды пожарных команд после вступления в общество могли пользоваться предоставляемыми им преимуществами. Для этого необходимо было подать заявление в распорядительный комитет с указанием количественного состава пожарной команды, размера желаемого вознаграждения на случай смерти или потери трудоспособности. Далее требовалось указать численность населения в зоне ее действия, число построек и их высоту, количество несчастных случаев за последние 5 лет и выездов на пожары за последние 3 года. Исходя из этих данных, устанавливался размер членского взноса, уплата которого означала вступление в ряды общества.⁵ Таким образом, распорядительный комитет при решении вопроса о взносах мог учитывать и объективно оценивать все факторы, определявшие условия труда пожарных.

Основным фактором, привлекавшим в ряды общества новых членов, являлся все тот же финансовый вопрос. Страховые взносы членов общества «Голубого Креста» были заметно ниже взносов в акционерные страховые общества, к услугам которых обращались пожарные команды. Чтобы застраховать одного пожарного на 1000 рублей на случай гибели, страховое общество устанавливало взнос от 2 рублей 40 копеек и выше. Общество «Голубого Креста» предлагало те же услуги за сумму от 1 рубля

25 копеек до 2-х рублей.⁶ Разница существенная, если принять во внимание скромные финансовые возможности провинциальных пожарных команд. Снижение размера страхового взноса сделало доступным страхование пожарных служителей даже в малых городах. Кинешемская пожарная команда вступила в члены общества «Голубого Креста» в октябре 1898 года, что позволило обеспечить ее членам материальную поддержку во время прохождения лечения после полученных на пожаре травм.⁷

Таким образом, созданное по инициативе самих пожарных общество «Голубого Креста» дало возможность всем пожарным учреждениям России повысить уровень защиты своих сотрудников и, в случае их гибели, обеспечить поддержку членам их семей. Участие в работе общества профессионалов пожарного дела определило успех его деятельности и помогло ему стать конкурентоспособным на рынке страховых услуг. К началу XX века число желающих вступить в его ряды продолжало неуклонно расти, что можно считать лучшим подтверждением доверия к нему со стороны лиц, посвятивших себя благородному делу борьбы с огнем.

¹ Трачук М. П. Из истории развития пожарной охраны. – Львов:Изд – во Львовского пожарно-технического училища МВД СССР, 1959. – С. 69.

² Пожарное дело. – 1898. – № 8. – С. 492.

³ Там же.

⁴ Пожарное дело. – 1898. – № 11. – С. 705.

⁵ Там же. – С. 710.

⁶ Там же. – С. 711.

⁷ Отчет Костромской городской управы за 1904 г. – Кострома, 1905. – С. 384.

К. Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

**«КОХМА-БОГОСЛОВСК»:
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК НА СТРАНИЦАХ РОМАНА
ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКОГО**

Известный в XIX в. писатель Всеволод Владимирович Крестовский родился в 1840 г. в семье уланского офицера, учился на юридическом факультете Петербургского университета, в период «великих реформ» Александра II участвовал в литера-

турных кружках, был знаком с Федором Достоевским, Дмитрием Писаревым, Аполлоном Григорьевым. Крестовский был человеком общительным, ярким, природа одарила его недюжинными способностями: он был интересным рассказчиком, декламатором, неплохо музицировал и рисовал. С 1868 г. он служил офицером в армии, а потом в гвардии, по предложению Александра II составил историю лейб-гвардейского уланского полка. В период русско-турецкой войны 1877-78 гг. служил при штабе действующей армии в качестве журналиста, позже являлся чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе М. Г. Черняеве. С 1892 г. и до своей смерти в 1895 г. редактировал «Варшавский вестник». Похоронен на «Литераторских мостках» Волкова кладбища (Санкт-Петербург)¹.

Сначала Крестовский писал стихи, фельетоны, много переводил античную и европейскую классику. Он является автором либретто исторической оперы Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка», поставленной по драме Л. А. Мея. Затем в периодической печати появляются небольшие рассказы В. В. Крестовского «Любовь дворовых», «Погибшее, но милое создание», «Пчельник», «Сфинкс». Всероссийская известность пришла к Крестовскому после появления «Петербургских трущоб», которые были опубликованы в 1864-67 гг. в «Отечественных записках». Роман имел многозначительный подзаголовок «Книга о сытых и голодных». Сюжет романа был умело закручен, текст читался, да и сейчас читается с интересом. Однако либеральная читающая публика приняла произведение насмешливо и несколько презрительно, считая его типичным бульварным романом. Эта критика очень задела Крестовского, который был человеком весьма самолюбивым. После этого он, исповедовавший взгляды, которые можно назвать либеральными, постепенно переходит на консервативные позиции, что отражается и на его творчестве.

В этом отношении очень характерен его роман «Панургово стадо», опубликованный в журнале «Русский вестник», а затем отдельным изданием в Лейпциге. Произведение носило отчетливую антиинигилистическую направленность, отрицательное отношение автора к революционному движению просматривалось не менее отчетливо, чем в «Бесах» Ф. М. Достоевского или во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского. В конце 1880-х –

начале 1890-х гг. были опубликованы романы В. В. Крестовского «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», которые отличались антисемитским духом и были объединены в трилогию под названием «Жид идет»².

В одном из них – «Тамара Бендавид» действие нескольких первых глав происходит в городе с вымышленным названием «Кохма-Богословск», прототипом которого стал Иваново-Вознесенск. Главной героиней трилогии является молодая женщина Тамара Бендавид – наследница богатой еврейской семьи. Она отреклась от религии предков и приняла христианство ради любимого человека – графа Каржоля де Нотрека, но была обманута им.

В первой главе романа совершенно определенно названо время действия – октябрь 1876 года. В романе просматривается совершенно отчетливое стремление автора четко локализовать действие во времени и пространстве, будь то Кохма-Богословск или Болгария, в которую герои романа попадают во время русско-турецкой войны 1877-78 гг.

Итак, в октябре 1876 г. в отдельном купе поезда едет отставной генерал-лейтенант, его беременная дочь и два молодых офицера: один армейский улан, другой гвардии корнет – племянник генерала. Целью их путешествия является город Кохма-Богословск. Характерно сочетание двух частей этого названия. В первой содержится намек на расположение поселения в текстильном крае. Вторая носит религиозное название, также как и вторая часть названия Иваново-Вознесенска. Более того, когда поезд в романе подходит к городу, один из пассажиров недвусмысленно называет его русским Манчестером, это название еще в середине позапрошлого столетия прочно закрепилось за Иваново-Вознесенском. Таким образом, нет никаких сомнений, что действие происходит именно в нем, а не где-либо еще.

Не менее характерно первое впечатление пассажиров от Богословска: «Множество высоких фабричных и заводских закоптелых труб, вперемежку с высокими белокаменными колокольнями златоглавыми куполами старинных церквей, – это сочетание неугомонной, кипуче-прогрессирующей промышленной деятельности нашего века с величавыми, вековыми символами «древнего благочестия», смешение грохочущего шума ткацких станков и паровых машин с гулом церковного благовеста –

все это делает оригинальный город совсем непохожим на другие города России»³.

Действительно пейзаж Иваново-Вознесенска отличался от вида других городов. Вдоль реки Уводи располагалась «гирлянда» фабрик с высокими трубами, коптившими небо почти круглосуточно. С ними соперничали по высоте колокольни Христорождественской и Крестовоздвиженской церквей на месте современной площади Революции, Покровского собора в местности Пески, которая сейчас именуется площадью Пушкина, Вознесенской церкви (ныне площадь Ленина). В романе говорится, что город Кохма-Богословск находится на берегах реки Уходи, в этом прозрачном названии безошибочно угадывается река Уводь⁴.

Несколько позже на страницах романа сказано, что в окрестностях Кохма-Богословская в большинстве селений взрослые мужчины, а также молодые девушки-крестьянки уходили в этот город на фабричные заработки⁵. Это замечание свидетельствует о том, что В. В. Крестовский был хорошо знаком с социальной ситуацией в текстильном крае. Действительно, значительная часть крестьянского населения Шуйского и других уездов работала на ткацких и ситценабивных предприятиях. Правда, следует уточнить, что в 1870-х гг. большинство из них отправлялись на заработки в город только осенью, когда заканчивались сельскохозяйственные работ. Весной, после Пасхи, они возвращались из Иваново-Вознесенска в свои селения к началу весеннего сева.

На вокзале приехавших путешественников встречает молодой и энергичный еврей Мордка Олейник, который ранее был знаком с уланским офицером. Олейник предлагает приезжим свои услуги в незнакомом городе, он находит им извозчика, которых действительно в Иваново-Вознесенске было немало и отвозит их в одну из лучших гостиниц – «Московские номера», которые содержал купец Завьялов. Отметим попутно, что такого человека в списках иваново-вознесенских купцов до революции не было.

По пути Мордка Олейник сообщает путешественникам, что в городе он – далеко не единственный еврей. Здесь, по его словам, имеется иудейская община численностью около 80 человек, которые занимаются различными ремеслами и промыслами – работают часовщиками, портными, скорняками, ювели-

рами. Это реально соответствовало действительности, в Иваново-Вознесенске еврейская общины составляла в конце XIX в. около 100 чел. По данным Я. П. Гарелина в 1883 г. их было 73 чел., по официальной губернской статистике в 1891 г. – 78 чел. Члены ее имели именно ту профессиональную принадлежность, о которой упоминает Олейник⁶.

Генерала Ухова и его спутников интересует, действительно ли в Кохма-Богословске живет граф Каржоль де Нотрек. Он нужен был для того, чтобы выдать за него дочь – Ольгу Ухову, беременную от графа и таким образом «покрыть» ее грех. Мордка Олейник услужливо сообщает, что граф является управляющим на анилиновом заводе, располагающемся в 15 верстах от города. Эта подробность также в точно соответствует действительности. Т.к. наряду с текстильными фабриками в Иваново-Вознесенске и других промышленных центрах края было несколько сравнительно небольших предприятий, которые выпускали продукцию, необходимую для отделки тканей, в том числе анилиновые красители.

В романе говорится, что завод принадлежал купцу Гусятникову и находился в это время в стадии становления, что требовало постоянного присутствия управляющего на предприятии. Несмотря на это, граф де Нотрек жил не при заводе, а в городе и часто навещался в клуб, названный в романе «хозяйским». Здесь он играл с купцами в карты⁷. В реальной жизни Иваново-Вознесенска действительно существовал клуб, членами которого были хозяева крупных промышленных предприятий и торговых фирм. Это было старейшее в городе клубное объединение, существовавшее с 1869 г., называлось оно Общественным собранием. Здесь иваново-вознесенские предприниматели несколько раз в неделю играли в карты. В расписании работы Общественного собрания такого рода развлечения назывались «карточными вечерами»⁸.

Почтовый адрес графа в городе в романе обозначен так: «Боголюбовская губерния, город Кохма-Богословск, Вознесенская улица, дом купца Исполатова». По названию губернии она явно угадывается как Владимирская: как известно, рядом с Владимиром находится село Боголюбово, где сохранились постройки княжеской резиденции Андрея Боголюбского. Вознесенская улица в Иваново-Вознесенска до революции имела, в настоящее время она носит имя революционера Н. А. Жиделева⁹.

На помощь генералу и его дочери приходит кохма-богословский полицмейстер Закаталов. Он ранее служил на Кавказе в батальоне, которым командовал Ухов, находившийся тогда не в генеральских, а в офицерских чинах. Он сообщает заговорщикам, что рядом с городом в селе Корзухине есть священник, который может за сто рублей быстро «окрутить» Ольгу с графом и не потребует документов брачного обыска. Произошло так, как и планировалось – дочь генерала была повенчана с Каржолем де Нотреком. После этого генерал с компанией уехали из города¹⁰. Для справки следует упомянуть, что ни села Корзухина, ни полицмейстера Закаталова в реальной жизни не существовало, все это является плодом художественного вымысла автора, на который он как беллетрист имеет полное право.

Далее место действия романа «Тамара Бендавид» перемещается из Кохмы-Богословска в Петербург, а потом на Балканский полуостров. В романе, в частности изображена так называемая Казанская демонстрация, которая происходила в декабре 1876 г. Этому событию и его участникам автор дает резко отрицательную характеристику, что вполне соответствовало его консервативным взглядам¹¹. В дальнейшем герои романа принимают в той или иной степени участие в военных действиях русско-турецкой войны 1877-78 гг.

Имя Всеволода Крестовского как писателя «реакционно-го» было почти неизвестно широкой публике в советский период, однако, интерес к этому писателю резко возрос в середине 1990-х гг., когда его роман «Петербургские трущобы» был экранизирован под названием «Петербургские тайны». Авторы отошли от событийной канвы романа, полностью изменили характеры некоторых героев, отошли от трагического сюжета и для того, чтобы оправдать ожидания телезрителей, завершили роман хэппи-эндом. Несмотря на социальную легковесность, телесериал сыграл свою положительную роль, пробудив интерес к творчеству забытого литератора.

¹ wikipediaorg/wiki/Крестовский_В._В.

² Крестовский // Большая энциклопедия / Ред. С.Н. Южаков. Т. 11. – СПб.: Просвещение, 1903. – С.513.

³ Крестовский В. Тьма Египетская. Тамара Бендавид. Соч. в 2. т. Т.1. –М.: Ка-мея, 1993. – С.258.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С.344.

⁶ *Гарелин Я.П.* Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Ч.2. – Шуя, 1885. – С.64; Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф.4. Оп.1. Д.235.

⁷ *Крестовский В.В.* Указ. соч. – С.259, 261.

⁸ Ивановский листок. – 1907. – 23 февраля.

⁹ Имена улиц города Иванова. – Иваново: РИО упрполиграфиздата, 1981. – С.27, 80.

¹⁰ *Крестовский В.В.* Указ. соч. – С.281.

¹¹ Там же. – С.335.

О. А. НЕСМИЯН
(г. Шуя)

СВАТОВСТВО Д. Г. БУРЫЛИНА

«Позвольте мне Вам рекомендоваться, что я Павла Ивановна, фамилия моя Пушкарева, Дмитрий Геннадьевич, осмелюсь вам прислужить... Я желаю сватать за вас лучшую невесту» – так начинается письмо ярославской свахи, адресованное Бурылину в 1885 году.¹ Вдовец, купец второй гильдии, хозяин красиво-набивной фабрики в Иваново-Вознесенске, Бурылин вряд ли был престижным женихом, от первого брака у него осталось четверо детей мал-мала меньше. Постоянная занятость на фабрике, отсутствие хозяйки в доме, неудачное сватовство к владимирской невесте Белоглазовой Пелагее Павловне заставили Дмитрия Геннадьевича согласиться на предложение свахи и начать хлопоты по подбору невесты в Ярославле. «Право я уже почти два года не имею с кем слова сказать. Да ведь и жить хочется!» – напишет позднее Д. Г. Бурылин Анне Александровне Носковой.²

В обязанности городской свахи входил подбор подходящей по всем параметрам невесты. Для этого она должна была обладать большой базой данных, содержащей сведения как обо всех девицах замужнего возраста, так и размерах их приданого, социальном положении родителей. Всю необходимую информацию сваха собирала посредством общения и личных контактов с семьями, но не брезговала и сплетнями, добытыми от домашней прислуги, дворников, гадалок и другого подобного люда. Пушкарева Павла Ивановна была женщиной предприимчивой и

коммуникабельной, среднего возраста, и скорее всего, из мещанского сословия. Не очень грамотна, но рекламу себе сделать умела: «Меня очень многие знают в городе Ярославле. Я много раз была в Иванове по такому же случаю, который и вам предлагаю». ³Получив согласие Дмитрия Геннадьевича, Павла Ивановна вмиг подбирает четыре кандидатуры, описывая, как и подбавляет в купеческой среде, семейный бизнес и приданое. Так, барышня Сорокина из семьи владельцев литейных заводов, Крохоткины, Носковы – торгуют сукном, у Вахромеевых – табачная фабрика. «Барышни очень прекрасны, только Сорокина барышня все будет похуже с лица, но всех богаче. Так что вам нужно: деньги или доброе сердце» – здесь сваха явно хитрит, понимая, что и жених не идеален, пытается в первую очередь сплавить свой «залежалый товар». ⁴ Павла Ивановна специалист своего дела и о клиенте своем всю информацию собрала. Зная, что Бурылин не просто купец-фабрикант, но еще и разносторонне эрудированный человек (это чувствуется по стилю писем), она пишет: «По мне интересно сватать таких умных женихов и вы не подумайте, что я из-за интересу хлопочу [в смысле денег. – *О.Н.*], но меня просят изыскать таких женихов...» ⁵ Чтоб дело не затягивалось, Павла Ивановна приглашает Бурылина посетить Ярославль и встретиться с потенциальными невестами, только не со всеми сразу: «Вы не бойтесь наших ярославских невест, что лицом не понравятся... когда приедете, то сильнее будете действовать». ⁶ Мы не знаем, встречался ли Бурылин со всеми невестами, но после знакомства с Анной Носковой, дочерью ярославского торговца сукнами, между ними завязалась переписка, и в одном из писем Анне Александровне он пишет: «Моя милочка Аня! Тебя прошу, моя милочка, будет свободная минутка – пиши мне... Ты пиши все что думаешь, твое впечатление. Я не скажу что ты меня с ума свела, но что-то вроде этого!» ⁷ Казалось, что дело уже решенное, но для Бурылина было важно посмотреть, как примут невесту дети. «Я очень рад, что ты побывала у нас. Теперь ты знаешь все», ⁸ – писал в своем письме Дмитрий Геннадьевич после визита Анны Александровны в Иваново-Вознесенск. И надо отметить, что она с первого своего появления в доме Бурылиных не только нашла общий язык с детьми, но и стала для них близким и родным человеком. «Дети теперь твердят о вас постоянно и посылают вам поклон», – писал ей Дмитрий Геннадьевич. ⁹ Павла Ивановна оказалась

удачливой свахой, хлопоты закончилось свадьбой в январе 1886 года. «Если малость хоть я тебе нравлюсь, то знай и любить тебя буду как жизнь свою! Сумею оценить, что ты решилась и на детей идти и знаю что это нелегко. Но за то и за твое спокойствие это будет моя забота» – этой клятве Дмитрий Геннадьевич Бурыйлин остался верен до конца своих дней.¹⁰ Сваха получила свое денежное вознаграждение, и традиционный подарок – кашемировую шаль – главный атрибут, отличающий ее от представительниц других профессий.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 205. Оп.1. №59. Л. 5.

² ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №4. Л.48.

³ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №59. Л.5.

⁴ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №59. Л.1.

⁵ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №59. Л.14.

⁶ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №59. Л.9.

⁷ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №4. Л.3.

⁸ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №4. Л.7.

⁹ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №4. Л.42.

¹⁰ ГАИО. – Ф. 205. Оп.1. №59. Л.9.

О. С. БУСЛАЕВА
(г. Иваново)

КАК ГОТОВИЛИ УЧИТЕЛЬНИЦ ДО РЕВОЛЮЦИИ: ПЕДКЛАСС ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

На рубеже XIX и XX вв. учительская профессия (не самая привлекательная в наши дни) приобрела большую популярность. Профессиональной подготовкой педагогов занимались не только специальные учреждения. Иваново-Вознесенская женская гимназия была характерным примером подобного учебного заведения, являвшегося не только общеобразовательным, но и профессиональным. В некоторых городах Владимирской губернии и в России открывались в женских гимназиях восьмые педагогические классы, дававшие девушкам возможность получить профессию. Обучались в них выходцы из таких сословий, как мещане, духовенство, крестьяне, так как для представительниц бо-

лее зажиточных слоев работа в начальной школе не являлась престижной и привлекательной. В конце XIX – начале XX вв. большинство учителей в городских и земских начальных школах были выпускницами педклассов женских гимназий.

В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах, связанных с получением педагогического образования в Иваново-Вознесенске. Это дает представление о том, как и чему учили воспитанниц в педклассах и какие карьерные перспективы они имели. В работе использовался фонд Иваново-Вознесенской женской гимназии из Государственного архива Ивановской области. В нем обнаружены списки учениц 8-х педагогических классов гимназии за разные годы, отчеты о проведении воспитанницами практических занятий, отчеты о деятельности гимназии за разные годы, свидетельства учениц об окончании 8-го класса, аттестаты об окончании 7-го класса, журналы успеваемости гимназисток.

Как правило, в 8-й класс «принимались девушки, успешно окончившие общий семилетний гимназический курс»¹, но сюда могли зачислять и всех желающих, сдавших вступительные экзамены. Из аттестата ученицы 7-го класса Иваново-Вознесенской женской гимназии Е. И. Устиновой, дочери мещанина, мы узнаем, что оценка «отлично» была для нее преобладающей по учебным предметам и по поведению. Аттестат об окончании 8-го класса также свидетельствовал о ее отличной учебе и о присвоении ей звания домашней наставницы.² Однако даже в контексте серьезной подготовки педагогов начальной школы, в сухих, на первый взгляд, свидетельствах о прохождении учебного курса встречались весьма любопытные моменты.

Интересную информацию дают списки учениц 8-го класса Иваново-Вознесенской женской гимназии. Они представляют собой таблицу, столбцы и строки которой содержат полезную для исследователя информацию. Помимо традиционно упоминаемых в подобного рода документах имен, фамилий и мест рождения, указывались вероисповедание, звание ученицы, год нахождения в педклассе гимназии, поступление в него по экзаменам или по итогам семилетнего курса обучения, посещаемость уроков, выполнение письменных работ, ее успешность в педагогической деятельности. В списках также приводились перечень учебных предметов, годовые отметки, результаты

письменных испытаний, устных и окончательных, решения педагогического совета гимназии об успеваемости воспитанниц.³

Оценка успешности пробных уроков по сравнению с современной оценочной системой в общеобразовательных учреждениях была необычной. Отметки выставлялись не цифрой, а прописью: успеваемость могла варьироваться от «отличной» до «удовлетворительной» (последняя чаще встречалась в списках учащихся в начале XX в.). Встречались и такие оценки педагогической практики будущих учительниц, как «вполне удовлетворительная, вполне достаточная, достаточная, хорошая, очень хорошая, выдающаяся», то есть имелись примерно семь различных уровней успешности пробных уроков.⁴ Если в семиклассном курсе основной упор делался на теоретическую часть, то в 8-м педклассе – на практическую. Первоначально девушки занимались с отстающими воспитанницами своей гимназии, затем их педагогическая практика разделялась на «пассивную» и «активную». Первая сводилась к посещению уроков своих преподавателей и записям наблюдений в специальный дневник, вторая – к пробным урокам у воспитанниц начальных классов. Соответственно, успешность учебы в 8-ом классе гимназии определялась не только интересом к наукам, но и способностями к педагогической деятельности.

Интересны были темы письменных работ, которые выполняли в классе и дома будущие учительницы. Среди них встречаются довольно серьезные темы по русскому языку в материалах за 1898/9 учебный год: «Достоинство звукового метода обучения грамоте», «Главные правила методики обучения грамматике», «Значение учебных прогулок учителей с учениками». В курсе педагогики и дидактики (специальных дисциплин, которых не было в семилетнем курсе обучения) фигурируют такие темы работ, как «Гибельное влияние страсти на душу человека на основе произведений Пушкина «Скупой рыцарь» и трагедии Шекспира «Макбет», «О воспитании внимания», «Мое воспитание», «О воспитании Онегина». Последняя очевидно давала возможность ученицам серьезно поразмыслить над основными качествами характера пушкинского героя, возникшими в результате воспитательного процесса, и извлечь полезные уроки.⁵

Интерес представляют перспективы педагогической деятельности будущих педагогов. Из выдержки о правилах и обя-

занностях домашних наставниц и учительниц мы узнаем, что прежде чем начать трудиться, девушка должна была обменять свой аттестат на особое свидетельство, «выдаваемое в канцелярии Попечителя учебного округа».⁶ Для этого необходимо было предъявить целый портфель документов: прошение на имя попечителя округа, аттестат об окончании семи классов, удостоверение о прохождении обучения в педклассе, метрическое свидетельство, а также потратить 12 рублей на печатание документа. Те девушки, которые не обменяли аттестат при поступлении на работу в частный дом или на общественную службу, в будущем не имели возможности получать пенсию. Те педагоги, кто уже приступил к исполнению своих прямых обязанностей, должны были после окончания занятий со своими воспитанниками предъявлять отчет о своей деятельности директору училища от уездного предводителя дворянства и лиц, у которых они работали. Только последовательное соблюдение всех этих правил давало возможность получать пенсию после 20-летней выслуги и в случае неимения близких, которые позаботились бы о бывшей учительнице. Вот такой непростой путь должны были пройти выпускницы женских гимназий, чтобы получить право казенного социального обеспечения.

В жизни далеко не всех учениц 8-го класса все проходило поэтапно и спокойно. Некоторые из них в годы обучения в гимназии отметились не только на педагогическом поприще. Пример тому – Вера Коровайкова, принявшая участие в местной большевистской подпольной сходке. В ночь с 8 на 9 января 1908 г. она была задержана полицией на собрании фабричных рабочих в местечке Ямы г. Иваново-Вознесенска. После ареста выяснилось, что она являлась ученицей педкласса женской гимназии. В дирекцию учреждения сразу поступил соответствующий документ от полицмейстера, а 12 января 1908 г. изрядно расстроенный произошедшим отец девушки – Алексей Евстафьевич Коровайков – написал прошение на имя начальницы гимназии с просьбой «уволить ее...по домашней надобности» и выдать ему все ее документы.⁷

Таким образом, даже в повседневном образовательном процессе будущих учительниц имелись необычные моменты, вызывающие интерес к исследованию деятельности 8-х педагогических классов женских гимназий. Изучение содержания обучения гимназисток, успешности их первых шагов на педагогиче-

ском поприще и предметной успеваемости дает возможность узнать о наиболее любопытных фактах и об особенностях образования в провинции на примере Иваново-Вознесенска и провести параллели с общероссийскими тенденциями.

¹ Очерки истории народного образования пензенского края. Под ред. В.Н. Никулина. – Пенза, 1997. – С. 17.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л.9.

³ Там же. – Л.20.

⁴ ГАИО. – Ф.35. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л.7.

⁵ ГАИО. – Ф.35. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 23, 24.

⁶ Очерки истории народного образования пензенского края. Под ред. В.Н. Никулина. – Пенза, 1997. – С. 18.

⁷ ГАИО. – Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 167. Л.1,2.

О. С. БУСЛАЕВА
(г. Иваново)

**ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА
ВЫПУСКНИЦ ГИМНАЗИЙ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Со времен Александра II вплоть до конца XIX века в России формировался и утверждался институт домашних наставников и учителей, сохранившийся без изменений до 1917 г. В нашем крае был широко распространен такой тип общеобразовательных учебных заведений как гимназии, которые существовали в Иваново-Вознесенске, Шуе, Кинешме, Юрьевце. Значительное количество выпускниц местных гимназий становились преподавателями. В этот период основной формой подготовки педагогов, в том числе и домашних, было обучение по соответствующей специальности в государственных учебных заведениях. Для девушек это чаще всего означало учебу в гимназиях, по окончании курса которой можно было получить статус домашней учительницы, для чего требовалось сдать специальный экзамен на звание при участии педагогов, назначаемых попечителем Московского учебного округа, либо наставницы в случае окончания общеобразовательного заведения с золотой медалью.

Однако даже успешные в учебе воспитанницы испытывали трудности в дальнейшем трудоустройстве.

При написании статьи были использованы материалы Государственного архива Ивановской области, доклады земской управы, периодические издания.

С одной стороны, в губернских и уездных городах Владимирской губернии домашнее образование не было общедоступным. Получать уроки «дипломированных» специалистов могли себе позволить только «достаточно состоятельные родители, из числа дворян и, прежде всего, купечества».¹ С другой стороны, возможность преподавать на дому выпадала далеко не всем выпускницам гимназий и превращалась в постоянное испытание профессиональной подготовки воспитанниц.

Прежде чем приступить к своим профессиональным обязанностям, выпускница гимназии, удостоившаяся звания домашней наставницы, либо учительницы, должна была обменять свой аттестат об окончании женской гимназии на особое свидетельство, выдаваемое в канцелярии попечителя учебного округа. Предварительно выпускнице необходимо было подготовить ряд документов, среди которых был не только аттестат об окончании общеобразовательного курса семи классов гимназии, удостоверение о прохождении дополнительного педагогического класса, а также метрическое свидетельство, уплатив при этом 12 рублей за его печатание. Примечательно, что на все вышеперечисленные документы воспитанница должна была предоставить копии, написанные от руки. Председатель педагогического совета женской гимназии направлял подготовленные документы в канцелярию попечителя учебного округа, и только после этого выпускница получала от последнего под расписку свидетельство, необходимое для ее дальнейшей профессиональной деятельности. Воспитанницы не могли получить его в случае, если по таким основным предметам, как русский язык, арифметика, отечественная история была оценка «удовлетворительно».²

Лица, не обменявшие аттестаты на подобные свидетельства, могли лишиться будущей пенсии. Интересен и тот факт, что при определении выпускницы на работу в частный дом, а также в любое государственное учебное заведение, она должна была предъявлять его директору народных училищ и предводителю дворянства того уезда, где она находилась.³ Это правило соблюдалось каждый раз при переходе наставницы или учитель-

ницы на новое место службы. При этом после окончания каждого учебного года на имя директора училищ, а также уездного предводителя дворянства необходимо было представлять отчет о своей деятельности с приложением одобрительных свидетельств от родителей своих учеников.

Только в случае точного соблюдения всех вышеперечисленных правил и обязанностей домашние учителя и наставницы по выработке 20-летнего стажа могли рассчитывать на пенсию или на устройство в дом призрения «для бедных девиц благородного звания на казенное содержание», если у них не было родственников, которые могли бы их содержать.

Однако процесс трудоустройства был довольно нелегким делом. Часто в периодических изданиях публиковались объявления выпускниц женских гимназий с предложением их профессиональных услуг. Для того, чтобы зарекомендовать себя с лучшей стороны, воспитанницы были даже готовы преподавать некоторое время бесплатно. В частности, в газете «Владимирец» за 1907 год было опубликовано объявление девушки, претендующей на репетиторские занятия, следующего содержания: «Гимназистка VI класса желает преподавать для двух первых классов женской гимназии. Нуждающимся бесплатно».⁴ Как правило, выпускницы, испытывающие трудности с трудоустройством, за период учебы имели высокие оценки и, соответственно, могли претендовать на преподавание широкого круга предметов гимназического курса. Журнал успеваемости учениц VIII класса гимназии за 1917 год свидетельствовал о том, что они получали звание домашней учительницы, если их средний балл был не ниже отметки «4», а наставницы – если имели «отлично».⁵ В газете «Владимирец» было опубликовано еще одно объявление девушки, которая окончила гимназию с золотой медалью и «ищет урока новых языков или репетировать по всем предметам гимназического курса».⁶ Характерна была настойчивость выпускницы – данное объявление повторялось из номера в номер 12 раз, что свидетельствовало о сложности в подыскании преподавательского места для гимназисток.

Возможность выбора профессии педагога имели выпускницы, окончившие VIII педагогический класс женской гимназии. В конце XIX – начале XX в. среди учителей городских и земских начальных школ их было большинство. Как правило, в 8-й класс «принимались девушки, успешно окончившие общий

семилетний гимназический курс», но сюда могли зачислять и всех желающих, сдавших вступительные экзамены. Если в семиклассном курсе основной упор делался на теоретическую часть, то в 8-м педклассе – на практическую. Первоначально девушки занимались с отстающими воспитанницами своей гимназии, а затем их педагогическая практика разделялась на «пассивную» и «активную». Первая сводилась к посещению уроков своих преподавателей и записям наблюдений в специальный дневник, вторая – к пробным урокам у воспитанниц начальных классов. Соответственно, успешность учебы в 8-м классе гимназии определялась не только интересом к наукам, но и способностями к педагогической деятельности. К перечню изучаемых воспитанницами предметов обязательно добавлялись педагогика и дидактика – специальные дисциплины, отсутствующие в семилетнем курсе изучения.

Процент желающих реализовать себя на педагогическом поприще среди выпускниц Иваново-Вознесенской женской гимназии в начале XX века был довольно высоким. Из списка кандидатов на должность учителя в начальных школах за 1902-1910 гг. было только 11 претендентов мужского пола, 5 из которых – священник и дьяконы, имеющие возможность преподавать только Закон Божий. Подавляющее большинство – 54 выпускницы, окончили Иваново-Вознесенскую женскую гимназию, 5 из них – с золотой медалью.⁷

Таким образом, на территории Владимирской губернии в конце XIX – начале XX в. трудоустройство выпускниц гимназий было нелегким процессом вне зависимости от места будущей работы воспитанниц. Репетиторство в семьях и государственные общеобразовательные учреждения требовали не только определенного багажа знаний, но и их документального оформления. Многочисленность бумаг, запрашиваемых училищным и другим начальством, приводила к тому, что процесс поиска работы выпускницами мог затянуться на значительный срок. В результате чего бывшие ученицы женских гимназий вынуждены были самостоятельно заявлять о себе, чаще всего через газетные объявления. Это позволяло некоторым из них реализовать себя на преподавательском поприще.

⁷ Очерки истории народного образования Пензенского края / Под. ред. В. И. Никулина. – Пенза. 1997. – С. 19.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 35. Оп. 1. Д. 285. Л. 7.

³ Доклад земской управы о женской учительской школе. – Тамбов, 1902. – С. 13.

⁴ Владимирец. – 1907. – № 110.

⁵ ГАИО. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 268. Л. 7-10.

⁶ Владимирец. – 1907. – № 185.

⁷ ГАИО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4738. Л. 1-2.

К. Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

УЛИЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В СТАРОМ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (НАЧАЛО XX В.)

В каждом дореволюционном провинциальном городе существовал досуговый сервис, который предоставлял жителям сравнительно небольшой набор незатейливых развлечений. Одни из этих форм времяпрепровождения замыкались стенами тех или иных развлекательных учреждений – театра, кино, цирка, другие даже не требовали от клиентов заходить куда-либо и были сосредоточены на улице. Именно на них мы и остановимся.

Как свидетельствуют документы Иваново-Вознесенской управы, в городе занимались частным предпринимательством в области уличного досуга несколько человек, причем они это делали не просто длительное время, а из поколения в поколение. В объемистых делах управы содержатся заявления деловых людей об устройстве каруселей и качелей в различных точках города и резолюции, которые принимали городские гласные по этим просьбам. В частности, в первые годы XX в. в местное общественное самоуправление ежегодно по несколько раз приходили просьбы по этому поводу от иваново-вознесенского мещанина Тихона Васильевича Курбатова и Анны Афанасьевны Курбатовой. К сожалению, степень их родства или свойства установить не удалось. В дальнейшем, уже накануне Первой мировой войны, заявления стали поступать от Петра Тихоновича и Ефима Тихоновича Курбатовых, которые, как можно с уверенностью предположить, продолжили отцовское дело.¹

Содержателями передвижных качелей и каруселей в Иваново-Вознесенске в начале века являлись также мещанин г. Костромы В. Н. Никитин, крестьяне М. И. и И. И. Шашины, И. Г. Воронцов, А. М. Волкова, мещанин г. Можайска Луи Вильгельмович Герсони.²

Развлекательные аттракционы, которые предлагали населению эти предприниматели, назывались по-разному. В их заявлениях в управу встречаются наряду с терминами «качели» и «карусели», также и другие, порой не совсем обычные: «перекидные качели», «американские маховые качели», «плодочные карусели». Последнее означало, что клиенты усаживали для путешествия по замкнутому кругу в некие лады. Что касается иногда встречавшего упоминания об Америке, то вероятно оно служило для привлечения потенциальных клиентов чем-то экзотическим.³

Документы не всегда дают точное указание на местоположение аттракционов. Часто их устанавливали на Вознесенской и Лесной площадях (ныне пл. Ленина и пл. Победы). Здесь былолюдно, особенно в праздничные дни и от клиентов не было отбоя. Также в заявлениях нередко встречаются просьбы об установке каруселей и качелей на Грачевской ул. (ныне ул. Гарелина). Что касается «Бульварной ул.», то такая в справочнике «Улицы города Иванова» не значится.⁴ Можно предположить, что имеется в виду ул. Садовая, т. к. в 1901 г., которым датируется документ, бульвары имелись только на двух-трех улицах города, из них наиболее людной и, соответственно, доходной могла быть именно Садовая.

В некоторых заявлениях местоположение аттракционов указано весьма неопределенно: «на Ямах, на земле Гарелина». Здесь, вероятно, имеется в виду современная ул. Фурманова, на которой действительно в начале XX в. были большие участки свободной земли, принадлежавшие А. М. Гарелину. Это предположение подтверждается тем, что в других заявлениях четко указана 1-я Троицкая улица, которая ныне носит имя Фурманова. Вызывает недоумение и улица «Гравская». Наверняка имеется в виду «Графская», но такой улице в «Русском Манчестере» тоже не было. Возможно, имелась в виду одна из Шереметевских, названных в честь бывших помещиков графов Шереметевых, но их в Иваново-Вознесенске было семь: Большая и Малая, Задняя Шереметевские и еще с 1-й по 4-ю.⁵

Относительно времени уличных развлечений, то оно однозначно приходилось на теплый сезон. Нам не встречалось заведений, в которых говорилось бы об устройстве развлечений в октябре-январе. Зато относительно февраля они уже есть, что было связано с масленичными гуляниями. Затем на время Великого поста развлечения замирали и с новой силой возобновлялись после Пасхи. Продолжались они и в летнее время.

Данный вид предпринимательства приносил значительные доходы. Об этом имеются факты в отчетах такой организации, как Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Дело в том, что содержательница каруселей А. М. Волкова в мае 1912 г. пожертвовала на ее нужды 20% своего дневного сбора – 15 р. Получается, что в день Волкова получила 75 р. дохода, многократно окупив свои траты на аренду места для карусели. Обычная плата за место для одной карусели составляла 10 р. в месяц.⁶

Что касается иных развлечений, то в источниках личного происхождения имеются свидетельства о шарманщиках-иностранцах, например, в неопубликованных мемуарах И. А. Волкова, многие факты из которых не попали в его книги «В старом Иванове» и «Ситцевое царство». Один из шарманщиков хорошо запомнился Волкову-подростку, который в конце XIX в. жил в рабочем местечке Ямы. Он был одет в куртку заграничного покроя и желтые штаны, на голове у него была тирольская шапка с петушиным пером. Он снимал с плеча довольно тяжелый ящик, обшитый мишурой, и начинал вертеть прикрепленную к нему ручку, в результате из инструмента раздавались тягучие звуки, мало напоминавшие танец. Облезлая обезьянка, которая сидела на его плече, слезала на землю и плясала, смешно кривляясь. При этом шарманщик напевал русскую песню, безбожно коверкая слова.

Другой типаж, встречавшийся на улицах дореволюционного города – человек-оркестр. Это веселый мужичок-балагур с плутоватыми глазами и сизым носом, выдававшим его пристрастие к спиртному. За спиной его висел барабан, в руках гармоника, на голове пестрый колпак, обвешанный бубенчиками, а в зубах свистулька. Остановившись на улице, он играл на гармонике какую-то мелодию, а палкой, которая привязана к локтю, бил в барабан. Одновременно к ноге была привязана веревка, которая заставляла звенеть тrenzель и медные тарелки, прикрепленные к барабану. Он также звенел бубенцами на шапке и дул в

свистульку. Разумеется, как шарманщик, так и человек-оркестр, делали это не бесплатно, собирая доброхотные даяния за свою концертную деятельность.⁷

Все возрасты были покорны такому развлечению и увлечению как «гон» голубей. Как вспоминал И. А. Волков, на улице, где он жил в детстве, насчитывалось около двух десятков любителей-голубятников – молодых и стариков. Ежедневно они выгоняли своих любимцев сначала на конек крыши, а потом в небо, ленивых спихивали шестом.

Иваново-вознесенцы разводили разные породы, это были не только привычные для наших современников сизари, но и белоснежные «мохначи», особенно ценились серые «московские» и светло-коричневые турманы. Цена обычного голубя колебалась от 3 до 5 рублей. Те, которые были с хорошей родословной, могли стоить от 25 до 400 р. Сто или полтора ста лет назад для рядового обывателя это были просто фантастические деньги. Голубиным гоним увлекались в числе других именитые и богатые люди. Полет турмана представлял редкое по красоте зрелище. Поднявшись на большую высоту, он камнем падал вниз, сжавшись в комок. Не долетая до земли он расправлял крылья. У ивановский голубятников были и птицы-«катуны». Они поднимались в небо по спирали и так же спускались.⁸

Еще одним развлечением, которое скорее было не уличным, а речным, являлось катание на лодках. На Уводи, немного выше Дербеневского моста была устроена станция, где можно было взять на определенное время весельную лодку. Это заведение содержал некто Г. П. Лобанов, который заключил с городской управой договор о сдаче ему участка берега размером 6 на 10 сажень. Здесь находился причал с привязанными к нему «плавательными средствами», и стояла будка для сторожа, охранявшего их от досужих людей. Участок был сдан на 6 лет, арендатор настоял на том, чтобы на расстоянии 50 сажень от причала управа не сдавала землю какому-либо иному лодочнику-конкуренту. Впрочем, судя по архивным делам управы, больше желающих заниматься этим промыслом не нашлось. Ежегодно Лобанов был обязан платить за свою лодочную станцию 50 р.⁹

Вызывает удивление то, что находились желающие показаться по главной ивановской реке, которая на рубеже XIX и XX столетий превратилась в зловонную сточную канаву в результа-

те того, что местные фабрики бесконтрольно сбрасывали в воду отбросы фабричного производства. На поверхности реки в черте города постоянно плавала пленка из мазута, красителей и т. п., сиявшая всеми цветами радуги.

Как известно, значительную, если не большую часть населения дореволюционного Иваново-Вознесенска составляли выходцы из деревни, пришедшие на работу на местные фабрики. Будучи рабочими и горожанами в первом поколении, они по привычке продолжали широко практиковать традиционные формы проведения досуга – хороводы, посиделки, обряды, связанные с различными праздниками. На примере рассмотренного нами материала можно констатировать, что в то же время город властно навязывал им новые формы развлечений, которые не были похожи на деревенские. Эти изменения не только в бытовом укладе, но и в досуговой сфере наглядно свидетельствовали о постепенно нарастающей урбанизации, которая была одной из сторон такого многостороннего процесса как пореформенная модернизация России.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4802. Л. 1, 4; Д. 5112. Л. 1, 9; Ф. 4. Оп. 1. Д. 700. Л. 3.

² Там же. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4802. Л. 2; Д. 5112. Л. 2, 3; Ф. 4. Оп. 1. Д. 700. Л. 52.

³ Там же. – Ф. 2. Оп. 1. 5112. Л. 2, 9, 18; Ф. 4. Оп. 1. Д. 700. Л. 52.

⁴ Имена улиц города Иванова. – Иваново: РИО упрполиграфиздата, 1981. – С. 79.

⁵ ГАИО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 4802. Л. 1-3; Д. 5112. Л. 1-3, 9, 25, 28; Ф. 4. Оп. 1. Д. 5, 7, 12.

⁶ Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом. Иваново-Вознесенский отдел. Отчет за 1912 г. – Иваново-Вознесенск, 1913. – С. 18.

⁷ ГАИО. – Ф. 420. Оп. 1. Д. 7. Л. 118-119.

⁸ Волков И. В старом Иванове. – Иваново, 1945. – С. 12-13.

⁹ ГАИО. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 607. Л. 1, 6, 11-12.

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

В. М. СУСЛИН

(г. Шуя)

МАСТЕР

Давно это было. И вряд ли кто помнит, сколько в этой истории правды, а сколько вымысла. Передавалась она из поколения в поколение, потому и сохранилась так хорошо в моей памяти.

Работал когда-то на Объединенной фабрике (ныне «Шуйские ситцы») Никанор Иванович (имя вымышленное, так как настоящее его имя никто не помнит, а жаль). Слыл он мастером своего дела. Был отменный слесарь и наладчик. Следил за отделочным оборудованием. Но пришло время, состарился Никанор Иванович, вышел на заслуженный отдых, оставив после себя Петьку, смышленного паренька. Все ему давалось легко, кроме одного: перевода мерильной машины с метров на дюймы. Для чего это делалось, никто толком не помнит. То ли западные капиталисты, делая у нас заказы на Объединенной фабрике, требовали, чтоб отмер ткани был в их измерении, то ли какая другая была причина, но 2-3 раза в год, обычно после ярмарок, машину приходилось переводить с одной меры длины на другую. Пока работал Никанор Иванович, он делал это всегда сам, а Петька только со стороны наблюдал, как делает это старый мастер. Но, может, Никанор Иванович утаил что-то от Петьки, или что-то не досказал ему (этого опять никто не помнит), но дело у Петьки почему-то не заладилось.

Так случилось, пришлось после ухода Никанора Ивановича на пенсию переводить Петьке самому мерильную машину с метров на дюймы. Бьется парнишка с машиной день, бьется два. Пот с бедного сходит уже ведрами, а ничего не получается. Парню и стыдно, и совестно, но... что поделаешь. Уперлась проклятая мерилка, ни в какую не хочет мерить капиталистической мерой. Подходит механик Гаврилыч:

– Что, Петька, опять не получается?

Молчит парень – нечего ответить. Походили, походили они вдвоем вокруг машины, ничего не получается. Что делать? Идет Гаврилыч на конный двор, который находился через доро-

гу от фабрики (где теперь располагается гостиница «Шуйских ситцев» – сбоку от Павловского дворца). Находит конюха и говорит ему:

– Ефимыч, запрягай-ка ты тарантас, да поезжай за Никанором Ивановичем в Косячево. Да смотри у меня, там с ним пообходительней. Сам знаешь – старик-то с гонором.

– Знаю, – отвечает Ефимыч. Запрягает кобылу в тарантас, садится и через весь город по булыжной мостовой едет в Косячево.

Приезжает. Никанор Иванович сидит как всегда у своего дома на завалинке в валенках, в шапке – греет свои старые кости.

– Ну, здравствуй, Никанор Иванович, – слезая с тарантаса и подходя к хозяину говорит Ефимыч. – Как здоровье?

– Да какое тут здоровье, когда от вас ни днем, ни ночью покоя нет, – отвечает Никанор Иванович. – Наверное, опять Гаврилыч прислал, чтоб ему ни дна ни покрышки, – бурчит старик.

– Он, – отвечает Ефимыч, – опять у них не ладится с мерильной машиной, не хочет проклятушая мерить.

– Я так и догадался. Вы что там думаете, что у меня всех делов, что ваша мерильная машина? У меня вон и птица, и живность, и по дому хватает.

– Ну, помоги, – пряча улыбку в бороду, говорит Ефимыч, зная, что из птицы у Никанора Ивановича – две курицы и петух, а из живности – одна кошка. А дом такой же старый, как и его хозяин.

– Ну, ладно, – Никанор Иванович встает, идет в избу, достаёт и натягивает свои сапоги, которые одевает только по большим праздникам, картуз, берет свою трость и, бурча что-то себе под нос, садится в тарантас.

– Ну, что, долго будешь еще стоять? – говорит Ефимычу. – Думаешь, у меня и делов только, что ваша мерильная машина... И опять про птицу, и опять про живность, и опять про то, что у него делов по дому не переделаешь до второго пришествия.

Дорогой старики еще о многом поговорили. Вспомнили молодость. Как все это давно было.

Вот и фабрика. Приехали. У цеха уже стоит механик Гаврилыч. Встречает, протягивает руку, помогает сойти мастеру с тарантаса.

– Ну, здравствуй, дедушка, Никанор Иванович. Как здоровье, не хворает ли?

– Слава Богу, вашими молитвами, вот скриплю еще, как видишь. Что опять зашалила мерилка?

– Да, чтобы ей проклятушей ни дна ни покрышки.

– Ну, пойдем, посмотрим.

Приходят в цех, подходят к машине. Петька весь перепачканный маслом, чуть не плачет. Никанор Иванович, здороваясь с ним, говорит:

– Что, не получается, внучек. Ну, ничего, сейчас мы ее, негодницу, полечим. Снимает пиджак, засучивает рукава и начинает обход машины. Смотрит, что внучек натворил. Потом, кряхтя, присаживается, берет ключи и начинает свою нехитрую работу. Тут открутит, тут подтянет, тут подвернет, а потом, как между прочим, и скажет:

– Петька, а где ключ на 41 (а ведь знает старый, что ни болтов, ни гаек такого размера на машине нет)?

– Так в мастерской он, – отвечает Петька. (А мастерская в конце цеха.)

– Так, сбегай – принеси.

Петька сломя голову несется за ключом в мастерскую, а старый мастер Никанор Иванович тем временем отвернул гаечку, подвинул планочку, стукнул два раза легонечко молоточком, завернул гаечку, пустил машину. Заскрипела старая, завертелась, пошла отмерять ткань капиталистическими мерками. Сдалась злыдень. Не устояла перед социализмом. Так-то.

Прибегает Петька, взмыленный, взъерошенный, протягивает ключ на 41.

– Вот, Никанор Иванович, ключ на 41.

– Петька, да ведь тебя как за смертью посылать, не дождешься. Я уж без ключа обошелся, – проворчал старый мастер. – Смотри – открутишь вот эту гайку, подвинешь эту планочку, стукнешь по ней легонечко молоточком, завернешь гаечку – и все. Понял?

– Понял, – мямлит Петька, зная наперед, что опять попадет от Гаврилыча за то, что не узрел, как все делал мастер. А Гаврилыча тоже рядом не было, у него вся фабрика на обслуге, вертится, как белка в колесе.

– Ну, раз понял, машина работает, я поехал.

Выходит из цеха, Ефимыч смиренно ждет его на том же месте, куда и привез. Помогает залезть в тарантас.

– Ну, поехали что ли, – брюзжит Никанор Иванович, – и так я у вас тут задержался (а времени прошло минут 15-20). Это вы тут думаете, что мне делать нечего, а у меня дома и птица, и живность, и за всем нужен глаз да глаз.

Ефимыч, улыбаясь в бороду, думает: знаем мы твою птицу, знаем мы твою живность, и дела твои по дому тоже знаем, а вслух говорит:

– Да и вправду, давай-ка поторапливаться. У нас у стариков всегда дела найдутся, это не у молодых.

Отвозит Ефимыч нашего мастера назад домой в Косячево. Возвращается в город, на конный двор, а через неделю-другую, как кончится заказ, вся история повторяется снова, только с той лишь разницей, что Никанор Иванович посылает Петьку как бы между прочим принести не ключ на 41, а монтажку или что-нибудь другое. Но то ли самому Никанору Ивановичу надоело трястись в тарантасе по булыжной мостовой, то ли ему стало просто жаль Петьку, только через 2-3 года в свой последний приезд он сказал Петьке:

– Показываю последний раз. Смотри и запоминай. Отворачиваем вот эту гайку (и показывает Петьке совершенно не ту, что раньше). Поворачиваем эту планку вправо на 5-7 мм, слегка ударяем по ней молоточком, потом затягиваем гайку. Машина работает. Когда надо перевести с социалистической меры на капиталистическую, делаешь все наоборот. И будет эта недотрога отмерять капиталистам ткани без устали столько, сколько ты захочешь, внучек. Понял?

– Понял. Спасибо, дедушка, за науку.

Поклонился Петька в ноги Никанору Ивановичу и проследил. Уехал Никанор Иванович и с тех пор на фабрике не был.

ДУНИЛОВСКИЙ ХЛЕБ

Летние месяцы 1957 года я провел на уборке урожая на целинных землях в селе Полтавка Омской области. Убирали пшеницу. Поля – необозримые. Только у нашего отделения было 5,5 тысяч гектар. Но разговор не об этом. Нам привозили питание: мясо, молоко, овощи и, разумеется, хлеб. Только белый. Рожь там не сеяли. И это тоже не главное. Суть в том, что хлеб выпекался в пекарне, а не на хлебозаводе (там население всего 4000), и был изумительно вкусным. А буханки его имели неимоверные размеры: в картофельный мешок уходило всего три штуки. Увидев впервые такое «чудо», мы решили, не отведав еще вкуса, проверить его на сжимаемость. С двух сторон надавили на верхнюю корку «изделия» так, что высота его уменьшилась в два раза. Опустив руки, убедились, что он принял прежние размеры по всем трем измерениям.

Следующее знакомство с пекарней и ее продукцией произошло у меня в местных краях. Шел 1960 год. Поступив 25 июня на завод химического волокна, я в начале сентября, вместе с группой человек в 25, был отправлен на уборку картофеля в подшефный колхоз «Красный факел». Центр его – деревня Харитоново. Знакомясь с местами, где мне было суждено прожить целый месяц, я обратил внимание на строение непонятной архитектуры: без фундамента, с маленькими, низко расположенными окнами. Но с трубой. На мой вопрос, кто живет в такой «халупе», мне ответили: никто, это же пекарня. Здесь выпекался только черный хлеб. Процесс выпечки, как я узнал, продолжается три часа. Нас им кормили – нормальный хлеб.

В восемнадцати километрах на север от Шуи расположилось старинное знаменитое село Дунилово. Уже были «освоены» по Тезе и Клещевка, и Косячево, и Марково, и «Небурчиловка». Однажды я случайно попал в покоровившее меня Чернево. И был день, когда я на велосипеде доехал до Дунилова. Побродил по нему, полюбовался им, фотографировал его. У меня уже был «Любитель» – хорошая камера для начинающих фотолюбителей. Короче, я Дуниловом «заболел». Стал посещать его очень часто. Этому помогло то, что у меня появился мопед «Яветта», а потом

и мотороллер «Турист». Позднее появился «Запорожец». Так что попасть в славное село, даже только за хлебом, не было никаких проблем. И с бензином тоже: литр марки А-72, на котором работала моя «техника», стоил 15 копеек за два литра. В 1972 году он подорожал вдвое. Через год-другой он стал еще вдвое дороже – 30 копеек за литр. В те годы я уже сотрудничал с газетой «Знамя коммунизма», которая платила за каждый опубликованный снимок 3 рубля.

Не скажу, что в первый же приезд, но вскоре я уяснил, что в этом селе есть пекарня, выпекающая вкусный белый хлеб в форме буханок. Взяв пример с Василия Пескова, я старался выходные дни или один из них проводить в путешествиях по окрестностям Шуи. Не забывая, конечно, о Дунилове.

Мой рюкзак вмещал 2-3 фотокамеры, 3-5 сменных объективов, литровый термос хорошо заваренного чая, банку кильки в томатном соусе и до пяти буханок дуниловского хлеба. Одну из них я «уминал», едва перебравшись на высокий правый берег, занимаясь любованием открывшимся пейзажем. Из оставшихся буханок две предназначались для дома, одна родителям, вторая теще. Впрочем, в Дунилово в те годы многие ездили не только за удивительного качества хлебом, но и за промышленными товарами, поступавшими со всех стран мира: чехословацкой обувью, австрийской и финской одеждой, немецким трикотажем и многими другими, поставлявшимися по линии райпотребсоюза.

Весной 1980 года о дуниловском хлебе узнала без преувеличения вся страна, а может быть, и весь мир. В главной газете страны «Правде» была опубликована статья шуйского журналиста Геннадия Сурина с заголовком из названия этого изделия.

В начале ноября 1980 года в Шую провел без малого четыре дня Василий Песков. При встрече я спросил его, что он хотел бы увидеть в наших краях, кроме запланированного еще в Москве. На что он ответил, что хотел бы побродить по шуйским проселкам. «Если вас устроит Запорожец, – спросил его, – то я к Вашим услугам». «А мне большего и не надо», – последовал ответ.

Через день, в 8 утра я подъехал к гостинице, поднялся в номер, доложил о готовности к путешествию. Мы вышли, сели в «авто» и поехали, как я обрисовал, по нашему «Малому “Золотому кольцу”». Я сообщил Василию Михайловичу, что на нашем пути будут деревеньки Воронеж, что порадовало его слух, и

Чернево. Побывали в обеих. Приехали в Дунилово. Зашли в магазин. Хлеб только привезли. Очередь – человек пять. Песков покупает буханку, берет ее как-то необычно, так, что один из нижних углов ее оказывается у него во рту. Он откусывает этот угол. Очень долго его жует. А, прожевав, говорит, растягивая слова: «Хор-р-роший хл-л-леб». Разговорились, оказалось, что он читал в «Правде» ту статью и помнит, что там было написано. Он купил еще буханки две-три. Появилось естественное желание увидеть, кто и как его делает. Где пекарня, я знал – на другом конце Торговой площади. Я там никогда не бывал. Но знал, что вход посторонним в пекарню запрещен. Однако, полагая, что у меня есть хороший щит в лице Пескова, я смело направился к пекарне. Нам здорово повезло: заведующий этим «производством» Вячеслав Алексеевич Казаков в нерабочий день оказался на рабочем месте. Пескова он узнал сразу, поэтому с нашим пребыванием в пищеблоке проблем не было. Сошли за почетных гостей.

Утром другого дня, встретившись, Василий Михайлович сказал мне: «Знаешь, а суточный-то дуниловский хлеб – просто великолепен». Да, у этого «изделия» был не только удивительно приятный вкус, но и какое-то изумительно приятное, как у хорошего, очень дорогого, вина – послевкусие.

Прежде чем поставить точку, я должен поведать вам еще одну совсем маленькую историю, не будь которой, мы бы, вероятнее всего, не покупали в тот день с Василием Михайловичем тот дуниловский хлеб. История эта такова.

С 1971 года по 1983 год Председателем Совета Министров СССР был Михаил Сергеевич Соломенцев. Вероятнее всего, в первые годы пребывания на этом посту он, объезжая свое «хозяйство», посетил Иваново. В приватной беседе спросил у руководителей области: «Скажите, сохранились ли на ваших просторах пекарни? Так хочется поесть в них испеченного хлеба». Ему ответили, что осталась только одна, в Дунилово. Да и ту собираемся ликвидировать. «А нельзя ли отведать их хлеба?» – спросил высокий гость. «Никаких проблем, – сказали в обкоме, – через час будет здесь». Хлеб привезли. Михаил Сергеевич был изумлен качеством продукта и вынес такой вердикт: пекарню ни в коем случае не закрывать.

Возможно, она и осталась тогда благодаря визиту Соломенцева. Хотя... столько гроз и бурь пронеслось с той спокойной «застойной» поры, что никакие вердикты не действуют.

Неделю назад мне привезли на пробу буханку нынешнего белого дуниловского хлеба. Вкусил. Пожевал, с перерывами, разные ее части. Хороший хлеб... Но только вкус верхней, на изгибе, корочки напомнил мне то далекое прошлое.

Б. А. СИДОРОВ
(г. Шуя)

ТАК БЫЛО – ТАК СТАЛО

В зарисовке о И. М. Турушине может показаться странным повторяемый несколько раз момент: принесли Марии Ивановне пудовичок муки и оставили на ступеньках ее дома. Как это так – оставили? Украдут ведь! Похоже, что такого не могло быть. А если и случалось – это уже «ЧП». Ну, во-первых, приличный человек – господин – не украдет, а оборванец с такой ношей непременно попадет на глаза городовому, и вопрос, что с ним делать, будет решен быстро и просто. Это в нашей Шуе. А вот что поведал мне Михаил Леонтьевич Романов, о котором я уже упоминал.

Честностью в Российской Империи особенно славилось Великое Княжество Финляндское, которое с 1809 и до конца 1917 года находилось под нашим двуглавым орлом. Там были наши войска. Приезжая в отпуск, служивые люди, рассказывая о тамошних порядках, непременно упоминали о замечательном «изобретении» финнов: на каждой улице в городах Суоми были установлены специальные ящички с плотно закрывающейся – от осадков – крышкой. В эти ящички жители опускали находки – чужие вещи. Это могли быть зонты, носовые платочки, брошки, серьги, пуговицы и многое другое вплоть до кошельков.

Пришли вы домой и обнаружили, что у вас потеря: припомнили, по каким улицам шли, и повторили маршрут, заглядывая в эти ящички. Пропажа ваша непременно окажется в каком-нибудь из них. И вы вновь приколите свою любимую брошку на жакет или пиджак. Да что там зонты, пуговицы,

брошки. Русские офицеры – на спор – бросали туда пачку денег и через неделю обнаруживали ее там же.

Похоже, что «порядки» в Финляндии не изменились и век, без малого, спустя. В 1985 году футболисты шуйского «Темпа» были приглашены на юбилей футбольного клуба из города-побратима Пиексямяки. Принимающая сторона предложила для проживания команде один из пансионатов в окрестностях города. Приехали, расположились. Все прекрасно: в каждом номере по четыре удобных кровати, чудесная мебель, приятных тонов стены, занавески... Выходить... а замков в дверях нет. Только защелки...

– У нас не запирается, – последовал ответ на, как оказалось, бестактный вопрос.

Велосипеды, чье обилие просто поражало, стояли никак не «застрахованные» от воровства. Все гости из славного города Шуя обратили внимание, что выходя из «авто» никто из хозяев-побратимов двери не запирает. Нужды в этом нет.

На радостях от приезда решили сразу сделать несколько снимков на память. Кто-то, позируя фотографу, прижался спиной к яхте, стоящей у пирса. При этом «догадался» протянуть руки по корпусу судна... Куратор группы просто побледнел:

– Это же частная собственность! Пальцем нельзя коснуться! На вас в суд могут подать!

Но вернемся на шуйскую землю. Первые шесть лет супружеской жизни, начиная с 1964 года, я прожил в доме моей тещи Елены Андреевны Чуриновой на Торфяной улице. Частный деревянный дом постройки 1928 года. Вспоминая те времена, могу сказать, что на входной двери был замок с очень примитивным ключом, да и то в единственном экземпляре. Днем изнутри дверь никогда не запиралась, только на ночь; снаружи – уходя далеко от дома: на работу, в магазин, баню. В этом случае ключ клался на маленькую полочку в определенном месте, о существовании которого знали все соседи.

Кстати, решеток на окнах, так портящих ныне вид строений, я не припомню. Возможно, они и были в Банке или Сберкассе, но это не бросалось в глаза. Теперь все по-другому. Сначала за решетку посадили кассиров на их рабочих местах. Чуть погода, и операторов. Затем «металл» появился на окнах... И не только у них: в кафе, столовых, магазинах, конторах, понынешнему – офисах, причем не обязательно на первых этажах.

Идешь по городу и диву даешься: все чаще появляются решетки на окнах одноэтажных частных домов и домиков, на окнах многоэтажных жилых зданий... Входные двери – и те стали железные. И невольно задаешься вопросом: «Что это? Мода что ли такая пошла?». Ведь давно известно, что определенная часть людей моды ради покупают себе совершенно ненужные вещи только потому, что они есть у Пети с Васей или у Гали с Верой. Да нет! Похоже, что это уже необходимость.

И становится страшно!

Д. Ю. ЛИСТОПАДОВ
(г. Иваново)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШУЙСКОЙ УЕЗДНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ в 1923–1925 гг.

В 1923 г. в Шую возник первый пионерский отряд. К концу 1925 г. в городе и в уезде насчитывалось 66 отрядов. В этот период дети охотно шли в пионерские отряды. Однако удержать их в организации могли только интересные для них занятия. Если этого не было, отряд очень скоро распадался. В данной статье мы рассмотрим основные направления деятельности Шуйской уездной пионерской организации в 1923–1925 гг.

Всё многообразие форм деятельности пионеров можно свести к нескольким категориям:

Политработа. Именно этому блоку уделялось наибольшее внимание на курсах вожатых, данный вид деятельности был понятен комсомольцам-вожатым, поэтому значительная часть времени в пионерских отрядах уделялась именно политпросвещению. О том, как проходила эта работа, можно узнать из воспоминаний вожатой 4-го отряда Саватеевой А. В. Она пишет: «На пионерских сборах проводились беседы о революции, о Ленине, разучивали и пели революционные песни».¹ А. К. Юлова также упоминает о политработе: «Силами пионеров был устроен уголок «Безбожник», а также читались доклады о происхождении религиозных праздников. За 2 месяца июнь-июль 1924 г. было проведено 12 политбесед, 5 общих собраний».² Сюда можно

отнести, вероятно, и использование сугубо «взрослых форм работы»: уездная конференция³, собрания на неинтересные темы, участие в международном детском дне в качестве «наполнителя численности митинга»⁴ и т. д.

Иногда, впрочем, для разнообразия проводились различные политлотереи, на которых разыгрывались призы и подарки. Так, например, на Политбазаре в 3-м шуйском отряде пионерам задавались вопросы по типу «что должен делать пионер в деревне?» или «из жизни В. И. Ленина», а кто хорошо отвечал, тот получал премию.⁵ Об эффективности подобных мероприятий можно судить из другой заметки, написанной месяц спустя⁶: «12-летний мальчик, желающий принять участие в политлотерее, подходит к распорядителю, который задает вопрос: «В чем суть учения К. Маркса?» А мальчик-то еще не все буквы знает. Таких вопросов большинство».

Как видно, «политическому воспитанию» уделялось действительно большое внимание. Однако, при всей своей «идеологической правильности», политработа скорее вредила пионерской организации, так как была малоинтересна подавляющему большинству детей, которые предпочли бы заняться чем-то другим. Перегрузка политикой вела к разочарованию ребят в пионерской организации и к выходу из неё. Некоторые пионеры писали в газеты, надеясь таким образом побудить вожатых к новой, интересной для них деятельности. Так, например, пионеры отряда № 4 при клубе «Профинтерн» писали, что их занимают физкультурой и беседами, нет никаких игр и развлечений.⁷

Но это был ещё не худший вариант. Некоторые вожатые, видимо, не умея или не желая делать что-то другое, занимались с пионерами исключительно политбеседами. Пример такого вожатого мы видим в заметке в газете «Серп и Молот» от 3 июля 1925 г.⁸: «В д. Новино и Горлицыно... комсомолец, выделенный для работы с отрядом, редко посещает отряд... пичкает бессистемно пионеров политграмотой – ни игр, ни развлечений никаких нет. У ребят теряется интерес к отряду».

Общественно-полезная работа также присутствовала в жизни пионеротрядов. Пионеры, например, участвовали в субботниках.⁹ А. К. Юлова пишет о сборе металлического лома, отчислении из своего скудного пайка хлеба для голодающих, выращивании для детского дома овощей¹⁰, но мы полагаем, что данные сведения нельзя считать достоверными, в крайнем слу-

чае, это происходило позднее 1925 года. Доказательством этого может служить отчет Информационный отчет УБЮРО Юных Пионеров за июль, август, сентябрь месяцы 1925 года¹¹, где в разделе «Общественно-практическая работа» указано только следующее: «пионеры Ново-Горкинской волости, Спас-Юрцевской волости и города в фабричных дворах убирают щепень, который мешает проезду на лошадях. Пионеры Дуниловской волости снабжают кооперативы пакетами своего изделия, пионеры Южского района выгружают кирпич из барж, для фабрики». Нам ничего не известно об оплате подобной работы, возможно, пионеры делали это с целью помочь, или же использовались как дармовая рабочая сила. В отчетах пионерских отрядов¹² мы не видим никаких упоминаний об общественно-практической работе.

Лагеря и походы как форма пионерской работы существовали по крайней мере с 1924 г. В мае был проведен выход пионеров за город, в с. Якиманку.¹³ В августе-сентябре был проведен первый шестисуточный лагерь шуйских пионеров, причём приняли участие в нём 100 пионеров.¹⁴ В дальнейшем лагеря стали, видимо, регулярными. В 1925 году шуйские пионеры также выезжали в лагерь (по крайней мере, 1-й отряд¹⁵). Л. Охлопков вспоминает: «У нас был и пионерский лагерь... собирали устроители по всем предприятиям продукты кое-какие (подсолнечное масло да пшено) и отправили нас в лагерь. Построили в лесу за Марьиной рощей шалаша – в них и жили».¹⁶ Н. Берегов пишет в своих воспоминаниях: «делали 3-х дневный поход в лес к речке, с собой брали палатки и одеяла, продовольствие ...готовили сами на костре».¹⁷ Пионеры отряда в Новых Горках пишут, что из-за плохого материального положения отряда они не имеют палаток, и поэтому летом не могут вести лагерную жизнь.¹⁸ Можно сделать вывод, что лагеря присутствовали в планах жизни пионеров на лето. Несколько шуйских пионеров в 1925 году попали в «Артек», о чем писал «Серп и Молот».¹⁹

Физическому воспитанию определенное внимание уделялось. Обычно его вели вожатые. Вот как это проходило в 3 отряде: вожатый звена «занимаясь физкультурой в спортивной секции клуба, почерпывает там некоторые знания и в свою очередь делится ими с пионерами».²⁰ Отметим, однако, что особой квалификации здесь не требовалась, поэтому физические занятия проводились во всех отрядах. Шуйские пионеры 2-го

отряда даже показывали спортивные выступления.²¹ Хотя в некоторых отрядах, где дела обстояли совсем плохо, не проводилось даже физического воспитания.²²

Кружки также существовали, но работали плохо, что вынуждены были признать даже вожатые. Охлопков, в частности, пишет, что в его отряде переплётная мастерская, поработав немного со дня открытия, совершенно встала, а работает, и то не совсем ладно, одна лишь вышивальная мастерская. Существовали и кружки пикоров (пионерских корреспондентов), которые должны были издавать стенгазеты и писать в городскую и областные газеты. Однако обычно работа кружка пикоров ограничивалась выпуской одной-двух стенгазет и замирала, о чем постоянно писали в «Серп и молот» и ЮТ. Приведем характерный пример: «В большинстве пионерских отрядов приостановилась работа по выпуску стенгазеты. В 3-м отряде не выходила 1,5 месяца... то же или почти то же и в других отрядах».²³ Отметим, что в такой работе кружков виноваты и вожатые, т. к. они не считались с индивидуальными способностями пионеров: имеющего драматические способности бросали на стенгазету и наоборот, причём пионера, прикрепленного к определённой отрасли знаний (например, к стенгазете) другие стороны часто почти не касались.²⁴ Действовали в сильных отрядах театральные кружки, которые ставили разные революционные «пьески».²⁵

Протоколы собраний шуйских пионерских отрядов 1923-1925 гг. демонстрируют практически полное отсутствие инициативы самих пионеров. Как правило, речь идёт либо о дисциплине, либо о выполнении указаний сверху. В качестве исключения можно привести, пожалуй, только создание баскетбольных команд в шуйском пионеротряде № 3 и замену чтения «политических сказок» на чтение «Мурзилки» в работе с октябрятами – детьми в возрасте 5-8 лет (пионерский отряд № 4).²⁶

Таким образом, разнообразие деятельности пионеров зависело главным образом от вожатого. Если он был заинтересован в работе отряда и выбивал материальные средства для пионеров, деятельность была довольно разнообразна. В противном случае основное внимание уделялось политпросвещению. Инициатива снизу была слаба, и проявлялась редко.

- ¹ Из материалов комнаты пионерской славы ЦДТ г. Шуя
- ² Юлова А. К. Первые шаги пионерского движения (1922-1928 гг.). Реферат. Шуйский госпединститут, 1961. – Шуйский государственный архив (ШГА). – Инв. № 1711. – С. 4.
- ³ Серп и молот. Орган Шуйского Исполнительного Комитета Уездного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. – 1924. – 3 сентября.
- ⁴ Серп и молот. – 1924. – 31 августа.
- ⁵ Серп и молот. – 1925. – 21 февраля.
- ⁶ Серп и молот. – 1925. – 31 марта.
- ⁷ Серп и молот. – 1925. – 4 сентября.
- ⁸ Серп и молот. – 1925. – 3 июля.
- ⁹ Серп и молот. – 1924. – 13 июня, 23 августа.
- ¹⁰ Юлова А. К. Указ. соч. – С. 4.
- ¹¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). – Ф. П-293. Оп. 1. Д. 197. Л. 3-4.
- ¹² Там же. – Д. 193. Л. 32-220.
- ¹³ Серп и молот. – 1924. – 13 мая.
- ¹⁴ Серп и молот. – 1924. – 20 сентября.
- ¹⁵ Серп и молот. – 1925. – 18 июля.
- ¹⁶ Знамя коммунизма. – 1968. – 19 мая.
- ¹⁷ Музей Фрунзе (Шуя). – Комсомольский Фонд. Запись воспоминаний Н. Берегова.
- ¹⁸ Серп и молот. – 1925. – 10 июня.
- ¹⁹ Серп и молот. – 1925. – 28 августа, 11 сентября.
- ²⁰ Серп и молот. – 1925. – 19 февраля.
- ²¹ Серп и молот. – 1924. – 3 июня.
- ²² Серп и молот. – 1925. – 9 октября.
- ²³ Серп и молот. – 1925. – 8 июля.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Серп и молот. – 1925. – 19 февраля.
- ²⁶ ГАИО. – Ф. П-293. Оп. 1. Д. 167. Л. 9. Л. 32.

Д. Ю. ЛИСТОПАДОВ
(г. Иваново),
Ю. Г. ЛИСТОПАДОВ
(г. Шуя)

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ УЧАЩИХСЯ
ДЛЯ ПОМОЩИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
(ТРУДОВЫЕ ДРУЖИНЫ 1917 ГОДА
и ЛТО 1972 ГОДА в ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Идея организованного привлечения подростков-учащихся городских учебных заведений в качестве рабочей силы в сельскохозяйственное производство в России «начала овладевать массами» во время Первой мировой войны. Не остались в стороне и крупные города на территории нынешней Ивановской области. Поскольку реализовывалась эта идея исключительно энтузиастами, «на общественных началах», документальная база скудная. Однако следы остались в СМИ того времени и в архивах. Так, в Протоколе объединенного собрания по повышению квалификации школ 2 ступени и семилетки г. Шуя от 29.03.1926 отмечено, что при обсуждении вопросов общественно-полезной работы учащихся преподаватель Ведерников вспоминает общественно-полезную работу в империалистическую войну в форме посылок отрядов для уборки хлеба.¹

Много материалов о трудовых сельскохозяйственных дружинах учащихся размещено в летних выпусках 1917 г. газеты «Иваново-Вознесенск». В частности, по её публикациям можно проследить, как была реализована эта идея в Иваново-Вознесенском реальном училище.

- 13(26).05. 1917 дается объявление о том, что комиссия при родительском комитете Иваново-Вознесенского реального училища по организации трудовой дружины просит учеников реального училища, желающих вступить в означенную дружину, присылать заявление на имя С. П. Лаврова о согласии на это их родителей.
- 23.06. (06.07) 1917 сообщается, что в здании реального училища состоится собрание всех, записавшихся в сельскохозяйственную дружину, для формирования дружин земским агрономом Машеровым.

- 18(31). 07.1917 размещен материал, из которого следует, что вернулась обратно в город ученическая трудовая дружина, организованная родительским комитетом при реальном училище, которая работала 2,5 недели. Дружина оказалась небольшая: 10 человек дружинников и инструктор занимались косьбой и уборкой сена и оказали огромную услугу многосемейным солдатам села Авдотьино, деревень Дьяково и Конохино. Указывается, что «они ждут клич помочь в уборке хлеба».
- И, наконец, 27.08 (09.09). 1917 анонсируется публичный доклад И. А. Митюшина об организации трудовой дружины реального училища.

Отметим, что такие дружины организовывались не только в реальном училище. В июне 1917 года исполнительный комитет Союза учащихся г. Иваново-Вознесенск приглашал всех учащихся старших классов средних и низших учебных заведений на общее собрание по вопросу об организации трудовых дружин учащихся 15.06., в 6 вечера². В августе сообщалось о публичном докладе В. Г. Миловидова о деятельности трудовой дружины Иваново-Вознесенской мужской гимназии.³

После установления советской власти попытки реализовать идею «школьников городов – в сельскохозяйственное производство» с разной степенью интенсивности продолжались, но ведущую скрипку играли не энтузиасты, а властные органы. Особенно ярко это проявилось в 1972 году, когда с трибуны 24-го съезда КПСС прозвучали слова Л. И. Брежнева о том, что лагеря труда и отдыха – это очень важно. В Ивановской области в июле 1972 г. в лагерях труда и отдыха (ЛТО) и ученических бригадах работало более 18 тыс. старшеклассников.⁴

Поскольку организация ЛТО проходила в «пожарном порядке», о правильной организации дела, по большому счету, речь и не шла, в чем легко убедиться, прочитав материалы в областной комсомольской газете. Чтобы обеспечить занятость школьников, им была поставлена задача «заготовка веточного корма» для животноводства (коротко – «веников») И, практически в каждом номере «молодежки» появляются сообщения об ударном или, наоборот, неудовлетворительном труде школьников по заготовке «веников». Например, 05.07.72 сообщалось, что в Пестях пионеры и школьники заготовили 192 тонны веточного корма, а 06.08.72. сравнивали лагерь «Салют», собравший 18 тонн веточек, в то время как «вся Шуя – всего 14 тонн». При-

чем, в этом же номере написано о том, что «многие колхозы от веточек отказываются». Почему? Все очень просто. Летом коровы никакие веники есть не будут. Да и зимой, в общем, тоже. Веники – корм для коз. Поэтому тема «колхозы отказываются от веников, собранные гниют» красной нитью проходит через все летние номера «Ленинца». Так, в номере от 15.07.1972 конкретно называются колхозы, которые отказываются забирать «веники», констатируется, что в одном из лагерей «половина веток сгнила». 13.08.72 сообщается: 5 тонн веников лежат в лагере Ново-Горкинской фабрики, та же картина во многих местах, колхозы не забирают.

Помимо «веточек» старшеклассников задействовали в основном на прополке, хотя порой «подкидывали» и разные экзотические работы. 16.07.72 «Ленинец» разместил большой материал о ЛТО ивановской школы № 46. Остановимся подробнее на описании этого лагеря.

Поехал в лагерь «лучший 9 класс» – за право поехать в ЛТО «боролись». Поселили школьников в заброшенный бывший сельский детсад. Корреспондент с умилением пишет: «законопатали щели, обклеили стены газетами – чем не жилье?». Далее сообщается о «трудовых подвигах». С изумлением узнаем, что девятиклассники:

- разбрасывали ручную мочевину по полям (что вообще выходит за все рамки – хитрость разбрасывать ручную!);
- собирали крапиву (стоимостью 2 копейки за килограмм);
- пололи;
- дергали колоски (рожь из пшеницы);
- сажали кузику.

Были ребята в колхозе с 02.06.72 по 22.06.72, причем председатель колхоза приехал всего один раз и именно 22.06.72 – неожиданно для школьников отправил их домой.

Подчеркнем, что данный материал подается как позитивный опыт. И такое положение дел было типичным. В 66-й ивановской школе в 1972 г. выезжали в ЛТО 1-й год, причем на 25 мест в ЛТО было подано 70 заявлений из 4-х 9 классов, поселили их в школе в Васильевском, задействовали на прополке свеклы и пшеницы⁵, а школьников из 23-й ивановской школы поселили сначала в школе в 2-х км от места работы, затем отремонтировали интернат и переселили, постоянно перебрасывали на разные работы, в том числе, они заготавливали «веточки».⁶

Таким образом, мы видим, что попытки создания сельскохозяйственных дружин уходят корнями ещё в дореволюционные времена. В советское время этот опыт получил широкое распространение, однако приобрел характер кампанейщины, что не лучшим образом сказалось на качестве работы ЛТО.

¹ Шуйский государственный архив (ШГА). – Ф. 126. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

² Иваново-Вознесенск. Орган Иваново-Вознесенского Революционного комитета общественной безопасности. – 1917. – 14 (27) июня.

³ Иваново-Вознесенск. – 1917. – 24 августа (6 сентября).

⁴ Ленинец. Орган ивановского обкома ВЛКСМ. – 1972. – 28 июля.

⁵ Ленинец. – 1972. – 12 июля.

⁶ Ленинец. – 1972. – 26 июля.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.)

Т. А. КРАСНИЦКАЯ
(г. Шуя)

ЦЕРКОВНЫЕ ШКОЛЫ ГЛАЗАМИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Начальные и учительские церковные школы, получившие широкое распространение в стране в конце XIX – начале XX века, имели свою систему инспектирования. Сначала надзор за православными учебными заведениями осуществляли окружные наблюдатели, в основном из числа благочинных, а с 1896 г. – епархиальные и уездные наблюдатели. В пределах одного уезда, как правило, работал один наблюдатель. Деятельность всех уездных наблюдателей контролировал епархиальный.

Обязанностью наблюдателя любого ранга было посещение не менее двух раз в год церковной школы. Преимущество отдавалось учебным заведениям повышенного типа: из числа начальных – двухклассным церковно-приходским и всем учительским (второклассным и церковно-учительским).

Необходимо отметить, что не школы ведомства православного исповедания подвергались инспектированию. Так, в Костромской епархии остались без обозрения в 1900 г. – 31, в 1910-11 г. – 1 школа грамоты.¹ Подобное явление объяснялось различными неблагоприятными условиями. Одной из причин являлись природные условия, а точнее – непроходимость дорог в осеннюю и весеннюю распутицу. Но процент обзора церковных школ был достаточно высокий. В 1913-14 учебном году уездные наблюдатели Российской империи могли посетить 49824 церковные школы, а епархиальные – 6524.²

Путь инспектора был довольно нелегким. Об этом свидетельствуют многочисленные отчеты наблюдателей. Владимирский епархиальный наблюдатель В. Г. Добронравов указывал, что в 1900-1901 г. совершил «13 поездок, различных по продолжительности времени и неодинаковых по количеству школ» с августа по март месяц.³ В это же время Костромской епархиаль-

ный наблюдатель посетил 43 школы (8 второклассных школ (дважды), одну двухклассную церковно-приходскую школу (дважды) и 34 одноклассных церковно-приходских (четыре дважды)). Кроме того провел ревизию 8 уездных отделений. Им сделан был переезд в 2537 верст (1377 верст на лошадях, 720 – по железной дороге, 440 – «водою»). В общей сложности в пути он был 65 дней.⁴

Пребывая в школу, наблюдатель, в соответствии с инструкцией (в некоторых епархиях были свои специально разработанные), обращал внимание как на учебно-воспитательную, так и хозяйственную стороны, при необходимости делая замечания и давая советы учителям и заведующим. Ревизия школ, по сведению Макарьевского уездного наблюдателя Костромской епархии, происходила следующим образом: «Проверивши успехи по всем предметам обыкновенно наблюдатель предлагал учителю дать урок по тому предмету, успехи по которому сравнительно низки, и, если оказывалось, что молодые и неопытные учителя не обладают умением правильно вести урок по какому-либо предмету <...>, то уездный наблюдатель давал примерные уроки по этим предметам. Просматривались письменные работы учащихся и иногда давались и тут же проверялись диктанты.<...> Уездный наблюдатель наводил справки, исправно ли посещают школу учащиеся, имеется ли в школе расписание уроков, правильно ли оно составлено и строго ли выполняется. Тут же ... удостоверялся, ежедневно ли читаются утренние и вечерние молитвы, исправно ли учащиеся посещают храм Божий в воскресенье и праздничные дни. <...> Обращалось внимание на классную дисциплину и на то, какими мерами она поддерживается, – на внешний вид учащихся <...>. Производился осмотр классной комнаты с целью проверить, поддерживается в ней должная чистота, целесообразно ли расположена классная мебель. Проверялась школьная библиотека. <...> Обращалось внимание и на то, подготовленными является в класс учитель.<...> По окончании осмотра школы, уездный наблюдатель в квартире учителя или заведующего вел беседу с преподавателями школы по поводу замеченных хороших или дурных сторон учебно-воспитательного дела в школе, причем делались необходимые советы и указания. Всегда обращалось внимание на материальное и нравственное положение учителя или учительницы».⁵

Результаты наблюдений заносились в лучших случаях в классный журнал. В Костромской епархии уездные наблюдатели при обозрении школ вели дневники, а в Волынской епархии – заносили информацию в особые книги. О своих наблюдениях они докладывали уездному отделению и епархиальному наблюдателю, а по истечении года составляли отчет.⁶

Фиксация фактов посещения наблюдателем школы порой была довольно подробной, что позволяет судить об истинном положении в церковно-школьном образовании. Инспектор указывал, как на положительные, так и отрицательные стороны жизнедеятельности школы. Характерный пример – впечатления протоиерея И. Вострогова о посещении Иркутской церковно-учительской школы в 1906 г.: «Худшим уроком показался мне урок Зорева в 3 классе по физике. Учитель все сам говорит, не пользовался познаниями, которые уже имеются у учеников, и, наконец, объясняя устройство телеграфа и нарисовавши чертеж, сам сбился при объяснении его, стал дополнять, еще белее запутался, принужден был вынуть бумажку, на которой для себя приготовил чертеж, и так и не докончил объяснения, между тем по книге задал урок. Может быть ... г. Зорев был болен: на другой день он ... не пришел на службу по болезни ... У остальных преподавателей.... Много усердия к делу; главный недостаток их преподавания – это лекционная система и неумение вызвать по обсуждаемому вопросу оживленную классную работу... Впечатления от учеников со стороны умственного развития получено мною на уроках прямо дурное: говорить не умеют, отвечают словами учебника и при этом не только обычным «унылым» школьным тоном, но тянут, точно читают в церкви, внеклассное чтение почти отсутствует, в литературе, истории, географии начитанности никакой».⁷ После оценки деятельности преподавательского состава порой следовали увольнения.⁸

В поле зрения наблюдателей находилась материальная база школ. Не все православные школы, даже учительские, имели хорошее обеспечение книгами, мебелью, инвентарем. Достаточно неприглядная картина предстала перед взором помощника наблюдателя церковных школ России А. Ванчакова в сложный период первой русской революции: «Внешняя обстановка школы невзрачная, крайняя теснота помещений и неизбежная при этом неопрятность, грязь от многолюдства и скученности живущих, иные помещения служат нескольким целям зараз; напри-

мер учительские комнаты они – же класс для занимающихся живописью тут же за перегородкой и квартира учителя; зал для молитв и вечернего богослужения превращается по временам то в класс рисования, то в музыкальный класс, то в зал для литературно-вокальных вечеров. Столовая для общежитников – комната прохладная и очень холодная, так что ученики обедают в теплом пальто на плечах, когда на улице не очень большой холод. Ученические спальни очень тесны, а белье, платье учеников некуда девать, тут же в спальнях».⁹

Противоположную обстановку наблюдал А. Ванчаков в Хреновской церковно-учительской школы Костромской епархии, где по его словам были «отличные классные комнаты, хорошие спальни и столовая учащихся лиц. Содержатся все помещения чисто и опрятно...».¹⁰

Посещая начальные и учительские школы наблюдатели отмечали, что для их надлежащего состояния необходимы дополнительные финансовые средства, которых у церковно-школьного управления не было для удовлетворения всех нужд образовательного процесса.

Вместе с тем в отчетах инспекторов церковных школ сохранились факты взаимоотношений учащихся и учителей. Наибольшее количество проявлений недопустимого поведения относилось к 1905-1907 гг. – время революционных событий. И. Восторгов, инспектировавший в 1905 г. Томскую церковно-учительскую школу отмечал, что «ученики школы совершенно распущены иеромонахом Прокопием..., дело доходит до полной фамильярности и панибратства.... Ученики давно замечены в постоянном свободном хождении по городу, в позднем возвращении в школу, в неуважительном отношении к духовенству, к церкви и богослужения, бывали случаи пьянства». Таким образом, организация воспитательной деятельности нуждалась в «полном переустройстве».¹¹

Аналогичное неблагоприятное впечатление произвели на епархиального наблюдателя А. Юницкого и учащиеся Хреновской церковно-учительской школы Костромской епархии в 1907 г. Воспитанники уклонялись от богослужений, самовольно отлучались из общежития, были «несдержанны, чтобы не сказать грубы в объяснениях с заведующим и преподавателями, требовательны к столу и в то же время не заботятся о своевре-

менном представлении денег за свое содержание в общежитии».¹² Вопиющие случаи не оставались без внимания начальства. Учащихся, нарушавших правила учебного заведения, отчисляли.

В настоящее время отчеты наблюдателей церковных школ, достаточно хорошо сохранившиеся в центральных и региональных архивах страны, позволяют увидеть реальную жизнедеятельность православных школ дореволюционной России, с ее достоинствами и недостатками, о которой практически не говорилось на страницах официальных изданий, предназначенной для широкой аудитории, а значит объективно подойти к оценке церковно-школьной образовательной системы.

¹ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. - Кострома, 1902. - С. 23; Костромские епархиальные ведомости. - 1912. - Приложение к №№ 12-16. - С. 54.

² Церковные ведомости. - 1917. - № 4. - С. 79-86.

³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). - Ф. 450. Оп. 2. Д. 13. Л. 6-7,9.

⁴ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. - Кострома, 1902. - С. 18.

⁵ Там же. - С. 23-24.

⁶ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). - Ф. 518. Оп. 413. Д. 490. Л. 23.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). - Ф. 803. Оп. 5. Д. 631-а. Л. 236 об.-237.

⁸ ГАВО. - Ф. 450. Оп. 1. Д. 51. Л. 204; Оп. 2. Д. 13. Л. 22.

⁹ РГИА. - Ф. 803. Оп. 5. Д. 739. Л. 190-191 об.

¹⁰ Там же. - Ф. 803. Оп. 5. Д. 672. Л. 141.

¹¹ Там же. - Ф. 803. Оп. 5. Д. 360. Л. 180-182.

¹² Там же. - Ф. 803. Оп. 5. Д. 672. Л. 281.

**ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В ШКОЛАХ I СТУПЕНИ в 20-е годы XX в.
(НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ ШУЙСКОГО УЕЗДА)**

Задачи эстетического воспитания в советской школе были определены в 1918 году в «Основных принципах Единой трудовой школы». Под эстетическим воспитанием учащихся понималось «не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее...».¹ Только гармоничное сочетание с физическим, интеллектуальным, нравственным образованием даст возможность сформировать разносторонне развитую личность нового времени.

Важной стороной работы учебных заведений по эстетическому воспитанию был ее общественный характер (взаимодействие с социумом) – детская самодеятельность показывала свои достижения перед родительской общественностью, организациями-шефами. На протяжении всего учебного года в школах Шуйского уезда проводились мероприятия, в основном литературные утра и вечера, живые картины с декламацией, пением, инсценировки, приуроченные к юбилейным датам, спортивные выступления, спектакли (с угощением и без), елки, беседы на литературные и исторические темы, прогулки и экскурсии.

На начало 1920-х годов из 538 обследованных губернских школ 504 устраивали эти развлечения. Виды развлечений распределились следующим образом: елки – 68; литературные утра – 11; прогулки – 69; спектакли – 36; развлечения смешанного характера (елки, спектакли) – 320.²

12 ноября в 12 часов дня в 1920 году в 6 Советской школе решено устроить литературное утро памяти Ф.М. Достоевского для 2-5 классов: будет прочитана биография Достоевского заведующей школой Е. Вороновой, ученики 5 отделения Якубовский, Граниткин прочтут рассказы – отрывки из произведений Достоевского, и стихотворения, посвященные памяти писателя; ученик 4 отделения Болдаев – рассказ «Мальчик у Христа на елке».³ В результате литературных занятий в 40% школ губер-

нии издавались рукописные литературно-политические журналы.⁴

Из годового отчета 6 Советской школы I ступени за 1923–24 учебный год: «Внешкольная работа выражалась в устройстве литературных утр. Было устроено литературное утро в «Октябрьскую революцию» (украшение школы зеленью и флагами), «9 января», в день рождения В. И. Ленина и 1 Мая. Кроме этого устроен литературный вечер в зимние каникулы (*Приложение 1*). Дети принимали самое деятельное участие в организации школьных праздников. Они рисовали и писали программы, делали доклады, писали плакаты, выступали с декламацией, поставленные пьесы были исполнены силами учащихся, кроме того дети помогали в многочисленных работах по устройству спектакля...».⁵

Позднее в рамках внешкольной работы открываются кружковые объединения соответствующей направленности (литературный или драматический).

Одним из любимых праздников учащихся оставалась елка, так как чаще всего после спектакля, пения и подвижных игр проходила «раздача» угощения. В 1923 году каждый учащийся 2 Советской трудовой школы I ступени получил после елки булку, яблоко, ландрин, пряники и семечки.⁶

Учащиеся школ, показывая спектакли, зарабатывают деньги на нужды школы. Так, например, в 1925 году учащимися 3 Советской школы I ступени выручено было из постановки детского спектакля на нужды школы 15 рублей 16 копеек.⁷

Для проведения вечеров иногда приглашался и оркестр, для поддержания порядка, особенно в зимнее время, в течение вечера – участковый милиционер.

Большинство педагогов и руководство отделов образования в начале становления трудовой школы опасались, что проведение различного рода развлечений оторвут учащихся от образовательного процесса, но постепенно с изменением учебных программ, с систематизацией учебно-воспитательной деятельности, внеклассные мероприятия стали неотъемлемой частью жизни школы.

Приложение 1

Программа Литературного вечера

I отделение

«По заветам Ильича» – пьеса в 3 действиях с заключением

II отделение

1. Тесней ряды! Стихотворение – Ефимова уч. IV группы
2. Пять ночей и дней – Рыбин Бор.уч. III группы
3. Рабочий дворец – Языкова уч. III группы
4. Коммунары – Вахтина уч. IV группы
5. Красное знамя – Кузнецова уч. IV группы
6. Маленькие коммунары – Охлопкова уч. III группы
7. Советский часовой – Ефимова уч. IV группы
8. Железная дорога – Калинина уч. IV группы
9. На баррикады – Рыбин Бор. уч. III группы
10. Малютки – Вахтина уч. IV группы

III отделение

Спортивные выступления женских групп

¹Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1921-1931.– М.: АПН РСФСР, 1961. – С. 261.

² Известия Иваново-Вознесенского губернского экономического совещания. Ежемесячный журнал. – 1921. – Декабрь. – №1. – С. 237.

³ Муниципальное учреждение «Архив г.о. Шуя». – Ф.126. Оп.1. Д.13. Л.8. Протокол № 5 заседания Школьного совета

⁴ Отчет о годовой деятельности Иваново-Вознесенского губисполкома. – С.146.

⁵ Муниципальное учреждение «Архив г.о. Шуя». – Ф.126. Оп.1. Д.18. Л.4. Отчет 6 советской школы I ступени.

⁶ Там же. – Д.4. Л.1. Протокол № 2 собрания комитета содействия.

⁷ Там же. – Д.10. Л.4. Отчет комиссии содействия 1924-25 учебный год.

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский филиал Ивановского государственного университета и Литературно-краеведческий музей Константина Бальмонта приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII века до 20-х годов XX века. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУЙСКАЯ СТАРИНА

• Несмиян О. А.	Шуйская «гладилка»	3
• Козлов Ю. В., Дьяков А. Б.	Был ли Д. М. Пожарский в Шуе в конце июля 1612 года	6
• Бутрин Е. С.	Кабакские и таможенные откупщики в Шуе в XVII веке	11
• Макарьянц Б. Л.	К истории литургического почитания иконы Божией Матери Одигитрии	21
• Черниковский Д. М.	«Шуйские» дела в работе археологиче- ских обществ Российской империи	41
• Васильева О. Р.	«Безденежно доступен»: общественный городской сад в Шуе в конце XIX – начале XX века	51
	..	
• Иванов Ю. А., Иванова А. Ю.	Строилась дорога... (по страницам «Га- зеты железных дорог и пароходства») . . .	57
• Балдин К. Е.	Земские пути сообщения Шуйского уез- да в конце XIX – начале XX века	61
• Ставровский Е. С.	История с памятником	68
• Смирнов И. Ю.	Пленные немецкие генералы в Шуе во время Первой мировой войны	71
• Возилов В. В.	Ефим Вихрев – редактор журналов «Юные звуки» и «Эхо» (1918 год)	72

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

• Козлов Ю. В., Дьяков А. Б.	Исторические карты как источник изуче- ния военной истории России начала XVII века на территории Ивановской области	81
• Дьяков А. Б.	Неведомые образы Плеса	86
• Касаткина С. В.	Жизнь в усадьбе (по письмам О. Ф. Куломзиной)	92
• Репина Н. В.	Григорий Клементьевич Горбунов – ве- ликий предприниматель России	99
• Волченков В. А.	Питейные истории суздальской округи (конец XVIII – начало XIX века)	104
• Дубровский П. С., Дубровский С. П.	Семейственность и поколенческие тра- диции в промыслах	114
• Харитонов С. С.	Погост Веретево (Ковровского уезда) и г. Суздаль Владимирской губернии в авто- биографическом очерке писателя- народника Н. Н. Харламова «Без начала	

	и без конца»	122
• Кузнецова Л. Э.	Особенности владимирского быта конца XIX века глазами писателя-сатирика П. В. Заведеева	127
• Новичкова Н. Ю.	О развитии общественной инициативы по оказанию помощи пожарным служителям в имперской России	131
• Балдин К. Е.	«Кохма-Богословск»: Иваново-Вознесенск на страницах романа Всеволода Крестовского	134
• Несмиян О. А.	Сватовство Д. Г. Бурьлина	140
• Буслаева О. С.	Как готовили учительниц до революции: педкласс Иваново-Вознесенской женской гимназии	142
• Буслаева О. С.	Перспективы трудоустройства выпускниц гимназий в конце XIX-начале XX века (на примере Владимирской губернии)	146
• Балдин К. Е.	Уличные развлечения в старом Иваново-Вознесенске (начало XX века)	150

ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX

• Суслин В. М.	Мастер	155
• Сидоров Б. А.	Дуниловский хлеб	159
• Сидоров Б. А.	Так было – так стало	162
• Листопадов Д. Ю.	Основные направления деятельности Шуйской уездной пионерской организации в 1923-1925 гг.	164
• Листопадов Д. Ю., Листопадов Ю. Г.	Привлечение городских учащихся для помощи в сельском хозяйстве (трудовые дружины 1917 года и ЛТО 1972 года в Ивановской области)	169

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.)

• Красницкая Т. А.	Церковные школы глазами наблюдателей	173
• Озеркова Е. А.	Эстетическое воспитание в школах I ступени в 20-е годы XX века (на примере школ Шуйского уезда)	178

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. IX. – Шуя, 2015. – 184 с.

Технические редакторы: Е. В. Ставровская, Е. Ю. Фаркова

Подписано к печати 09.10.2015 Формат 60х84/16
Бумага ксероксная. Печать ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. листов 11,5 Тираж 300 экз.

Издательство ФГОУ ВПО Шуйский филиал «ИвГУ»
155908 г. Шуя Ивановской области ул. Кооперативная д. 24
Телефон (49351) 4-65-94.
E-mail: SwaneFF@yandex.ru
www.sgpu.tpi.ru

Отпечатано в ЧП «Полиграфия-Центр»
155900 г. Шуя ул. Ленина д. 30 , тел. (49351) 4-44-04.